

Журнал творческой мастерской
«Московский салон литераторов»

ISSN: 2782-1560 ISSN: 2782-1560 ISSN: 2782-1560

№ 4 (43) 2022

МОСКОВСКИЙ BAZAR

МОСКВА, 2022

Как мы праздновали Новый год

А знаете, некоторые люди вообще не празднуют Новый год. Звучит удивительно, не так ли? Тем не менее такие люди существуют. Есть у меня знакомые, геологи. Вечно они в разъездах: то в экспедиции, то в отпуске, то к друзьям в другие города уезжают. Постоянно пустующая квартира и яркий красный огонек сигнализации. Но Новый год – это святое. На Новый год они обязательно возвращаются в Москву, чтобы встретить праздник на Красной площади под грохот салюта и брызги шампанского.

Праздновать начинают заранее, дня за два: красный огонек сигнализации гаснет, и квартира оживает, наполняется друзьями, друзьями друзей, знакомыми и просто мимо проходящими. Мои знакомые геологи – люди компанейские, веселые, дружелюбные и рады всем без исключения гостям. Так что брызги шампанского

салютом разлетаются еще до заветной даты перехода из одного года в другой.

И вот, аккурат 31 декабря, ближе к вечеру, вся эта веселая вакханалия прекращается, музыка стихает и квартира погружается в предновогодний сон. Потому что перед походом на Красную площадь нужно как следует выспаться, чтобы отдохнувшими и посвежевшими отправиться на новогоднюю прогулку по Москве. Все-таки гулять предстоит до утра. В холодильнике ждет своего часа холодец, мясное ассорти разложено по тарелкам, тазик салата оливье стоит на балконе; селедка под шубой, соленые грузди, квашеная капуста, маринованные огурчики, моченая брусника, отварной язык – все в боевой готовности.

А 1 января дом просыпается от громких криков, доносящихся из квартиры геологов. Нет, там никто не дерется и не ругается, просто они в очередной раз проспали Новый год, и волшебный салют на Красной площади остается смотреть только по телевизору. И так из года в год. Впрочем, это тоже традиция празднования «непразднования» Нового года.

В моей семье проспать Новый год не представлялось возможным. Готовиться начинали заранее. Помню, как накануне мама варила холодец, а папа, сидя перед телевизором, чистил чеснок. Праздничный стол обдумывался заранее. Это было гвоздем программы – удивить всех чем-то вкусненьким. У мамы таким гвоздем был торт «Птичье молоко», который она пекла по собственному рецепту. Рецепт держался в строгом секрете, а торт действительно получался необыкновенно вкусным, легким и воздушным. Впрочем, моя мама была поваром, поэтому все, что она готовила, обладало особенным вкусом, даже в самые традиционные рецепты она вносила некую изюминку, так что привычные блюда получались особенными.

Ближе к полуночи собирались гости. В квартире то и дело звенел дверной звонок, вместе с веселыми и счастливыми гостями в прихожую вривался арктический холод, с пальто и шапок сыпался снег, кто-то непременно был в костюмах Деда Мороза и Снегурочки, коробки шоколадных конфет аккуратно складывались на кухонном столе – каждый гость считал своим

долгом принести этот дефицитный товар. В полночь под бой курантов открывали шампанское и с первым бокалом загадывали желание.

А потом начинались танцы. Дети болтались под ногами у взрослых, скакали и прыгали, забирались под стол и хулиганили, нас никто никогда не заставлял идти спать, это был общий праздник непослушания и нарушения всего распорядка дня.

Любимой передачей была «Мелодии и ритмы зарубежной эстрады». Она начиналась уже под утро. Мирей Матье, Джо Дассен, «Баккара», «Иглз» – всегда с единственной песней «Отель “Калифорния”», «Бони М», печальный Демис Руссос и прекрасные «АББА» – все это было маленьким окошком в таинственный и манящий мир загнивающего капитализма.

На этом праздник завершился, нужно было идти спать. Спать ужасно хотелось, и в то же время так жаль было расставаться с праздником! Так хотелось продлить его хотя бы еще немного! Однако утро нового года наступало неумолимо. Все когда-то заканчивается, и праздничная ночь тоже. Город стихал, фонарики на елке гасли, и только мишура и дождик продолжали мерцать от малейшего сквозняка.

Обычный советский Новый год. Ничего примечательного. Обязательная «Ирония судьбы...», стандартный праздничный стол, елка, подарки и неизвестно откуда взявшееся волшебство. Оно заполняло весь город в эту особую ночь, опускалось на крыши крупными мерцающими снежинками, зависало в отблесках фонарей, пряталось в переулках, скользило по замерзшим улицам и вместе с гостями проникало в дом, чтобы остаться там до утра...

С Новым годом, дорогие друзья! И пусть у каждого из нас обязательно сбудется желание, которые мы загадаем с первым глотком шампанского!

Ваша Светлана Сударикова

Екатерина Ключкова. Серия «Русский Север. Ярославской области посвящается...». Масло

СОДЕРЖАНИЕ

СЕМЕЙНЫЕ ТРАДИЦИИ:

КАК МЫ ПРАЗДНОВАЛИ НОВЫЙ ГОД. *Воспоминания*

МАРИЯ Д'ХУАН (Москва)

- *ТЕПЛАЯ АТМОСФЕРА ДОМАШНЕГО ПРАЗДНИКА*

ВЛАДИМИР ИЛЬИНСКИЙ (Москва)

- *БУСЫ, «ДОЖДИК», ГИРЛЯНДЫ ЛАМПОЧЕК...*

МАРИНА ИСКАНДЕР (Москва)

- *«...КУЛЬМИНАЦИЕЙ БЫЛИ ПОДАРКИ, ТАНЦЫ И ИГРЫ»*

ВАЛЕРИЙ РОГУЛИН (Москва)

- *МАНДАРИН ПОД ПОДУШКОЙ*

ОЛЬГА ГРУШЕВСКАЯ (МОССАЛИТ, Москва)

- *ЗАГАДОЧНАЯ КОРОБКА*

8

10

11

12

13

ГАЛЕРЕЯ BAZART

ИГОРЬ БУРДОНОВ (МОССАЛИТ, Москва)

- *«...ЦЕЛЬ ХУДОЖНИКА ВСЕГДА ОДНА И ТА ЖЕ: НАРИСОВАТЬ ВЕЧНОСТЬ». Масло и тушь*

15

ЧАСТНАЯ ТЕРРИТОРИЯ

ЕЛЕНА ОБРАЗЦОВА (Москва)

- *«...НИКОГДА ТЫ НЕ НАЙДЕШЬ ЖЕМЧУЖИНУ, НЕ ПЕРЕЛОПАТИВ КУЧУ МУСОРА». Путешествие по музею Сергея Мещерякова. Специально для МВ*

21

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

СВЕТЛАНА КАТЕРИНКИНА (Москва)

- *БИТВА ЗА ГРИБНОЙ ГОРОД. Из сборника сказок «Легенды волшебных земель».*

НАТАЛЬЯ ПУНИНА-ОРЛОВА (МОССАЛИТ, Москва)

- *КРОШЕЧКА-ХРОМОНОЖЕЧКА. Из цикла «Старый сказ на новый лад»*

ОЛЬГА ЧЕРНОВА (г. Вязьма, Смоленская обл.). Стихи для детей

27

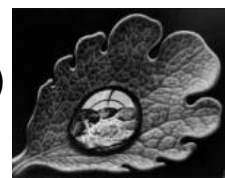
32

35

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА – ГОЛОС ПРОШЛОГО

ПЕТР ДУБЕНКО (МОССАЛИТ, с. Старая Балыкла, Самарская обл.)

- *СКАЗКИ КАК ОТРАЖЕНИЕ РЕАЛЬНОЙ ИСТОРИИ*

38

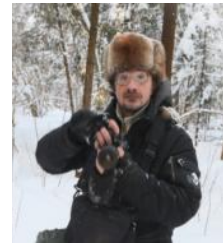
ФОТОЛАБОРАТОРИЯ

Знакомьтесь: писатель, фотохудожник, фотограф-иллюстратор Красной книги Москвы АЛЕКСЕЙ ЗАХАРИНСКИЙ

- ЭТЮДЫ и ФОТОГРАФИИ

АЛЕКСАНДР ШПАГИН (Москва)

- СИЮМИНУТНАЯ ВЕЧНОСТЬ АЛЕКСЕЯ ЗАХАРИНСКОГО

43

51

ПРОЗА

СВЕТЛАНА ТЮРЯЕВА (г. Петушки, Владимирская обл.)

- ДОМ С ПАЛИСАДНИКОМ
- ПОДФАРТИЛО

ЮЛИЯ АНУРИНА (Москва)

- СПИЧКА
- ЭПЛ – ЭРА ПОЛНОПРАВНЫХ ЛЮДЕЙ

АНДРЕЙ ЗЕНИН (Москва)

- ЮВЕЛИР

МИХАЭЛЬ ЛАНДБУРГ (Ришон ле Цион, Израиль)

- ДАМА ПРИГЛАШАЕТ КАВАЛЕРА
- ПРИ УТРЕННЕМ СВЕТЕ

52

54

56

59

63

71

72

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЛИКБЕЗ

АЛЕКСАНДР КОСТЕРЕВ (Санкт-Петербург)

- КАК ДЕЛАТЬ СТИХИ, или ЧЕРТОВА ДЮЖИНА ПОЛЕЗНЫХ СОВЕТОВ ОТ МАЯКОВСКОГО

74

ПОЭЗИЯ

АНДРЕЙ ПОПОВ (Сыктывкар)

ЕВГЕНИЙ ПАЛЬЦЕВ (Санкт-Петербург)

АЛЕКСАНДР КОСТЕРЕВ (Санкт-Петербург)

ВЛАДИМИР КОРКИН (Ярославль)

ЕЛЕНА КУПРИЯНОВА (Москва)

ЮЛИЯ БЕЛОУС (Москва)

84

88

94

98

102

105

ЗАПИСКИ НА МАНЖЕТЕ

ОЛЬГА РЫБАКОВА (МОССАЛИТ, Москва)

- ЖИВОЙ ОГОНЬ

107

СОБИРАЕМ ЧЕМОДАНЫ

АНАСТАСИЯ МИЛЮТИНА (Москва)

- КАРЕЛИЯ. Хроники одного путешествия

109

Московский BAZAR № 4 (43) 2022

репродукции картин и иллюстраций М. Эшера, Е. Клочковой, О. Гуревич, К. Галеевой, И. Бурдонова, Ю. Ануриной, фотоработы А. Захаринского, фотографии из авторских архивов С. Мещерякова, М. Д'Хуан, В. Рогулина, О. Грушевской, А. Милютиной, открытых интернет-источников.

На обложке:

К. Галеева. Зимняя дорога. Из цикла «Липовка». Холст, масло. 2018

Руководитель проекта *Ольга Грушевская*
 Главный редактор *Светлана Сударикова*
 Редактор-корректор *Ирина Чижова*
 Художественный редактор *Ольга Грушевская*

Кураторы рубрик:

«Проза» – Светлана Сударикова
 «Поэзия» – Алексей Казарновский, Ольга Уваркина, Андрей Баранов
 «Культурное наследие» – Ольга Грушевская, Светлана Сударикова
 «Частная территория» – Светлана Сударикова
 «Журналистика», «Голос прошлого – литературная критика» – Петр Дубенко
 «BAZART» – Ольга Грушевская
 «Записки на манжете» – Ольга Рыбакова
 «Детское чтение» – Ольга Уваркина
 «Собираем чемоданы» – Анастасия Милютина

Журнал выходит в рамках проекта творческой мастерской «МОССАЛИТ»

www.moscowbazar.com © МОССАЛИТ

Ольга Гуревич. Мороз и солнце. Холст, масло

СЕМЕЙНЫЕ ТРАДИЦИИ: КАК МЫ ПРАЗДНОВАЛИ НОВЫЙ ГОД

Публикуем воспоминания, зарисовки и короткие рассказы о праздновании Нового года, написанные авторами специально для текущего выпуска МВ

Фото из семейных архивов

Мария Д' Хуан,

эссеист, внучка кинематографиста З. С. Маркиной

ТЕПЛАЯ АТМОСФЕРА ДОМАШНЕГО ПРАЗДНИКА

То, как отмечали раньше в нашей семье Новый год, мне рассказывали мама и бабушка Сима¹. Даже в непростые послевоенные годы взрослые всегда старались сделать детям настоящий праздник и придумать что-то особенное!

Тогда семья жила на улице Чкалова (теперь это улица Земляной Вал) в доме с окнами, выходящими на Садовое кольцо. В доме были высоченные потолки, и к Новому году в большой комнате ставили огромную елку – до самого потолка. Дедушка Коля² и дети делали игрушки и украшения на елку своими руками. Дед Николай любил работать с деревом и вечно что-то мастерил – где-то даже сохранилось на чердаке его озеро с цаплями из яичной скорлупы, засохших веточек, кусочков замысловатой коры; дед отличался большим вкусом и любовью к природе. А из новогодних игрушек я до сих пор бережно храню гномика из ваты на спичечной коробке, шишки с нашего дачного участка, покрытые золотой и серебряной краской.

Мама с восторгом вспоминает праздничные наряды, которые шила бабушка для нее и ее подружек. Из лоскутов ткани, ваты, бус, бисера, новогоднего дождика, из всевозможных подручных материалов получались удивительные костюмы Снежинок, Снежной Королевы, Снегурочки, шили даже балетные пачки из накрахмаленной марли.

В новогоднюю ночь обязательно организовывали концерт: дети читали стихи, танцевали, водили хороводы вокруг елки, а взрослые – родители, их друзья, соседи – были зрителями. После выступлений детям вручали сладкие подарочки.

Эту теплую атмосферу домашнего праздника мама пронесла через всю свою жизнь и передала нам – детям и внукам. Мы бережно храним традиции в нашей семье и празднование Нового года – одна из главных!

И в наши дни мы обязательно всей семьей собираемся в нашем доме во Внукове и все вместе наряжаем елку, упаковываем подарки, готовим и накрываем праздничный стол.

¹ Серафима Семеновна Титова, химик по образованию, большую часть своей жизни посвятила воспитанию детей. Родная сестра Зиновии Семеновны Маркиной, актрисы, кинодраматурга первого выпуска ВГИКа.

² Николай Никифорович Иванов – сценарист, писатель, общественный деятель. В конце 1930-х годов вместе с Н. К. Крупской боролся с беспризорностью и занимался организацией детских домов для детей-сирот.

С бабушкой Серафимой во дворе у новогодней елки

С подружкой дома у елки

Каждая семья, а нас уже образовалось три поколения, готовит к праздничному столу свое особое блюдо.

К Новому году наши дети рисуют и клеят открытки своими руками, а мы, взрослые, ежегодно выпускаем стенгазету или юмористический коллаж с фотографиями нас самих и друзей.

Еще за долго до самого события все начинают придумывать себе карнавальные костюмы – это непереносимое условие для всех участников праздника. Бывает так, что мы выбираем тематику для костюмов. Однажды, например, все выбрали сказку «Золотой ключик», где мы с мужем были Котом Базилио и Лисой Алисой, наш сын был Буратино, дедушка – Карабасом Барабасом, а бабушка (моя мама) – Тортилой. Организовывали и цыганский вечер, и латинский карнавал, и ретро-вечер «Назад в СССР». А один раз дети изготовили потрясающие японские наряды и приготовили блюда японской кухни. Помимо костюма каждый персонаж у нас готовит свой особый номер – это очень весело! В предвкушении праздника, задолго до Нового года, начинается суета и подготовка, которая всех нас объединяет.

Заливное из судака

Мамины рецепты

Ингредиенты: рыба судак, морковь, лавровый лист, черный перец горошком, соль, петрушка, лимон желатин.

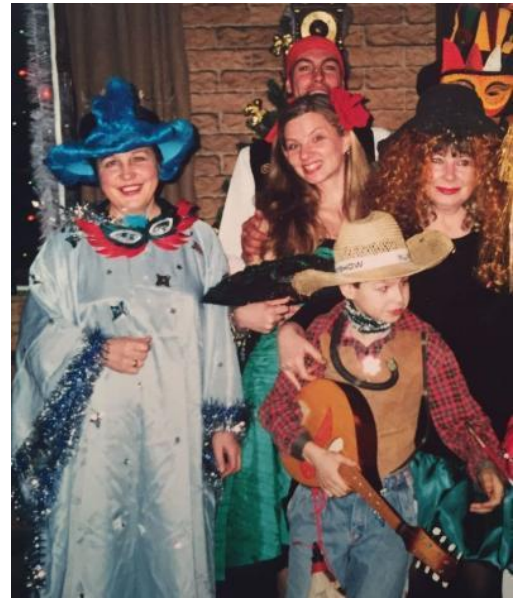
Способ приготовления:

1. Отварить рыбу с костями, морковь, лук, лавровый лист, перец соль. Варить 20 минут.
2. Разобрать рыбу на части, удалить кости, выложить в глубокое блюдо.
3. Желатин развести по инструкции, запустить в бульон, прокипятить 2 минуты, процедить и залить рыбу. Украсить лимоном, петрушкой и клюквой.

Поставить в холодильник на несколько часов.

Мой внук Лука

Я (в центре) с сыном Мигелем и мамой (справа)

В 12 часов с боем курантов члены нашей семьи собираются за большим новогодним столом, загадывают желания, а после начинается волшебство самого праздника: мы выходим во двор, где под праздничный фейерверк появляются Дед Мороз и Снегурочка (каждый раз кому-то из нас выпадает честь исполнять эти роли). Они приносят огромный старый сундук с подарками.

Потом начинаются конкурсы на лучший номер, костюм, лучшее блюдо. Проходит праздничный концерт, а в конце мы проводим шуточный аукцион, где продаются сувениры и поделки, сделанные детьми!

Вырос наш сын Мигель, уже растет внук Лука – праправнук бабушки Серафимы и деда Николая, заложивших обычаи семейных праздников. Сима и Коля смотрят со старых фотографий и, похоже, улыбаются нам, ведь те ощущения волшебства и ожидания новогодних чудес, которые благодаря им родились в семье в послевоенные годы, передались всем последующим поколениям, которые, в свою очередь, будут хранить и соблюдать семейные традиции.

Пирог с капустой

Мамины рецепты

Ингредиенты: капуста свежая, яйца, масло сливочное, тесто любое (можно готовое), соль, перец.

Способ приготовления:

1. Капусту мелко нарезать, залить водой и варить до готовности. Не солить!

2. Капусту слить, отжать, выложить на сковородку и немного обжарить на сливочном масле, добавить измельчённые яйца, соль, перец.

3. Раскатать тесто, выложить капусту и закрыть пирог.

Отправить в духовку и выпекать при температуре 180 градусов до золотой корочки.

Владимир Ильинский,

*журналист, редактор, переводчик, сын народного артиста СССР И. В. Ильинского
и заслуженной артистки СССР Т. А. Еремеевой*

БУСЫ, «ДОЖДИК», ГИРЛЯНДЫ ЛАМПОЧЕК...

Новый год всегда был в нашей семье одним из главных праздников. Назначенные официально праздники мама с отцом не признавали. Только Пасха, Рождество и Новый год. Правда, Старый Новый год тоже отмечали.

Елка всегда была настоящая. Мама сама ее выбирала на елочном базаре, покупала большую – под потолок. Ее устанавливали на деревянный крест, крест ставили в большой бак с водой, и мама потихоньку подливала в него воду и что-то добавляла, чтобы елка жила подольше. Обычно она стояла у нас до конца января – до моего дня рождения, и на ветках появлялись свежие побеги – светло-зеленые иголки, они были мягкими и не кололись.

Украшение елки – это было особое событие, которого я ждал всегда, и с удовольствием помогал маме. Игрушки и шары были разные – совсем старые, допотопные, но дорогие родителям как память, и новые. Бусы, «дождик», гирлянды лампочек... Этого было столько, что вся елка сверкала. И какое-то время мама украшала ее еще и свечами, которые вставлялись в специальные подсвечники с прищепками.

Именно свечи как-то раз чуть не привели к пожару. Мама зажгла их, и мы сели всей семьей за стол, и тут я, балуясь, задел одну из веток. Елка качнулась, свечка выпала из подсвечника и упала на вату, которой мама обкладывала бак с водой. Вата, конечно же, вспыхнула. Я страшно растерялся, отец, по-моему, тоже. Спасла ситуацию мама, которая голыми руками выдернула из-под елки горящую вату и затоптала огонь ногами.

Больше свечами мама елку не украшала.

«Малеевка»,
середина
1960-х гг.

Марина Искандер

филолог, редактор, дочь писателя Ф. А. Искандера

«...КУЛЬМИНАЦИЕЙ БЫЛИ ПОДАРКИ, ТАНЦЫ И ИГРЫ»

Расскажу о том, как встречали Новый год в Доме творчества писателей «Малеевка» в 70-е годы. «Малеевка» – огромная усадьба исторического значения, а не сталинский классицизм, как Дом творчества в Переделкине. Высокие колонны, широкие дубовые лестницы, огромные зеркала в старинных рамах, оранжерея – вся это роскошь была уничтожена в новые времена. Но вот что я помню...

На Новый год съезжалось дикое количество народу, в основном с детьми. Детей причесывали и наряжали. Главное, надо было заставить их поспать днем или хотя бы немного утомиться перед ночным праздником. Дети не виделись друг с другом с прошлого года и были страшно возбуждены встречей.

Залы к приезду гостей были уже украшены. Елок было несколько, одна из них – в лампочках – на улице. В фойе перед входом в столовую на одном зеркале было написано гуашью: «Во всех ты, душенька, нарядах хороша!» (для дам, видимо), а на другом: «Неча на зеркало пенять, коли рожа крива!» (для кавалеров). Мне казалось, очень дерзко...

Из деревни приезжали конюхи с лошадьми и катали нас на санках и верхом. Верхом было страшно, так как ноги у лошадей разъезжались на льду, но один кружок шагом мы все же делали.

К 12.00 мы были страшно голодные, так как обычного ужина не было, и практически штурмовали двери столовой. Не буду лукавить, что кульминацией были подарки, танцы и игры. «Малеевка» славилась необыкновенной добросовестной домашней кухней. Из всего бесконечного изобилия мне запомнился молочный поросенок, которого больше мне никогда не пришлось попробовать. После всего дети убежали беспредельничать в меру своего возраста, а родители ели-пили, переходя от столика к столику, ведь все знали всех...

Валерий Рогулин (5 лет), его мама, Евгения Рогулина, Эдит Утесова, Леонид Утесов

Валерий Рогулин,
сценарист, журналист,
приемный сын Эдит Утесовой (дочери
народного артиста СССР Л. Утесова)

МАНДАРИН под ПОДУШКОЙ

Из цикла «Дети войны»

1941 год. Великая война. Квартира Утесова опустела. Сам она на Калининградском фронте, выступает перед бойцами Красной армии.

Меня отправили в Ашхабад к маме – актрисе Драматического театра им. А. С. Пушкина. Еще до войны маму как актрису и общественного деятеля, по распоряжению Сталина, направили в Туркмению поднимать культуру.

Я хорошо помню эту предновогоднюю ночь. Мне пять лет, я в комнате один. У мамы премьера – «Король Лир». Потом, когда мама брала меня на этот спектакль, я всегда плакал и кричал ей «Мама, не умирай!»; мама играла Корделию. На столе настоящие деликатесы, ведь вся еда была по карточкам: селедочка, сладкий

батат (овощ, похожий на картошку), «хворост» на хлопковом масле, кислое верблюжье молоко, любимые котлетки из черной редьки, которые пахли ужасно. В углу стоит наряженная туя с маленькими живыми шишечками. Елок в Средней Азии не было.

Я беру чашечку в красный горошек и иду по коридору – поздравлять актеров. Это был дом – общежитие для актеров, здание красивое, кирпичное, с высокими потолками и необыкновенно красивыми дверями, и у каждого актера была своя комната. До революции это был дом терпимости.

Коридор длинный, я иду по нему, словно путешествую. В ожидании Нового года у всех радостное настроение, шумное.

«О, Валя, малыш!» – кричат мне, встречают и угощают, а еще наливают в чашечку что-то белое и сладкое – бражку, как я сейчас понимаю. Мне тоже становится весело. Я возвращаюсь в свою комнату, ложусь на кровать и смотрю на потолок, а он крутится и крутится. Я засыпаю.

Просыпаюсь я от теплых поцелуев. «Мама!» Ходики показывают без пяти двенадцать. Мама смотрит на меня с укоризной, качает головой, поглядывая на мою чашечку в горошек.

Чувствую запах мандаринки, лезу под подушку – и точно! Мандаринчик! Один. Ура! Это настоящий подарок. «Мама, я хочу встречать Новый год!» Ходики отбивают двенадцать ударов. «Спи, сынок». Наступает новый, 1942 год.

Приходят гости, я уже не различаю, кто они, слышу только разные голоса, говорят, что будет лучше, что, наверное, отменят карточки...

Потом был Сталинград, Курск, и была Победа.

Ольга Грушевская,
 прозаик,
 руководитель проекта «МОССАЛИТ»

ЗАГАДОЧНАЯ КОРОБКА

На Новый год я всегда болела. Как уж это случилось, не помню, но такая «традиция» длилась долгие годы. Однако Новый год, конечно, никто не отменял, хотя я и изнывала в кровати. Родители наряжали елку – мама всегда ее покупала сама на новогоднем базаре у метро «Речной вокзал», куда мы переехали с «Курской», от бабушки и дедушки, когда мне было года четыре.

Новая квартирка находилась в хрущевке, которых тогда понастроили для решения в Москве жилищного вопроса, а теперь, слава богу, сносят. Но по тем временам собственная квартира у молодых двадцатипятилетних людей, моих мамы и папы, была особой роскошью. Это была квартира-распашонка: налево комната родителей – одновременно спальня и папин кабинет, а направо – моя комната, служившая и гостиной. В ней стоял мой маленький раскладной красный диванчик и второй диванчик, побольше, для гостей.

Елка ставилась в моей комнате, в углу у окна, и была всегда высоченной и пахучей. Сначала родители долго и тщательно обматывали ствол гирляндой разноцветных лампочек – каждая лампочка в виде пузатой фигурки: космонавта, клубничины, баклажана... Нынче таких лампочек я не видела, а те самые, старые, сейчас еще где-то прячутся на дачном чердаке. Игрушки доставались с трепетом, словно совершались какие-то открытия, из разновеликих коробок, пылившихся весь год на антресолях. Игрушки эти – стеклянные и тоже все больше в форме различных сказочных героев, фруктов и ягод – до сих пор сохранились, правда, изрядно потертые и побитые.

Мне разрешалось вылезти из кровати, где я благополучно проводила большую часть предпраздничного времени, вся замотанная в пижамы, халаты и шейные шарфы, и принять участие в украшении зеленой красавицы. Ближе к самому празднику меня наряжали в какой-то очередной утепленный, но, на взгляд мамы, «нарядный наряд», заплетали косички и торжественно переводили на гостевой диван. С него отлично просматривался маленький коридор и родительская комната.

Как-то раз накануне праздника, ближе к вечеру, раздался резкий звонок в дверь. Звонок был громким и явно предвещающим что-то неожиданное. Я с бьющимся сердцем подскочила на кровати в предвкушении новогодних чудес. Папа с мамой, весело толкаясь и суетясь, – они были еще очень молодыми и любили шутить – распахнули дверь и громко кого-то поприветствовали. Кого они приветствовали, я не видела, так как в дверной проем просунулась длинная и объемная картонная коробка и сразу уперлась в противоположную стену. Лишь

У той самой серебряной елочки, 1970-е гг.

через минуту, которая показалась мне вечностью, после некоторого перемещения родителей в тесном пространстве, на пороге появились две знакомые внушительные фигуры, закутанные в зимние пальто и шапки. Это приехали бабушка и дедушка – родители мамы. Они мне тогда казались людьми крупными, очень значимыми и «беспрекословными». С ними никто не спорил. Только папа. Но чаще и он махал рукой и шел курить.

С появлением старшего поколения вся квартирка тогда сразу наполнилась морозным воздухом, потоптыванием ботинок, горячим дыханием, размашистыми жестами и громкими голосами и смехом, а настенная вешалка огрузла от объемной тяжелой одежды и тоже стала важной. Все были возбуждены и торопились просунуть длинную коробку в мою комнату. В конце концов это у них получилось. Коробка кокетливо прислонилась к стене и то и дело норовила, как мост, опуститься из коридора к моему парадному дивану.

Наконец все собрались рядом со мной, и дедушка с бабушкой торжественно водрузили длинную и еще прохладную коробку прямо на диван, а точнее – прямо на меня, сидевшую в подушках.

Открыть коробку было непросто – дедушка любил делать все основательно, поэтому тщательно запакованный подарок пришлось вскрывать всей семьей.

И вот – о чудо! – крышка была снята и я с трепетом заглянула внутрь загадочной упаковки. До самого верха коробку наполняли серебряные веточки, как потом оказалось, супермодной (по тем временам!) елочки, а на самом-самом верху этой блестящей серебряной подушки лежало принцессино платье – сливочного цвета, расшитое благородными жемчужными бусинами, и в пару к нему – также расшитый бусинами голубой кокошник.

Все сказали «ах!»: и родители – от неожиданности, и дедушка – от гордости, что подарок наконец попал в руки внучки, и даже бабушка-рукодельница.

Я «ах!» не сказала. Просто закрыла лицо руками и готова была разрыдаться. Разрыдаться от такой только мне предназначенной красоты и от горького горя, что вряд ли прямо сейчас, на праздник я наряжусь в это неземное легкое платье.

Меня принялись успокаивать и обещать, что «скоро у тебя спадет температура», что «еще впереди будет много праздников»...

Главное, не успеть вырасти.

А вот кокошник мне на голову надели, а папа даже поправил косички. В этом кокошнике я просидела целый вечер и потом даже рада была, что его с меня сняли, так как он сильно давил на ухо.

Помню, что серебряную елочку мы установили и нарядили в тот же вечер, и эта елка тоже жива – там же, на чердаке.

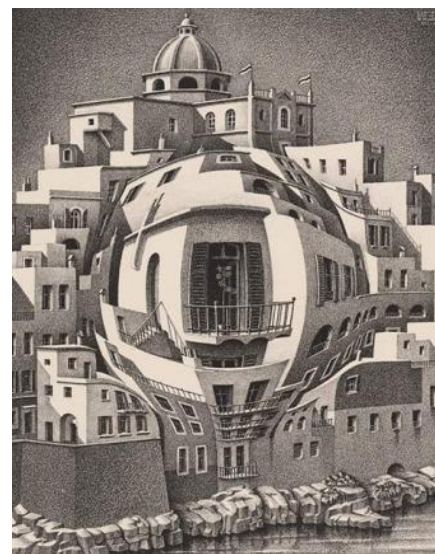
Милые, мои милые родные, как же я вам сейчас благодарна!

Московский BAZAR № 4 (43) 2022

BAZART

4 декабря в Культурном центре «Внуково» открылась выставка Галереи BAZART «НА ЗЕМЛЕ ЗИМА», где представлены работы четырех художников творческой мастерской «МОССАЛИТ»: Ольги Гуревич, Екатерины Клочковой, Кадрии Галеевой и Игоря Бурдонова.

В зимнем выпуске МВ мы публикуем репродукции представленных работ, а также материал, написанный И. Бурдоновым к открытию выставки.

Игорь Бурдонов

(МОССАЛИТ, Москва)

«...ЦЕЛЬ ХУДОЖНИКА ВСЕГДА ОДНА И ТА ЖЕ: НАРИСОВАТЬ ВЕЧНОСТЬ»

Масло и тушь

Когда я сказал Кадрие, что не хочу показывать на этой выставке свои старые акварели, а хочу сделать тушью копии её картин, написанных маслом, Кадрия обругала меня и заявила, что я мучаюсь дурью, что это вообще плохая идея. Но я её не послушался и стал делать копии. Кадрия продолжала меня ругать до последнего дня. Она говорила: «Ты хочешь, чтобы люди ходили, смотрели и сравнивали, у кого лучше, у кого хуже? Что за дурость! Мне это не нравится».

Сейчас я попытаюсь оправдаться. Дело в том, что картины маслом на холсте и тушью на бумаге — это настолько разные, я бы даже сказал, противоположные техники и мироощущения, что сравнение, действительно, дурость.

Кадрия пишет маслом на холсте. Холст грубо материален, ведь это даже не шёлк, на котором ещё можно писать тушью. Холст не принимает тушь, холст принимает только масло, которое столь же материально, вещественно и как бы моделирует весомые и зримые вещи. Тем удивительнее, когда картина маслом дышит воздухом, когда в ней открываются просторы пустоты.

Я пишу китайской тушью на китайской бумаге. Одно неловкое движение и в бумаге — дырка, особенно, если бумага уже намочена от воды, которой разбавлена слишком чёрная тушь. Масло такую бумагу просто продавило бы и разорвало на части. И сама бумага, и тушь почти нематериальны, почти абстрактны, как белое и чёрное, как инь и ян.

**К. Галеева. Это зима. Холст, масло.
Первая половина 1990-х гг.**

**И. Бурдонов. Это зима. 这是冬天.
Тушь, китайская бумага. 2022**

Но цель художника всегда одна и та же: нарисовать вечность. Но вечность вечности разнь. В картине маслом вечность — это бесконечная длительность, бесконечно длящаяся вечность. Долгая жизнь, сжатая до размеров картины.

В картине тушью вечность — это нулевая длительность, мгновенная вечность. Остановленное мгновение, раздутое до размеров картины.

Несхожи и техники работы.

Масло должно подсохнуть или полностью высохнуть для того, чтобы накладывать следующие мазки. Масло сохнет долго: часы, а то и дни.

Тушь или мокрая бумага, если тушь сильно разбавлена и в ней больше воды, чем туши, сохнет быстро: несколько минут, а то и секунд.

Кадрья пишет картину маслом долго. Несколько дней, а то и месяцев. Она должна подождать, потом посмотреть, что получилось, подумать об этом, подумать о жизни, и только потом продолжить. Она как бы проживает вместе с картиной целую жизнь, запечатлевая в картине этапы этой жизни. Единство масла достигается медленным движением кисти, остановками и глубоким продумыванием каждого шага.

Тушью надо писать быстро, пока не улетучилось мгновение. Останавливаться нельзя, иначе утратится единство туши. Это единство достигается внутренним сосредоточением, мгновенно выплёскивающимся на бумагу. Это жизнь, в которой между рождением и смертью нет промежутка.

И. Бурдонов. Зимняя дорога 冬季之路
Тушь, китайская бумага. 2022

Масло — это, прежде всего, цвет и мазок. Это тончайшие переходы цвета и вибрация фактуры. Это всё можно увидеть в картине, если вглядываться в неё. Ценитель подходит вплотную к холсту, чтобы разглядеть эту игру цвета и формы мазка. А мазок ведь не плоский, он имеет глубину, в нём чудятся горы и пропасти, холмы и долины. Картина маслом трёхмерна. И даже хочется ощутить это третье измерение тактильно, живую ткань картины хочется пощупать. Но обычно это не разрешают в галереях, боясь за сохранность картин.

К. Галеева. Первый день нового года.
Холст, масло. 2011

И. Бурдонов. Первый день нового года.
新年的第一天.
Тушь, китайская бумага. 2022

К. Галеева. Дубы Лианозовского парка.
Холст, акрил. 2015

И. Бурдонов. Дубы Лианозовского парка.
里阿诺佐夫公园的橡树
Тушь, китайская бумага. 2022

Тушь — это, прежде всего, каллиграфичность линии и неистовство штриха. Тушь монохромна: если добавляется цвет, то лишь в гомеопатических дозах, это даже не краска, а чуть подкрашенная тушь, тушь ведь тоже может иметь оттенки. И там, где тушь сходит на нет, сливаясь с белизной бумаги, рождается каллиграфия. Она предельно черна и как бы отрицает саму идею цвета. И где-то рядом ставят печать столь резкой киноварью, что она похожа на контрольный выстрел.

Картина тушью принципиально плоская, она вообще больше похожа на текст, чем на изображение. Но, как и в тексте, в другие измерения зрителя уносит уже его воображение.

Что же происходит, когда оригинал — это масло на холсте, а копия делается тушью на бумаге? Это похоже на перевод с одного языка на другой, да ещё когда эти языки настолько разные, чуть ли не противоположные, как русский и китайский. В переводе всегда что-то теряется. Может и что-то добавляться, появляться что-то новое, что, если и было в оригинале, то было неявно, скрытно. Считается, что переводчики должны избегать подобной отсебятины.

Но иногда это действительно хороший перевод, как, например, перевод Анны Ахматовой строки китайского поэта Се Тяо, цитируемой в стихотворении великого Ли Бо. Буквально у Се Тяо сказано «Река как белый шёлк легка, чиста». Анна Ахматова перевела это сравнение очень красиво «прозрачней белого шёлка». Почему это красиво? Потому что белый шёлк вообще-то не прозрачен, но вглядываясь в пустоту белого шёлка, как будто видишь все те картины, которые могли бы быть на нём нарисованы и которые на белом шёлке рисовали китайские художники. И в переводе Ахматовой получается, что река подобна этому белому шёлку тем, что

К. Галева. Старица. Холст, масло. 2009

**И. Бурдонов. Старица зимой. 冬季的太婆湾.
Тушь, китайская бумага. 2022**

она тоже (как зеркало) отражает окружающие её пейзажи, а ещё она прозрачна и в прозрачной воде чудятся картины.

Ну, а в других случаях лучше говорить не о переводе, а о переложении или реминисценциях, аллюзиях и т.п. Я буду говорить о потерях. Да, собственно, я уже и сказал об этом. Картина маслом сплошь покрыта мазками с тончайшими градациями цвета и фактуры. Каждый мазок — это маленький кусочек прожитой жизни, и мы видим, какая это долгая жизнь, какая это вечность. Ну, а в картине тушью слишком много пустого пространства, белой бумаги, которой не касалась кисть. Да и там, где касалась, никакой жизни она не проживала, а как бы пролетела, лишь коснувшись, как бы играла тушью, в которой, как в чёрной дыре, утонула вечность, коллапсировавшая в мгновение. Из картины маслом вываливается жизнь, упираясь в рамку картины, а в картине тушью жизнь проваливается, утягивая за собой паспарту и истончаясь почти до абстракции.

Не случайно подобный стиль живописи тушью китайские художники называли се-и — писать идею. Если картина маслом — это жизнь, то картина тушью — это идея жизни.

Но человек — это животное, научившееся понимать. А, как выразился Гегель, «понять — это выразить в форме понятий». Но понятие — не вещь, а лишь идея вещи. Человек живёт в мире вещей, но стремится их понять. Мне кажется, здесь как раз то, что примиряет картину маслом на холсте и картину тушью на бумаге. Потому что, в конце концов, картины — любые, что маслом, что тушью — это тоже не вещи, а наше понимание вещей. Каких? А вот тех, что

К. Галеева.
Холмы над рекой Вятка.
Холст, масло.
2008

изображены на картине, а также тех, что на картине не изображены, но чудятся. В картине ведь всегда что-то чудится, не так ли?

Теперь Кадрия, если хочет, может меня опять поругать за это умствование.

И. Бурдонов.
Холмы над рекой Вятка.
维亚特卡河上方的山丘
Тушь, китайская бумага.
2022

ЧАСТНАЯ ТЕРРИТОРИЯ

Елена Образцова
(Москва)

Специально для журнала «Московский BAZAR»

«...НИКОГДА ТЫ НЕ НАЙДЕШЬ ЖЕМЧУЖИНУ, НЕ ПЕРЕЛОПАТИВ КУЧУ МУСОРА»

Путешествие по музею Сергея Мещерякова

Сегодня музей Сергея Егоровича Мещерякова – Музей индустрии красоты – единственное в России собрание настоящих парикмахерских артефактов. Подобные, как правило частные, коллекции существуют и в других странах мира, но эта коллекция особенная, и особенная она хотя бы потому, что историю русских парикмахеров раскрывает только она.

Мы заглянули на сайт Сергея Мещерякова (www.museum.fin.ru), где прочитали, что основателем музея был известный мастер-парикмахер 60-х годов Леонид Александрович Годов, что коллекция артефактов собиралась и бережно хранилась на протяжении сорока лет и что только в 2003 году Сергей Егорович собрал воедино всю многолетнюю историю парикмахерского, косметического и постижёрного дела. Хочется назвать и помощников Сергея Егоровича – коллектив опытных и старейших мастеров: парикмахеров-модельеров Ирину Гаврилову, Валентина Савельева, Нину Воробьеву, Татьяну Константинову, Виктора Шарапова. На сайте опубликован уникальный материал: биографии наших ведущих российских мастеров-парикмахеров и великих художников-гримеров; интереснейшие статьи об истории причесок и эпохе «Чародейки», история создания отечественных духов и туалетного мыла и многое другое. Это бесценный ресурс для профессионалов или людей, интересующихся парикмахерским искусством, да и просто интересно и познавательно.

Мы встретились с Сергеем Мещеряковым и от имени MB задали вопросы о музее.

Елена Образцова (ЕО). *Сергей Егорович, вы – основатель такого необычного и первого в России музея парикмахерского, косметического и постижёрного искусства. Интерес к истории парикмахерского дела вызван вашей профессией? Вы сами – парикмахер?*

Сергей Мещеряков (СМ). Парикмахером – в привычном контексте – я не был никогда, я – постижёр. Заниматься волосами начал осознанно и уже очень давно, профессию свою люблю страстно, а вот начиналось все неожиданно.

Я играл на баяне и с 16 лет ездил в пионерский лагерь баянистом и даже был руководителем ВИА, а после армии руководил музыкальным коллективом Управления коммунально-бытового обслуживания населения (УКБО). Мы музыкально сопровождали

Московский BAZAR № 4 (43) 2022

парикмахерские конкурсы, так интересно было наблюдать за работой мастеров, как они «творили» прически, так что о профессии я знал много, так сказать, изнутри. К тому же я общался с самыми творческими и успешными мастерами СССР. Мой будущий учитель Леонид Александрович Годов решил создать группу постижёров. У нас в то время парики для населения не делали, а все привозили из-за границы. Набрал он человек двадцать. И как-то пригласил меня просто посмотреть, что ребята делают. Захожу, а они сидят, руки и пальцы так и бегают... Творят! Как мне это понравилось! А когда при УКБО открыли курс постижёрного дела, я ни минуты не задумываясь отправился изучать новую профессию. Учился на «Мосфильме», потом делал парики для актёров, а после – и для обычных людей. С подачи Леонида Александровича Годова, собственно, и начался музей.

Джузеппе Армани Каподимонте.
Фигурка «Стрижка под горшок», выполненная из бисквитного (матового) фарфора, Италия, XX в.

ЕО. А как родилась самая первая экспозиция?

СМ. Первая экспозиция появилась спонтанно. Леонид Александрович, потрясающий мужской мастер, подарил мне то, что в давние времена у каждого парикмахера было: металлические стаканчик и блюдце, помазок, опасную бритву и оселок, на котором правят лезвия. Подарил не просто, а со словами: «Вот, держи. И начни собирать музей». Я думаю: что значит «собирать музей», как его собирать?! Сначала я эти предметы на работе поставил, исключительно для красоты, да еще и написал красивым шрифтом «Музей парикмахерского искусства». Этот мини-музей я выставил уже после того, как Годова не стало...

Плойка для завивки волос и щипцегрейка, Германия, XX в.

Подарочная опасная бритва «Гр. Левъ Н. Толстой», Olifant, XIX в.

Сергей Мещеряков

Публика в мою постижёрную мастерскую на Сивцевом Вражке приходила интересная: артисты, музыканты, певцы, известные парикмахеры... Они смотрели на этот оселочек, чашку, помазок, выстроившиеся под плакатом «Музей парикмахерского искусства» – и почти все восклицали: «Ой, музей у вас?!» И эти слова «Ой, музей у вас!» привели-таки к мысли, что пора бы «музей» расширять.

ЕО. А как коллекция пополнялась? Я лишь могу догадываться, что собирать парикмахерские вещицы дело очень сложное – они не настолько популярны, как, скажем, монеты, украшения или книги, и представляют интерес для достаточно узкого круга. Так как вам удавалось выискивать столь необычные и редкие экспонаты?

СМ. Какие-то вещицы приносили те же клиенты, но и сам я задумался о том, как пополнять экспозицию. Совершенно точно я не хотел становиться коллекционером, собирать, например, одни бритвы. Музейщик от коллекционера этим и отличается – разнообразием. Музейщику собирать коллекцию гораздо интереснее. Но и сложнее. Сначала кто-то из клиентов подсказал, что существуют блошинные рынки, где можно найти все что угодно. Теперь-то меня все более-менее известные коллекционеры и антиквары знают, я же по всем антикварным магазинам делаю рейды и периодически с ними общаюсь. А первое время было тяжело, я собирал все подряд, просто вставал с утра пораньше и ехал на ближайšie барахолки: в Рязань, в Калугу, в Малаховку, в Ярославль...

Композиция «Парикмахер», немецкий фарфор, XIX в.

Фигурка «Парикмахер», Италия, XX в.

Московский BAZAR № 4 (43) 2022

При вокзалах там всегда толкучки были, с 6 утра и до тех пор, пока милиционеры не разгонят, а милиционеры давали два-три часа, чтобы собраться, расставиться и немножко поторговать. И каждая поездка для меня содержала настоящую интригу – всегда же едешь с надеждой, с предвкушением, что вот сегодня-то уж точно что-нибудь найду! Тысячи знакомств надо было завести среди тех, кто продает; бывало, что договоришься о каком-нибудь предмете (фене, например) с продавцом, я десять раз приехал, а он десять раз забыл! Одиннадцатый раз приезжаешь, он привез – и не то совершенно...

Когда на 111-ю годовщину Schwarzkopf я делал выставку, то мысленно представил тогда, что это мое помещение. Десять дней было в моем распоряжении, столько длилась выставка, и я выбрал для экспозиции лучшие экспонаты. У меня в день было по три экскурсии! Я мог рассказывать по три часа кряду, посетители уже падали – там сесть негде было, а я все рассказывал. За эту работу мне заплатили. Ну что, думаю, это несправедливо: деньги-то получил музей, а не я. На руках заработанная сумма, и знакомые антиквары посоветовали ехать в Австрию – это же все-таки центр Европы, там точно для музея можно что-нибудь интересное отыскать.

ЕО. Получается, артефакты у вас со всего мира! Наверное, не просто отличить настоящие от подделок, надо иметь не только опыт, но и чутье. Расскажите какую-нибудь особенную историю – историю появления одного из экспонатов.

СМ. Расскажу про путешествие в Вену. Взял путевку на три дня, так как выяснил, что в Вене блошиный рынок работает по выходным дням. Там, конечно, очарование, но я-то приехал с настроением – что-нибудь приобрести. А там!.. Цыгане, румыны,

Чашка для приготовления пены для бритья с помазком. На верхнюю часть кладется мыло, внутрь наливается горячая вода, Англия, XIX в.

Механическая ручная машинка для стрижки волос, Ritzma, Германия, 1920 г.

Устройство для заточки лезвий безопасных бритв, СССР, 1950-е гг.

Автомат-пультверизатор – прибор для распыления одеколона, СССР, 1940-е гг.

болгары торгуют барахлом. Много всякого ерундового новодела, и редко-редко антикварные какие-то вещицы попадаются, но все не то.

По таким местам надо раз десять пройти, чтобы глаза настроились, надо же увидеть еще что-то подходящее в этой пестрой куче. Холодина, ветер, но я не сдаюсь. И вдруг вижу у одного парня ножницы – как кинжал! Их какой-то иностранец крутит в руках, разглядывает: целые, новые! Я стою, уже чуть ли не молюсь, хоть бы он не забрал, господи, хоть бы он отказался! Это единственная вещь, а иначе я ничего не привезу, мне как-то стыдно столько денег потратить и ничего не привезти! Смотрю, улыбается и... кладет. Я тут же подскакиваю. Оказалось, что эти ножницы – каталожная вещь. В Турции, во времена Османской империи, парикмахеры использовали их для работы – как ножницы, а для обороны – как кинжал, так они заточены. Я их, конечно, забрал. Так что мне повезло, эти ножницы просто счастье! Я же на бритвы не смотрю уже даже, потому что столько их в свое время набрал, и дешевых, и дорогих, а мне коллекция-то не нужна!

Мне нужны бритвы как наглядные исторические экспонаты для рассказа, чтобы на них показать, что и как работает.

ЕО. Да, очень интересно! Такой азарт, наверное, но и огромный труд и упорство! А есть какие-то особо любимые вещицы?

СМ. Однажды утром отправился в Измайлово, ну и подошел к одним продавцам, они приехали из Тулы. Смотрю – чемодан-несессер – именной, с вензелем, полностью укомплектованный, но стоит очень дорого. Я занял эти деньги у друзей, а на что – не сказал. Но когда находишь что-то интересное, это незабываемые ощущения! И ведь никогда ты не найдешь жемчужину, не перелопатив кучу мусора. Не зря я прошел тысячи километров по барахолкам, истинные вещи даются как знак благодарности за то, что ты прошел этот путь своими ногами. Кстати, я всегда приношу свои находки знакомым антикварам, и они тоже восторгаются: ух ты, какая вещь, это же XVIII век, где купил?! Это и приятно, и необходимо, надо же с кем-то разделить свои эмоции. Так вместе и балдеем. У меня каждый экспонат несет свою историю, каждый – любимый.

ЕО. Я так понимаю, что музей ваш частный, а помощь от города не пробовали получить? Ведь музей – это вклад в общую историю.

СМ. В свое время я ходил в мэрию, пытался объяснить необходимость создания всероссийского музея, меня с трудом понимали. Но что такое «Музей парикмахерского искусства»? Что там может быть? Все же как думают: что видят у парикмахера на столе, то, значит, уже и вся экспозиция – ну, расческа, фен, ножницы, краски, вот и все. Четыре-пять предметов, какой там музей-то, о чем разговор? А у меня, между тем, больше тысячи

*Пульверизатор домашний,
Италия, 1930-е гг.*

*Огуречный крем от загара,
фабрика ТЭЖЭ, Москва,
1930-е гг.*

*Хрустальный флакон для
одеколона, Товарищество
высшей парфюмерии
«А. Ралле и К°», Москва, XIX в.*

экспонатов уже собралось. И все они должны быть в музее, чтобы наглядно можно было показывать и рассказывать, чтобы историю знали!

Стыдно сказать, что в парикмахерских колледжах не читают историю парикмахерского искусства. Уже не говоря о курсах, где одному только учат – стричь волосы. Я, когда прихожу в колледжи, только одни плакаты вижу, висят: Wella, Londa, Goldwell... Спрашиваю, а где ваши учителя, кто ученики были, где история ваша? Нету истории, никакой истории нету. Все уходит в песок.

Я пытаюсь спасти что могу: собираю документы, фотографии ведущих мастеров своего времени, ведь это были величайшие люди, создававшие моду. Хотя часто так бывает: просишь у парикмахеров фотографии знаковые, кубки. Не отдают – мол, я важный, мне самому нужно. Проходит лет пять, а он и говорит: «Ой, а у меня был евроремонт, и дочка фотографии и все дипломы мои выбросила». Целая эпоха времен «Чародейки» пропала на помойке! Ветераны парикмахерского искусства уходят, и свидетельства их жизни также уходят. Первый «Кубок Дружбы» исчез бесследно, а ведь период, когда начались первые международные конкурсы, это же целая эпоха, возрождение парикмахерского мастерства в СССР, превращение его в искусство!

ЕО. Грустная, конечно, история, но все равно не надо сдаваться. Пополняя коллекцию музея и поддерживая интерес к его архивам и артефактам, вы вносите неоценимый вклад в историю нашей страны. Это деятельность просветительская, и она обязательно найдет отклик.

Мы очень рады встрече с вами и уверены, что наши читатели заинтересуются вашим музеем и придут на выставки. Надеемся, впереди у нас еще не одна встреча и вы сможете нам поведать какие-то особые истории и раскрыть тайны музея.

Приглашаем посетить сайт музея и узнать больше информации: www.museum.fin.ru

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Светлана Катеринкина
(Москва)

БИТВА ЗА ГРИБНОЙ ГОРОД

Из сборника сказок «Легенды волшебных земель»

За далёкими лесами, за бескрайними морями расстилается волшебная страна. Называется она Флориндия. Этот цветущий край богат зелёными лугами, густыми лесами, большими озёрами. Озеро Флор – самое глубокое и чистое в этой стране. Оно настолько большое, что на его берегах разместилось сразу несколько городов. Самым удивительным из них стал Грибной город. Его испокон веков населяли маленькие человечки. Возможно, это гномы, но они сами не любят, когда их так называют. Человечки именуют себя флоринцами, потому что считают, что их город самый большой во всей Флориндии. Флоринцы настолько маленькие, что домиками для них служат лесные грибы. Да-да, взаправду, самые настоящие подберёзовики, белые, лисички – всех и не перечислишь. Но как же они живут в грибах? А вот как. Неподалёку от города зеленеют луга, на которых растут удивительные цветы. Растения эти прекрасны: ярко-оранжевая окраска лепестков сочетается с нежно-зелёным цветом стеблей и узорчатых листьев. Человечки называют эти цветы солнечными цветами.

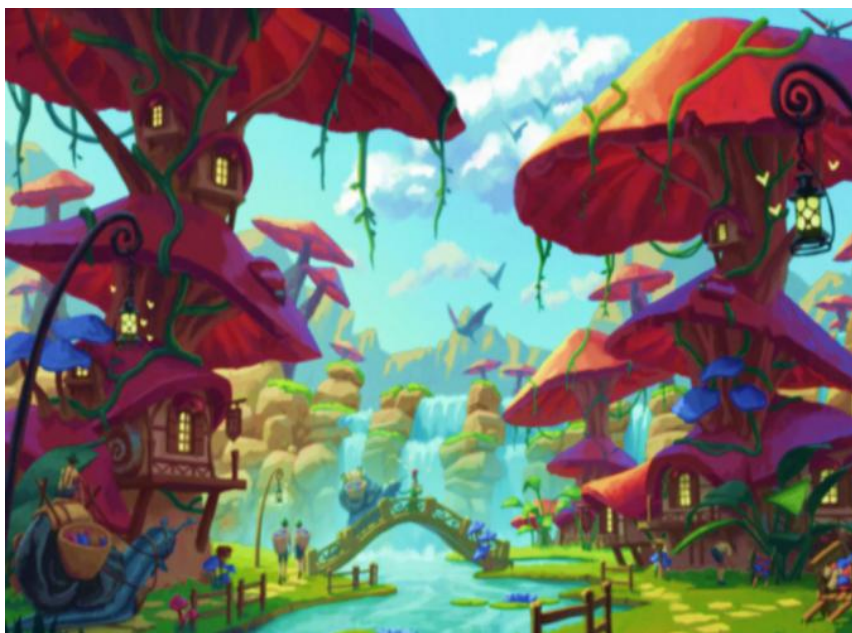
Но самое интересное – это нектар солнечных цветов. Флоринцы собирают его на рассвете. Нектар этот имеет удивительное свойство: стоит только полить им гриб, как тот начинает быстро расти. Гриб разрастается так сильно, что маленькие человечки своими маленькими инструментами могут делать в нём проходы и комнаты. Жених и невеста до свадьбы выбирают себе понравившийся гриб и начинают его поливать чудодейственным нектаром.

Как только гриб достигает нужных размеров, жених сам строит внутри него дом. После того как дом готов, можно и свадьбу играть. Молодожёны поселяются в новом доме, но не забывают еженедельно поливать свой гриб-дом нектаром солнечных цветов. Благодаря этому гриб не портится, в нём не заводятся черви, и он на многие годы служит семейным гнездышком для заботливых жильцов.

В одном из таких домов жила большая семья. Отца семейства звали Наран, а мать – Аиль. Были у них один сын и семь дочерей. Наран и Аиль усердно трудились, чтобы семейство не бедствовало. Лам, старший их ребёнок и единственный сын, помогал родителям. Он уже был довольно большим, и его частенько отправляли собирать нектар солнечных цветов. Лам очень любил свою страну Флориндию и свой Грибной город. И всё было прекрасно в этом солнечном крае, пока однажды не поселилась в этих местах злая ведьма. Она была до того страшная, что человечки прозвали её Страшилищем, а за то, что жила на Мухоморной поляне, – Мухоморкой. Ядовитая поляна эта находилась на противоположном берегу озера Флор.

Сперва человечки не обращали никакого внимания на хмурую и неприветливую соседку. Но со временем они заметили, что каждый раз, после того как Мухоморка посетит их город, происходят всякие неприятности. Человечки невзлюбили злобную женщину. А она что же? Она

их просто ненавидела. Но откуда же взялось столь злобное создание в этом благословенном краю? Предание гласит, что во дни, когда процветал Грибной город, в соседнем королевстве жили две прекрасные сестры – цветочные феи. Они были очень дружны, и надо же было такому случиться, что обе они влюбились в одного принца! Несмотря на то что они обе были изумительно прекрасны, принц выбрал себе в жёны одну из сестёр. Не мог же он жениться сразу на двух красавицах.

Если одна сестра светилась от счастья, то другая была убита горем. В сердце её поселились ненависть и зависть. Фея из доброй милой волшебницы превратилась в мрачную колдунью. Внешность её тоже стала меняться в худшую сторону. Она всё дурнела и дурнела, пока злоба не иссушила её некогда прекрасное лицо. Колдунья начала вредить всем подряд. Напрасно принц, ставший к тому времени королём, и сестра пытались образумить негодницу. Наконец терпение их лопнуло и они изгнали злодейку из своего королевства. Колдунья возненавидела всех добрых жителей этой земли. У неё ещё оставался шанс подумать над своим поведением и раскаяться. Но вместо этого колдунья отправилась на Мрачные болота, где водилась всякая нечисть.

На болотах бывшая красавица поселилась у злых колдунов, которые обучали её секретам тёмной магии. Главный колдун повесил на шею ведьмы чёрный талисман и велел никогда его не снимать. Ведьма, получив этот ужасный подарок, покинула болота и решила поселиться на берегу озера Флор. Разумеется, она обдумывала план, как бы известить молодого короля и свою сестру. Ведьма решила сперва потренироваться в своём чёрном искусстве и выбрала для этой цели бедных человечков. И вот она наслала на солнечные цветы такое заклятье, что у них исчез волшебный нектар.

Одним погожим утром Лам растерянно стоял со своим ведёрком на Солнечной поляне, где растут волшебные цветы. В это утро ему не удалось собрать нектар. Другие жители Грибного города тоже очень удивились, обнаружив, что солнечные цветы не дают больше нектара. Грибной город пришёл в неопределимое волнение! Некоторые грибы-домики уже начали увядать без чудодейственного полива. Жители собрались на главной площади города, чтобы обсудить своё положение и решить, что же делать дальше.

– Во всём виновата вредная Мухоморка! – говорили одни.

– Несомненно, это её проделки! – вторили им другие.

Возмущение жителей росло с каждой минутой. Наконец Наран, отец Лама, заявил:

– Друзья! Нам необходимо что-нибудь предпринять, или наш город будет просто уничтожен!

– Да! Надо что-то делать! – отозвалась толпа.

– Я считаю, – продолжил Наран, – что нужно пойти на Мухоморную поляну и призвать ведьму к ответу! Пусть прекращает своё колдовство!

– Ура! – подхватили идею жители Грибного города. – Вперёд! На Мухоморную поляну!

И они стали собираться в поход. Кто-то вооружился вилами, кто-то садовыми граблями, а кто-то взял с собой молоток. Мужчины решили обогнуть озеро Флор с юга, где рос более густой лес. Детей и

стариков оставили с женщинами в городе. Но Лам увязался за отцом, возглавившим шествие к Мухоморной поляне. Сперва все шли бодро, напевая весёлые песенки. У флоринцев не было военных песен, потому что до сих пор им не приходилось ни с кем воевать. По мере приближения к Мухоморной поляне лес становился всё мрачнее. Приветливые берёзовые рощицы сменились хмурыми ельниками. В зарослях мерещились дикие звери.

Вскоре некоторые из участников стали идти медленнее и, поотстав от отряда, поворачивали домой. Не было слышно весёлых песен, в сердцах человечков поселился страх. Наран, шедший впереди, обернулся и увидел, что в отряде его осталось лишь десять человек. Он очень испугался, но возвращаться не собирался. Что про него в этом случае скажут люди? Это же он предложил разобраться с ведьмой. Да и перед сыном было неудобно показаться трусом. Так и шёл он во главе теперь уже маленького отряда.

Человечки прошли через еловый лес и спрятались на опушке. Перед ними предстала Мухоморная поляна. Это было целое ядовитое царство. Огромные мухоморы самых фантастических цветов росли здесь повсюду. Путники увидели и обычные красные мухоморы, и оранжевые. А среди них были также мухоморы с фиолетовыми, зелёными, розовыми, голубыми и даже чёрными шляпками. Воздух отравляло зловоние. Огромные комары угрожающе пищали, мохнатые пауки тарасили глаза со шляпок ядовитых грибов.

– Нужно осторожно продвигаться вперёд, – сказал Наран и, пригнувшись, заторопился к ближайшему мухомору.

Лам не отставал от отца. Их спутники, преодолев страх, двинулись следом.

Отвратительный синий туман стелился по земле. Маленький отряд уже пробрался к центру Мухоморной поляны, как вдруг раздался зловещий хохот и перед ними явилась сама ведьма Мухоморка в своих грязных лохмотьях.

– Что привело этих жалких людишек в мои владения? – спросила она у большого зелёного жука, сидевшего у неё на левом плече.

– Мы пришли призвать тебя к ответу за причинённое зло! – пытаюсь казаться храбрым, произнёс Наран, хотя голос его дрожал.

– Да что вы говорите, – с издевательским смехом ответила колдунья, – я не собираюсь ни перед кем отчитываться и тем более прекращать колдовать.

– Раз так, – воскликнул Лам, – тебе придётся вступить с нами в бой!

Ведьма метнула свой ядовитый, полный злобы взгляд на юного Лама и взревела:

– Как смеешь ты, малявка, бросать мне вызов! Мне, повелительнице лесных чащ и болотных топей!

Флоринцы с ужасом увидели, что ведьма начала расти. Когда колдунья уже была выше мухоморов, она превратилась в огромную омерзительную ящерицу. Даже зелёный жук, испугавшись, улетел прочь. На шее ящерицы продолжал висеть колдовской талисман, подаренный главным колдуном на болотах.

И тут завязался бой! Ведьма-ящерица взметнула хвостом, намереваясь сбить маленький отряд. Но человечки разбежались в разные стороны, и удар хвоста пришёлся на синие мухоморы, росшие неподалёку. Ядовитые грибы разлетелись на куски! Наран, вооружённый вилами, воткнул своё оружие в хвост ящерицы. Жуткий вопль огласил окрестности. Ящерица поднялась на задние лапы и замерла на мгновение. В эту секунду все воины маленького отряда пошли в атаку: кто-то метал в чудовище заострённые палки, кто-то колот вилами, кто-то бил граблями. Ведьма в бешенстве кинулась на человечков.

В это время Лам залез на самый высокий мухомор. Ему было очень страшно, но он чувствовал, что нужно сделать. Забравшись на зелёную, с белыми кружочками шляпку мухомора, он выжидал случая прыгнуть на гигантскую ящерицу. Пока ведьма разбрасывала флоринцев в разные стороны, Лам прыгнул ей на шею и уцепился за шнурок, на котором висел талисман. Колдунья была так увлечена боем, что ничего не заметила. Юноша пытался порвать шнурок, но это у него не получалось. Потом он увидел, как его отец, сбитый ведьминым хвостом, упал и не может уже встать. Колдунья надвигалась прямо на него.

– Ну что, воин?! – взревела она страшным голосом. – Навоевался? Сейчас я тебя растопчу! А потом сровню с землёй и весь ваш Грибной город!

И она поползла прямо к обессиленному Нарану. Лам не знал, что предпринять. Он болтался на шее ящерицы и не мог её остановить. Тогда он вцепился зубами в шнурок и начал его грызть. И перегрыз! Талисман соскочил со шнурка, упал на землю и разбился! Он разлетелся на сотню кусочков, а воздух наполнился неприятным болотным запахом. Через мгновение что-то произошло и с ведьмой. Она застонала и стала уменьшаться. Из гигантской ящерицы она вновь превратилась в Мухоморку. Но это уже была не та Мухоморка, которую знали флоринцы. Они с удивлением увидели, как облик ведьмы меняется: морщинки разглаживаются, волосы из седых и вклоченных становятся гладкими и золотистыми, крючковатый нос превратился в симпатичный носик, глаза засияли ярко-голубым светом. И вот перед изумлёнными человечками была уже не страшная ведьма, а прекрасная цветочная фея.

– Что такое? – поражённо зашептались человечки. – Кто это? Где Мухоморка?

– Это я и есть, – ответила тихо фея. – Моё настоящее имя Фиалочка.

– Но ты полностью изменилась, – сказал один из флоринцев.

– Дело в том, что однажды я позволила зависти поселиться в своём сердце и это меня изменило в худшую сторону. Злые колдуны, живущие на болотах, ещё больше утвердили меня во зле. Колдовской талисман, висевший у меня на шее, отравлял мою душу ненавистью. Я много раз пыталась от него избавиться, но колдовство было сильнее меня. Талисман навязывал мне свою злую волю и останавливал любые попытки обратиться к добру. Но этот молодой человек спас и вас, и меня.

Она указала на Лама, который лежал на траве. Когда он перегрыз шнурок, то не удержался и свалился на землю. Наран смог наконец встать и, ковыляя, подойти к сыну.

– Лам, очнись! Очнись, сынок! – зывал он.

Лам открыл глаза. Большая шишка украшала его лоб.

– Где ведьма? – спросил он слабым голосом.

– Её больше нет, – ответила Фиалочка.

– А это ещё кто? – удивился Лам, увидев прекрасную цветочную фею.

И отец рассказал ему, что произошло, когда разбился колдовской талисман.

– Мне очень стыдно за своё поведение, – сказала фея, когда рассказ Нарана был закончен, – простите меня. Я попытаюсь исправить всё, что натворила.

Наран, Лам, Фиалочка и остальные человечки вернулись в Грибной город и поведали жителям всю историю схватки с ведьмой и как Фиалочка превратилась Мухоморку. Жители Грибного города сперва враждебно отнеслись к фее, но она, облетев на своих лёгких крылышках грибы-домики и воспользовавшись своим волшебством, исправила все неполадки. Кроме того, солнечные цветы вновь стали давать волшебный нектар. Мир и благоденствие снова наступили в Грибном городе и на берегах озера Флор. Фиалочка помогала человечкам благоустроить город, и они, видя её раскаяние и старание, простили её. Лам подружился с Фиалочкой, она же была благодарна ему за то, что он избавил её от злых чар. Прошло время, и Фиалочка решила отправиться в своё Цветочное королевство.

– Может, ты останешься с нами? – с надеждой спросил Лам.

– Милый Лам, – нежно ответила фея, – я очень хотела бы остаться в Грибном городе, но мне теперь нужно вернуться на родину и попросить прощения у короля, у своей сестры и у всех тех, кому я причинила зло. Это мой долг.

– Я буду по тебе скучать, – огорчился Лам.

– И я, – смутившись, призналась фея.

На следующее утро Фиалочка отправилась в путь. Её провожали все жители города. Фея ещё раз попросила у всех прощения. Ламу она подарила чудесную золотую брошку в виде цветка. После этого она, смахнув слезу с щеки, отвернулась и лёгкой походкой отправилась в путь. Лам долго смотрел ей вслед. Все уже вернулись к своим делам, а он всё стоял и смотрел вдаль, туда, где скрылась прекрасная фея.

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Наталья Пунина-Орлова
(МОССАЛИТ, Москва)

КРОШЕЧКА-ХРОМОНОЖЕЧКА

Из цикла «Старый сказ на новый лад»

Помните, обещала я вам рассказать сказочку? О трех девицах – но не о тех, что в цветочке ма-а-аленьком. Другую. Ну вот, слушайте.

Было у пастуха три дочери на замужество в очереди. Все про меж себя ладненькие-складненькие, одна другой милей да краше, да вот незадача: как-то раз бежала младшая с утренней дойки домой, запнулась о ямку, копытцем чьим-то оставленную, да разлила бидон, молока полон. Это бы еще полбеды – повредила сама белу ноженьку. Как ни лечили ее, как ни горевали потом родные – так и осталась меньшая дочка хроменькой. И прозвали ее тогда Крошкой-Хромоножкой. Что поделать? На селе народ нравом тверд да языкаст дюже: прозвищем припечатает – не отмоешься.

Но, надо сказать, наша Крошечка, хоть мала была о ту пору, однако оказалась необидчива и характера своего отходчивого от случившегося не изменила. Такой же осталась веселушкой-певуньей, что одной хворостиной да улыбкой милой могла все стадо с поля поднять да... на новое место перегнать. Может, потому ее так и любили коровы сельские, а особенно одна – Земун.

Поговаривали, что та ямка, о которую Крошка тогда споткнулась, как раз Земунушкиным копытцем была оставлена. Кто теперь вспомнит точно? Суть да дело, стала Земун приглядывать за младшей пастуховой дочкою. Куда Крошка ни пойдет – та за ней, еще и мычит ей в ушко что-то ласково да языком шершавым подталкивает, мол, туда не иди – худо будет. И так привыкла меньшая к своей Земунушке, что и ночевать порой возле нее при стаде и оставалась.

Смирились со временем отец и старшие сестры, что Крошечка их всегда на пастбище, сами-то ходить за стадом перестали. Тем более – не до того им было. Старшие дочери как заневестились – так отбою от женихов и не стало. Куда там пастуху за меньшей приглядывать: старших бы устеречь от ухажеров ретивых.

Засыпая как-то раз в обнимку с любимицей, всплакнула Крошечка о судьбе своей нерадостной. Притулилась к девице головушкой рогатой Земунушка и говорит ей вдруг голосом человеческим:

– Что ты плачешь, душа-голубушка? О чем слезки горькие проливаешь?

Удивилась маненько Крошечка, но виду не подала, обняла сильнее свою любимицу и шепчет той в ухо жарко:

– Ах Земунушечка-матушка, как не плакати? Вон уж сестра моя старшая привечает сватов, пир готовится – к доброй свадьбе, знать. Только мне одной, горемычной, не плясать, не гулять на той свадебке.

– Вот нашла о чем печалиться, глупышка, – отвечает ей Земун, – не то надеть тебе нечего?

– Али шутишь ты, аль смеешься над хроменькой? – запричитала тут Крошка наново. – Одеться – всего полбеды... Танцевать-то как мне, хромяючи?

– Я тебя покалечила, – вздохнула тут коровушка, – я тебе и подсоблю. Слушай меня внимательно: как пойдут сваты в хату за невестой, ты беги сюда ветра буйного шибче. Подойди ко мне, наклонись, молочка моего испей... И увидишь, что будет.

Изумилась девушка, обрадовалась, обняла еще крепче родимую, говорит ей уже с умилением:

– Ах Земунушка, моя ты ласковая, ты уже утешенье мое единственное. А других мне подарков не надобно.

Наклонила корова голову и опять увещевает девушку:

– Ты приди, дитя, прибегай ко мне, улужишь как минутку на празднике.

Не стала спорить с Земун Крошечка и, как настал праздник венчания сестры старшей, подхватила и побежала, почти не наступая на поврежденную ножку, на пастбище. Подбежала к своей Земунушке, потерлась о бок ее тепленький, попила молочка сладкого, глядь... а рядом с ее коровушкой на травке лежат наряды богатые – купеческие. Да такой красоты – Крошка даже прихрамывать забыла: оделась да и полетела лебедушкой на свадьбу. Потом и не могла припомнить, как протанцевала до упаду на свадьбе сестринской. Отец с сестрами не признали родственницу: разодела в шелка да не хромая. Сестра замуж-то выходила за своего, за сельского, а Крошечка всю ночь проплясала с каким-то купцом, видать заезжим. Как разъехались гости, так и побрела Крошка на поле, вновь прихрамывая. Обняла свою голубушку, доброе слово со слезой молвила. Угостила ее сладким клевером да упала спать в травы росные.

Долго ли, коротко ли, а собралась замуж и средняя сестра Хромоножки. Еще пуще расплакалась Крошечка, безутешно припав к шее Земун.

– И чего ты вновь плачешь, родимая? Аль еще что с тобой приключилось? – Спросила корова у плачущей девушки.

– Ах Земунушка, мать родимая, как не плакать мне горемычной? Вот выходит теперь сестра средняя, да не за кого-нибудь, а за купчика. Мне ж на свадьбе ее пышной, праздничной ни гулять, ни плясать...

– И что же тебе помешает погулять на той свадьбе вволюшку? – По-прежнему вопрошает Земунушка. – Как в тот раз управились – так и в этот сдюжим. Улужи минутку – ко мне прибегай. Сослужу тебе службу я сызнова.

Вот настал праздник свадьбы сестры средней, и побежала Крошечка снова на пастбище, уже вовсе почти и не хромя. Не успела испить молочка, смотрит, а возле ее-то Земунушки на траве лежат платья княжие... Вся в атласе да парче – краше нет во всем уезде – вышла наша Хромоножка в центр круга на пляс. Хотя... какая уж там хромоножка? Так отплясывала – с десяток партнеров уходила, а сама даже не запыхалась. Ни отец родной, ни сестренушки – никто не узнал расписную красавицу в парчу разодетую и такую плясунью! Вдруг видят: остановилась карета проезжая и выходит оттуда князь, не князь, а кто-то тоже важный, вельможный. Увидал плясунью-красу – с ней в круг пустился, так и протанцевал полночи, даже куда ехал – запомнил. А наша плясунья, лишь зоренька заалела, порск в лесок и поминай, как звали. Вельможа туда-сюда – не нашел беглянку. Так ни с чем и уехал.

А Крошечка тем временем уж и хромять вовсе перестала: то ли нога от плясок сама выпрямилась, то ли Земунушка пособила... Однако сестер замуж «выдала» – пора бы и о себе подумать. И то сказать, на похорошевшую да переставшую прихрамывать девушку начали хлопцы холостые ой как заглядываться!

И вот прошел слух по селу, что едет по городам да весям сам принц невесту себе присматривать. И остановился, дескать, кортеж принца недалече от их села – на ярманке. Страсть как захотелось нашей девушке поглядеть на все это собственными глазами и засобиралась она в город на ярмарку. Пришла к своей Земунушке и молвит:

– Матушка-голубушка, помогла ты мне уже раза два, пособи и в третий.

– Отчего ж не пособить, – отвечает коровка, – перед самым отъездом приходи: как есть угожу тебе пуще прежнего.

И как сговорились с Земун, прибежала на зорьке чуть свет Крошечка на поле, попила вновь молочка медового. Видит: лежат одёжи парчовые, золотой канвой расшитые да мехом собольим отороченные. И так горят-переливаются камнями самоцветными – аж слезу у красавицы выбило. Обрадовалась Крошечка, нарядилась в одежды царские. Глядь, а недалече от пастбища, в стороне от проезжей дороги и карета богатая стоит, аж с четверкой коней в упряжке. А на козлах кучер сидит – весь такой из себя ва-а-ажный! Спрашивает бывшая Хромоножка у любимицы:

– Это что ж, для кого такой транспорт-то?

– Для кого же еще, красна девица? – Отвечает Земунушка милая. – Для тебя все и есть, моя ягодка.

Поблагодарила счастливая обладательница богатого выезда свою покровительницу, молочко с алых губ утираючи, в объятиях жарких стиснула, запрыгнула в карету и покатила в город. А в городе-то... в городе что деется! Народ шумит-гудит, глаза тарашит: все на принца со свитою пялятся. А ближе к вечеру и гуляния на центральной площади затеялись, все как надо, с пляской-музыкой. И сам принц танцевать с людом вышел – ах, хорош как лицом – ясно солнышко!

Вышла и наша плясунья на круг, а как увидал ее принц... так сразу и влюбился без памяти. И еще пляс-гульба не окончилась, а молодые уж объяснились, вышли вместе вперед рука об руку. И назвал-объявил принц плясунью-красу нареченной своею невестою. Обвенчались, как водится, вскорости да и жить-поживать стали ласково.

А что же Земунушка-то, спросите? А наша чудо-коровушка, как свою приемную девоньку пристроила, так и улетела в даль неведому. Растеклась по полюшку млечным туманом да исчезла, будто и не было... Правда, люди потом сказывали, что нет-нет да и видали то тут, то там Корову Небесную³ с глазами голубыми, как майский свет, и ясными, как радость детская. И кто ее встречал – долго потом жил, богато да счастливо!

Верить ли тому? Кто знает...

³ Небесная (или Божественная) Корова Земун (иногда Зимун) – по древнеславянским преданиям, мать Велеса, супруга самого Рода. Родоначалница и праматерь всего Рода человеческого. Заботится о процветании Рода людского, отвечает за Здоровье и выбор верного Жизненного Пути. По сказаниям славян – Вселенная появилась от Коровы Земун, а Млечный Путь – ее молоко. Ее называют также Амелфа и сравнивают с древнегреческой Амалфеей, вскормившей своим молоком Зевса.

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Ольга Чернова

(г. Вязьма, Смоленская обл.)

СТИХИ для ДЕТЕЙ

ЗАСЛУЖИЛ

Так мечтает самокат
Получить Андрюша,
Что готов три дня подряд
Маму с папой слушать.
Чистил зубы сам с утра,
Съел на завтрак кашу.
И почти полдня играл
Он с сестрёнкой Машей.
Удивляется отец,
Очень рада мама:
– Наш Андрюша – молодец!
Загляденье прямо.
И родители спешат
В магазин игрушек.
Хочешь тоже самокат?
Срочно стань послушным!

ОРИГАМИ

Что такое оригами,
Мы сейчас узнаем с вами.
Лист бумаги мы возьмем,
Пополам его согнем.
Повернем, согнем опять,
Раз, два, три, четыре, пять.
Вот так чудо-чудеса!
Получается лиса.
Птица, кот, жираф, цветок –
Просто складывай листок.
Вы попробуйте, и сами
Увлечетесь оригами!

НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ

Я большой у мамы сын
И гулять хожу один.
Во дворе играю,
Маме не мешаю.
Как закончила дела,
И сама ко мне пришла.
Вынула из лужи
И надрала уши.
Удивляюсь – ну за что?
Завтра высохнет пальто...

КОРМУШКА

Я вчера строгал, пилил,
Приложил немало сил.
Сделал не игрушку,
А для птиц кормушку.
Приходите, детвора,
Снегирей кормить пора.
Приносите крошки,
Сыпьте понемножку.
Есть теперь у птиц еда,
Не страшны им холода!

ХУДОЖНИКИ

Рисовали мы с Ильёй
Двухэтажный дом с трубой,
Грушу, яблоню, забор,
Будку, где живёт Трезор,
Кур с цыплятами, кота –
Получилась красота!

Вся стена до потолка
(Выше не смогли пока)
Стала яркой и цветной.
Тут отец пришёл домой.
Нам с Ильёй пришлось опять
Целый час в углу стоять.

ЗАБОТА

У любимой кошки Мурки
Расчешу густую шкурку,
Ушки, лапки, хвостик, спинку.
Дам сосиски половинку,
Молочка налью я в плошку –
Пусть покушает немножко.
А теперь, моя красotka,
Надевай скорей колготки,
Юбку в розовый цветочек
И на голову платочек.
Расскажу тебе я сказку,
Покатаю на коляске.
И сошью тебе пинетки
Из бабулиной жилетки.
Дай сниму скорее мерки...
Стой! Куда ты без примерки?
Тут не выдержала киска –
Оцарапала модистку.

ЧЕСТНОСТЬ

Я разбил сегодня вазу,
Со стола её свалил.
Но не смог признаться сразу,
Не нашёл в себе я сил.
Мама ахнула: «Ну что же,
Жаль, пропала красота.
Кто разбил её, Серёжа?»
Указал я на кота.

Рыжий кот теперь наказан
И забрался под кровать.
Я кота спасти обязан,
Честно маме всё сказать.
«Молодец, сынок, я знала,
Ты расскажешь правду сам!»
Я напрасно ждал скандала,
Честность – главное для мам!

ЗУБНЫЕ НЕПРИЯТНОСТИ

На неделе прошлой вдруг
 заболел у Вовы зуб.
 Неприятности во рту –
 стало есть невмоготу.
 Обнаружилась дыра,
 к стоматологу пора.
 Зуб крепился что есть сил
 и лечиться не спешил:
 «Даже слышать не хочу,
 что пора идти к врачу!
 Я ж молочный, с нами тут
 церемоний не ведут.
 Удаляют всех подряд
 (Очевидцы говорят)».
 Не согласен с ним малыш:
 «Ерунду ты говоришь!
 Не могу конфеты съесть,
 их в кармане целых шесть!
 Причиняешь ты мне боль.
 Так что к доктору изволь!»
 Ясно всем – что говорить? –
 Неприятно зуб сверлить.
 Только маленький герой
 не готов ходить с дырой.
 Bravo доктору, ура!
 Замурована дыра!

ТРУДНАЯ ЗАДАЧА

Я решал вчера задачу,
 Целый вечер с ней сидел.
 И в учебник, чуть не плача,
 На неё с тоской глядел.
 Я и так крутил и этак,
 Получалась ерунда.
 Видно, верно ответа
 Не найти мне никогда.
 Вот пришла с работы мама,
 Вот и ужинать зовёт.
 Но пытаюсь я упрямо

Взять задачу в оборот.
 Папа помощь предлагает,
 Очень хочется принять.
 Он решит легко, я знаю,
 Но я должен сам понять!
 Кот сочувственно мяучит,
 Лёг мне прямо на тетрадь.
 Мол, бросай ты всё и лучше
 Поскорей меня погладь.
 Уши, хвост, четыре лапы...
 Осенило вдруг меня!
 Сам я справился, без папы,
 Хоть промучился полдня!

СМАРТФОН

Снится Мише страшный сон:
 будто он теперь смартфон.
 Вместо рук и головы
 только сенсоры, увы.
 День-деньской покоя нет –
 людям нужен интернет.
 Поиграть, купить, скачать,
 заболел – найти врача,
 поболтать о чём-нибудь,
 проложить короткий путь
 вот отсюда вон туда...
 Без смартфона всем беда!
 Мишенька живой едва –
 закружилась голова:
 «Отпустите хоть на час,
 дайте отдохнуть от вас!»
 Но без усталости народ
 Эсэмэс друг другу шлёт,
 лайки ставит в Инстаграм
 незнакомым и друзьям.
 Тут проснулся Михаил:
 «Что за сон ужасный был?»
 Спрятал в тумбочку смартфон,
 с глаз долой – из сердца вон:
 «Обойдусь без интернета,
 столько развлечений летом!»

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА – ГОЛОС ПРОШЛОГО

*Петр Дубенко
(МОССАЛИТ, Самарская обл.)*

СКАЗКИ КАК ОТРАЖЕНИЕ РЕАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Как появились сказки

Сказки, эти вроде бы простые и даже в чем-то примитивные истории для детей, в действительности есть древнейшие произведения литературы. В их основе лежат сказания, которые в свое время представляли собой устную летопись народа. Ведь люди, еще не имевшие письменности, не могли по-другому сохранить и передать следующему поколению информацию о наиболее ярких и значительных событиях своего прошлого. Но при этом они уже тогда понимали, что делать это необходимо. Так и рождались эпические сюжеты, которые столетиями передавались из уст в уста.

При этом каждый новый рассказчик не просто пересказывал события прошлого, но и, естественно, дополнял их чем-то от себя. Скажем так, для усиления драматического эффекта. Поэтому от поколения к поколению устные рассказы обрастали все новыми подробностями, большинство из которых носило мистический характер. Что неудивительно, ведь мистика была неотъемлемой частью жизни древних людей, еще не способных объяснять явления окружающего мира с рациональной точки зрения.

Так из рассказа о знаковых исторических событиях, имевших место в действительности, сказки превратились в полуфантастические истории, где наравне с людьми действует всевозможная нечисть, как правило, олицетворяющая врагов. Но стоит внимательней к ним присмотреться, и в абсолютной небывальщине можно разглядеть отголоски реальных исторических событий.

Сказка о трех царствах

Для примера предлагаю рассмотреть одну из сказок о Тархе Годиновиче. Вообще этому герою древнеславянского эпоса посвящено около двадцати сказаний, но мы рассмотрим только одно – сказку о трех царствах. Ее краткое содержание таково. Страшный Змей, властитель всех темных сил на земле, повадился беспокоить славянские поселения: жег посевы, разорял дома, воровал прекрасных девушек и творил другие непотребства. Долгие годы никто не мог ничего поделать. Но потом появился воин, бросивший змею вызов, – Тарх Годинович.

И бились одни двенадцать дней и ночей, но победить никто не мог. Тогда Змей предложил Тарху Годиновичу мир. Было решено обозначить границу, за которую змей заходить не будет. Тарх Годинович сковал соху в 300 пудов, запряг в нее Змея, и пошли они, по миру проводя борозду. Поселения славянские с одной стороны оставались, а земли Змея с другой. Так провели границу до самого моря. Тут говорит Тарх Годинович: «А море-то делить будем?» Змей не задумываясь ответил: «Так же! Поровну!» И пошел в море. Так и утонул. А борозда, оставшаяся после плуга, с тех пор служила границей, за которую злобные слуги погибшего Змея заходить больше не смели. Так установились по всей славянской земле мир и спокойствие.

Кто ты, Тарх Годинович?

Искать прототип Тарха Годиновича нужно в очень седом прошлом. В те времена славян еще даже не существовало, а их далекие предки – арии представляли собой два десятка родственных племен, обитавших в Малой Азии, Месопотамии и Палестине.

К концу бронзового века на этой территории начинают складываться первые государства, противостоять которым разрозненные племена были не в силах. Сначала победное шествие по соседним землям начинают египетские фараоны. Спасаясь от них, арии покидают Палестину. Чуть погодя образуется Ассирия, под давлением которой арии уходят из Северной Месопотамии. А потом, примерно в XVIII веке до нашей эры, в Малую Азию приходят хетты, до этого покорившие все армянское нагорье. Ариев оттесняют в Анатолию, на западной границе которой они сталкиваются с ахейцами – будущими греками.

Казалось бы, со всех сторон окруженные врагами, арии были обречены на уничтожение, но именно в это время из их среды выдвигается молодой вождь – Таргитай. В конце XVI века до нашей эры он силой оружия и убеждения собирает остатки ариев в протогосударственное объединение – союз Арцава. В 1513 году до нашей эры объединенное войско ариев наносит

хеттам ряд поражений и отодвигает их обратно к границам Малой Азии. Затем Таргитай разбивает египтян, благодаря чему добывается мира с фараоном и царем Ассирии. Таким образом, Таргитай обеспечил племенам ариев несколько веков мирной жизни, чем заслужил место в народной памяти. Академик Борис Рыбаков в работе «Древняя Русь: сказания, былины, летописи» наглядно

образ вождя-объединителя впоследствии оторвался от своей первичной легендарной основы и превратился в миф, элементы которого можно проследить в сказках не только славянских, но и других народов с арийскими корнями. Что же касается эпоса конкретно древних славян, то в нем реальный исторический персонаж древности Таргитай переродился в героя с очень созвучным именем Тарха Годиновича. В русских сказках ему на смену пришел Никита Кожемяка, который совершил нечто подобное. Но характерно, что похожие герои и сказки есть у всех славянских народов – от сербов до поляков. Так что наличие общего первоисточника этой истории не вызывает сомнений.

Рождение злодея

Итак, с героем понятно. Но откуда взялся столь необычный злодей – многоголовый крылатый змей? Чтобы понять происхождение такого сказочного образа, опять нужно отправиться в далекое прошлое. На этот раз в эпоху, когда опять-таки еще не славяне, но уже праславянские племена: бастарны, венеды, склавены, анты и другие – расселились в междуречье Днепра и Дуная.

Характерной особенностью этого периода стало соседство будущих славян с кочевыми народами. Первыми были так называемые народы моря – киммерийцы. Захватив в VIII веке до нашей эры северное Причерноморье, они триста с лишним лет наводили ужас на соседей, вторгаясь в Закавказье, Малую Азию и южную Европу.

Главным божеством киммерийцев был гигантский змей, которому они приносили жертвы. Как материальные, так и человеческие, для чего часто использовали пленных, особенно, женщин. И различные его изображения, например в виде тотемов и знамен, обязательно сопровождали киммерийцев в походах. При этом само конное войско было невероятно мобильным и стремительным. В глазах оседлых земледельцев, крепко привязанных к своему хозяйству, киммерийские всадники будто летали на крыльях. Так что нет ничего удивительно в том, что у народов, которые регулярно подвергались опустошительным набегам, со временем появился миф о страшном крылатом змее.

Почему у него множество голов? Дело в том, что киммерийцы – это не один народ, это союз множества родственных племен, разные историки насчитывают в нем от 5-6 до 20 и более составляющих. Соответственно, даже выходя в общий поход, каждый из вождей вел свое войско обособленно от других. Киммерийцы могли появляться одновременно во многих местах, нигде от них не было спасения. Отсюда и образ не просто змеи, а змеи многоголовой.

Этим же обстоятельством объясняется такая особенность Змея Горыныча, как способность отращивать новые головы взамен отрубленной. Дело в том, что зачастую в грабительский набег отправлялось не все объединенное войско, а лишь его малая часть под руководством отдельного вождя или даже главы большой родоплеменной семьи. В таком случае ополчение земледельцев оказывалось способным защитить свои селения. Разбитый вождь спасался бегством, но через некоторое время обязательно возвращался мстить. И конечно, не один, а приводил с собой соплеменников.

Через 300 лет киммерийцев из северного Причерноморья вытеснили скифы, которых потом сменили сарматы. В принципе, они занимались тем же самым, но поклонялись огню, в ритуальных целях принося ему в жертвы не только отдельных людей, но и целые деревни. Так просто многоголовый змей стал еще и огнедышащим.

Переломный момент

Положение изменилось во II веке до нашей эры, когда протославяне объединились для отпора. Точно так же, как когда-то это сделали их далекие предки арии под предводительством Таргитая. Одной из мер, предпринятых новым союзом, стало строительство *змиевых валов*, которые протянулись от южного течения Днепра до территории современной Румынии. Это была единая система противоконных заграждений, 10–12 м в высоту при ширине основания 20 м. Общая протяженность достигала 1 тыс. км. То есть это был такой славянский вариант великой китайской стены.

Валы стали хорошей защитой для оседлого населения, набеги кочевых соседей не прекратились, конечно, но стали заметно реже и утратили эффект неожиданности. Историки считают, что именно строительство валов стало переломным моментом, начиная с которого оседлые земледельцы в борьбе с кочевниками стали потихоньку склонять чашу весов в свою пользу, тогда как до этого выступали беззащитной жертвой грабежа и насилия. Ну а то, что в историю эти валы вошли под названием «змиевы», говорит само за себя.

Итак, по мнению исследователей русского и, шире, славянского фольклора, сказание о Тархе Годиновиче в метафорической форме отражает именно грандиозное строительство змиевых валов. Сам же Тарх Годинович – это собирательный образ. Корнями он уходит в глубокое прошлое и вырастает из мифов о вожде Таргитае, который в XVI веке до нашей эры так же спас от истребления свой народ, впервые в его истории объединив племена в некое подобие государства. Таким образом, народные сказки, это не просто развлечение для детей, это голос прошлого, рассказ о реальной истории наших предков, который дошел до нас сквозь тысячи лет.

ФОТОЛАБОРАТОРИЯ

Знакомьтесь: писатель, фотохудожник,
фотограф-иллюстратор Красной книги Москвы

Алексей Захаринский
(Новая Москва)

ЭТЮДЫ И ФОТОГРАФИИ

Волшебный орган эльфов

ВОЛШЕБНЫЙ ОРГАН ЭЛЬФОВ

Волшебный орган эльфов – это гриб *ежовик коралловидный*. Он состоит из неисчислимых каскадов духовых труб, объединяемых в регистры. Как и в человеческих инструментах этого рода, они группируются в принципалы, флейты, гамбы, аликвоты, микстуры... В их расположении меньше упорядоченности, но, видимо, у эльфов свои критерии.

Увидеть бы, как в первый день полнолуния после Купальских празднеств из ствола поваленного дуба выходит старый эльф в коричневом камзоле и черных чулках, садится за тончайшие мануалы органа, и по лесу плывет необычайно красивая мелодия, которую человек не в силах воспроизвести. И кто ее слышит, остается навеки зачарованным. Обыденность становится для него невыразимо скучной. На всю жизнь он теряет покой, постоянно уходит в лес и ищет, ищет там что-то неведомое, непонятное, непостижимое...

НА ПРАЗДНИКЕ У ЭЛЬФОВ

Недавно мне случилось проходить мимо засыпанного землей ручья. Да, сейчас у нас бывает и такое. Чистейший и звонкий лесной ручей, который раньше хотели сделать заповедным, теперь засыпан землей. Люди будто одичали и ради наживы готовы уничтожить даже источники и рощи. Но то, что в прошлом году было голой землей, сейчас потихоньку

стало покрываться зеленью – чередой, донником, полынью... И, конечно же, первым покрыл землю мох *фунария влагомерная*. Она спешит вырасти на различных насыпях, вырубках, пожарищах, словно ощущая, что негоже земле стоять совершенно голой. А когда в мае пригревает ласковое солнце, фунария выпускает свои густые и длинные спороносы, горящие в мягких лучах, будто маленький факел. Наверное, такое свойство этого мха и натолкнуло на мысль немецкого ученого Иоанна Хедвига произвести его название от латинского *funale* – факел.

Но в этот последний ясный день осени стебельки фунарии были покрыты каким-то серебристым налетом. Опустившись на колени, я пригляделся. Каждый стебелек спороноса был усеян мельчайшими капельками влаги. Возможно, это была невысохшая роса, но на других растениях ее давно уже не было, ведь солнце уже перевалило за полдень. Конечно, у ученых отыщется объяснение и этому явлению, но для тех, кто знаком с жизнью эльфов, секретов давно нет. Наши добрые соседи отмечали какой-то свой праздник и, развесив повсюду гирлянды из серебристых капелек, всю ночь так веселились и танцевали до упаду, что наутро еле добрались до своих маленьких кроваток. А забытые искрящиеся гирлянды так и остались висеть на тонких стебельках. Через день я привел на это место своих друзей с фотоаппаратами. Фунария, конечно, была на месте. Но сколько мы ни искали, капельки на ней не было ни одной.

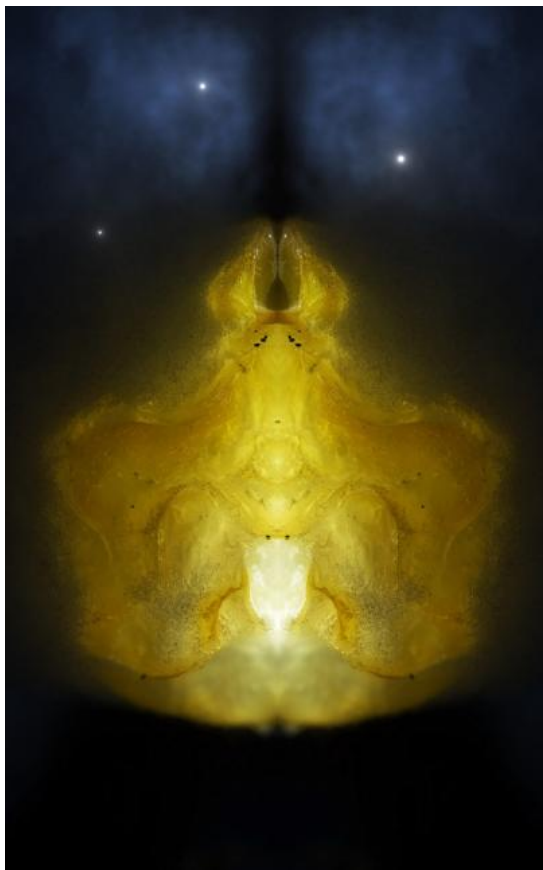
Эльфам запрещено вмешиваться в дела людей. Им нельзя даже показываться нам, как бывало в прежние времена. Мы должны решать свои проблемы сами. Но все же жаль, что нам не дано общаться. Они могли бы нас научить видеть и создавать красоту, открыть многие тайны. Ведь эльфы намного мудрее людей и им присуще тончайшее чувство гармонии. Но... готово ли племя людей учиться чему-нибудь? Ведь людям кажется, что они уже знают все, познали весь мир. Самодовольные глупцы! Ведь даже то малое, что им дано познать, они умудряются употребить во вред себе и жизни. Так кто же доверит им великое?

На празднике у эльфов

ЗВЕЗДНАЯ КОБЫЛИЦА

Это была никому не нужная, замерзшая, покрытая снегом *дрожалка*. Даже в лучшее ее время мало кто обращал внимание на кусочек ярко-желтой слизи. А уж теперь, в декабре, когда и в лесу-то никого нет... Но один человек в лесу все-таки был. В поисках удачных кадров, снежную тропинку натапывал Фотохудожник. Посмотрев на замерзающую дрожалку, он подумал, что, может быть и в ней таится какой-то сюжет. Не сильно надеясь на успех, Фотохудожник осветил гриб на просвет фонариком и сделал несколько кадров.

Звездная кобылица

Волшебные фонарики гномов

Придя домой, Фотохудожник принялся за колдовство. Магический алтарь ему заменил монитор компьютера, а волшебное зеркало – программа обработки. Фотохудожник стал прикладывать зеркало к фотографии под разными углами. И вот совершилось чудо. Фотохудожник с благоговейным восторгом заметил, как при определенном положении зеркала из иного, зазеркального мира неожиданно явилась изящная голова лошади сияющего янтарного цвета. Она виделась в космосе, среди звезд. Как неизвестная туманность в невообразимой дали или сон задремавшего за своим телескопом старого седого звездочета.

ВОЛШЕБНЫЕ ФОНАРИКИ ГНОМОВ

Гномы используют эти фонарики в своих подземных выработках и кузницах. Волшебные фонарики никогда не гаснут, вселяют силы и надежду. А если кто-то из гномов заблудится в шахте, фонарик выводит его к выходу. В лучах волшебных фонариков, если рядом есть золото или драгоценные камни, они начинают просвечивать сквозь землю.

Если кто-то из людей сумеет проникнуть в подземелья гномов и выпросить у них такой фонарик, то даже если такой человек потеряется в жизни, фонарик выведет его, вселяя силы и надежду. И способность открывать клады такой фонарик не потеряет. Его владелец обретет дар видения красоты природы и красоты душ людей.

ОГНЕВУШКА-ПОСКАКУШКА

Было дело. Видел я ее. На той самой поляне Лесника. Лет десять уж прошло. Помнится, заночевал там, костерок развел, тут она мне в пламени и явилась. Золото, значит, верховое в том месте. Можно было бы копнуть, да зачем мне оно? Но, видно, прознали про то старатели нынешние. Это те, кто сейчас не с каелкой, а с металлоискателем ходит. Столько их развелось в сию пору, что один уйдет, тут же на его место другой станет. Полагают они счастье свое в земных благах.

Василь Михалыч Песков каждый раз, когда в наших краях бывал, никогда той поляны не пропускал. Что, спросишь, тоже золото искал? Да, золото. Только понимал он его по-другому. Золото – это красота родимой нашей земли. Кто видит ее да ценить умеет, тот и богатством владеет. Земное богатство к земле душу тянет, а любовь к земле родимой в небеса поднимает. Отворяются тогда у человека уста, и что говорит он, что пишет – ровно ручеек звонкий течет, на солнышке искрится. Всех жаждущих тот ручеек напоит, добротой сердце наполнит.

Вот на какое золото Огневушка указывает.

Огневушка-поскакушка

ВОЛШЕБНЫЙ КУБОК ЭЛЬФОВ

Предания глубокой, древней старины рассказывают о великолепных пирах эльфов. Ведь тогда некоторые из смертных могли быть гостями на этих торжествах и вернуться в свой привычный мир. Все они рассказывают о необычайном сосуде – непременно атрибуте колдовских застолий – *Волшебном кубке*. Вино в кубке никогда не иссякает. Мало того, повинувшись желанию эльфов, содержимое кубка все время менялось, превращаясь в самые разные изысканные сорта вин.

И мало кто знает, что аналогом этого кубка на физическом плане является редкий весенний гриб, который иногда попадается сборщикам сморчков. Он называется *урнула кратериум*. Выглядит она зловеще, похожа на погребальный сосуд. Но если налитая вами внутрь вода сумеет удержаться.... Да что я говорю, смотрите сами. Это не монтаж и не фотошоп. Я лишь только подчеркнул цвета.

Волшебный кубок эльфов

Валуево

ВАЛУЕВО. ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ

О, эта удивительная история о том, как Евгений Дога написал свою неповторимую музыку к фильму за одну ночь. И эта ночь была в Валуево. И это не случайно. Эта мелодия жила там всегда. Жила среди старых лип, пряталась в развалинах старого грота, угадывалась в журчании весеннего ручейка. Под нее солнечным октябрьским днем кружились в танце золотые листья. Под нее освободившаяся весной ото льда Ликовá, ликуя и радуясь несла свои воды. И мелодия ждала, когда же на Земле родится тот единственный человек, тот волшебник, который смог бы услышать ее, чьи тончайшие струны души зазвучали бы в такт с ней. Ждала столетия. Звала, манила его к себе. И вот в эту ночь, словно влюбленные в страстном порыве, соединились Музыкант и его Мелодия. В эту ночь мелодия обрела плоть и стала слышна людям.

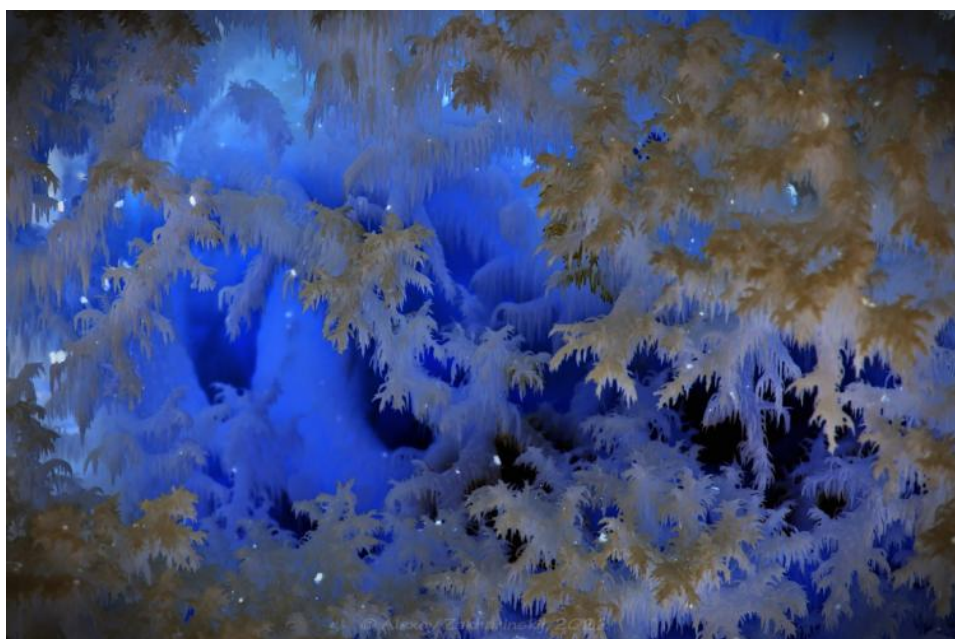
По тропинкам парка хорошо пройтись в одиночестве. Но ощущение такое, что ты не один, что идешь с верным и близким другом. И он как бы невзначай обращает твое внимание: «Посмотри на эту опавшую листву на каменных ступенях библиотеки. Взгляни на полуразрушенный грот, который так сказочно смотрится в это туманное утро. А этот папоротник, одно название которого достойно пера Гофмана – *цистоптерис фрагилис*, как его яркая зелень выделяется на ракушечнике старого грота!» И так из года в год, на протяжении десятилетий, приходя в усадьбу, можно открыть для себя новые и новые планы и сюжеты. А уж сколько сюжетов для рассказов могут нашептать чуткой душе дубы, растущие рядом с усадьбой! Все это нужно уметь чувствовать, войти в эти чувства как в иной, волшебный мир, и донести до читателя и зрителя языком сказок и легенд, языком удивительных, чудесных фотографий. Кто-то может прожить в Валуево всю жизнь и так и не узнать, какое это магическое место, место силы.

Берегите Валуево. Не косите там трав, не обрезайте деревьев. Не вносите ничего нового от себя. Не спугните его незримых обитателей, кружащихся в вальсе, мелодию которого теперь дано узнать и людям. Иной раз посреди бессонной ночи эти незримые силы ворвутся к постаревшему, измученному людским равнодушием, нищетой и одиночеством поэту, и строки стихов вдруг снова зазвучат, загремят, обрушатся мощным потоком кристально-чистой живой воды, как пробившийся через кубометры глины давно засыпанный источник.

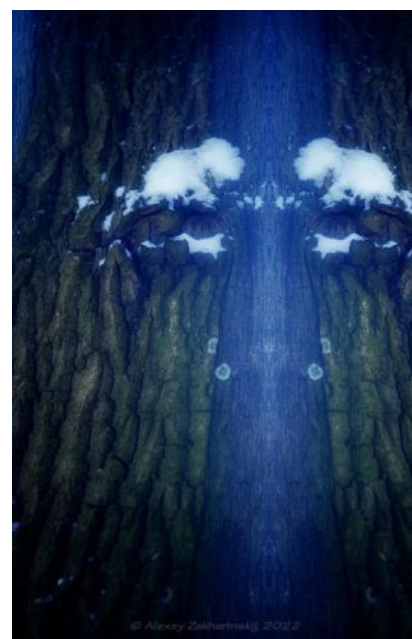
ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мир природы – это добрый, волшебный и потрясающе красивый мир, в который хотя бы на время уходишь от привычного, но такого нежеланного реального. Да, те, кто сейчас определяет нравы этого мира, не слышат ни эха голоса пророков, ни гласа всякого дыхания, хвалящего Господа, ни радости великолепного буйства зелени, с такой же силой устремившейся к Солнцу, как и в предвечный Третий день: «Да произрастит земля зелень, траву, сеющую семя, и дерево плодовитое...». Даже само понятие веры для таких людей оказывается совершенно непонятым. Они могут верить только в то, что могут ощутить. Вот поэтому в нашем мире в чести только то, что приносит ощутимую пользу. И ради этого то, другое, тонкое, духовное, ощутимое не всеми, уничтожается. Даже траве и той не дают расти – скашивают, как только она немножко осмелится поднять свой стебелек. И это кладбище выкошенных травинок на голой земле теперь принято называть «красотой». Да и леса, безжалостно вырубленные только для того, чтобы спрямить дорогу, свидетельствуют о том, что отнюдь не красота правит нашим миром.

И только каким-то чудом еще обитающие в этом жестком и прагматичном мире художники свидетельствуют о том, что красота в мире еще не иссякла. Она просто таится и ждет часа, когда люди, наконец, станут способны услышать ее голос.

Новогодний лес

Дую обреченный

Мир природы – волшебный и поэтический мир. Он наполнен самыми разнообразными фантастическими образами. Сказочный мир как бы просвечивает через наш обыденный. Но мы настолько привыкли к реальности, что перестаем замечать волшебство. Дотошные ботаники у каждой былинки, у каждого чудесного цветка скрупулезно подсчитывают пестики и тычинки, определяют каждому свое семейство и назначают строго определенное место в систематике. Но стоит поднести к цветку зеркальце, как вдруг привычные формы уходят и возникают новые, совершенно неожиданные. Эти образы напоминают волшебных героев сказок и вот-вот заговорят со зрителем. Наша выставка⁴ – о них.

К «НЕЖНОСТИ»

Г. И. Куприна

Внезапно в солнечном апреле
Под белый снег они легли.
Но даже в ледяной купели
Свое достоинство несли.

Они поникли, белым-белым
Припорошенные снежком,
В своем присутствии несмелом –
Укором, стойкостью, пределом –
Через который мы пройдем.

У них бы можно поучиться
В своем достоинстве стоять,
Но хочется совсем другого –
Снег отряхнув, на них дышать.

Нежность

⁴ 19 ноября 2022 года в Галерее «VazART» (КЦ «Внуково-МБТ») при поддержке библиотеки № 256 состоялась фотовыставка «Образы зазеркалья Алексея Захаринского», где были представлены работы фотохудожника.

Картина, созданная короедом

Лунный ветер

Дождь на болоте

Таинственный лик

СИЮМИНУТНАЯ ВЕЧНОСТЬ АЛЕКСЕЯ ЗАХАРИНСКОГО

В качестве послесловия

Александр Шпагин

Снимать природу – вроде бы дело несложное. Она же красивая. Она же как будто самодостаточная. Снимешь эффектный цветок, выразительную корягу, удивительное дерево – вот и будет и эффектно, и выразительно, и удивительно.

А на самом деле ничего не будет. Получится советский журнал «Юный натуралист» – вот там только так и снимали. Ибо в искусстве вообще превалировал иллюстративный подход к реальности. Ну то есть – сугубо реалистический. В итоге, как правило, оборачивающийся вялой репродукцией, где отображенный мир значил только то, что являл собою при случайно брошенном на него взгляде. Он не входил в сложное взаимодействие ни с автором, ни с творцом, ни с самим собою. И неудивительно – все истинно авторское не приветствовалось, называлось страшным словом «субъективизм».

Но прошли те времена, субъективизм восторжествовал, а в изобразительных искусствах превратился порой уже в полный артхаус, сиречь инсталляции. Да и фотография тоже не отстает – сегодняшнее яркое, глянцевое, компьютеризированное, фантазийное фотоискусство с советским и не сравнишь.

Научились лихо и природу снимать – особенно издали и на общих планах. Особенно когда фотоаппарат ультрасовременный и ультрачувствительный – такие красивые фотки получаются, одно загляденье. Каждую хочется вставить в какой-то рекламный проспект или каталог.

И получается, что ни в тех, советских, фотоснимках природы никакой души не было, да и в этих не очень-то она присутствует. Опять у авторов происходит тайное упование на великолепие самой природы.

Я очень мало знаю сегодня фотохудожников, которые умеют открывать сложность, глубину, тайну природы. Которые преображают ее своим художественным видением.

Но Алексей Захаринский – безусловно среди них. А уж чисто по моему субъективному мнению, боюсь, что лучший. Ибо мнение мое не с панталыку родилось, а опирается на огромное количество всевозможных интернет-форумов фотографов-природолюбителей, где и оценить, и сравнить их снимки можно, сколь твоей душе угодно.

В интернете вообще немереное количество фотографий природы. И в них проявляется странное и любопытное качество – чем ближе к автору природное явление, чем более крупным планом оно взято, тем почему-то оно становится хуже. Оно теряет внятность, а вместе с этим теряет и красоту. А загадку не приобретает.

Совсем не так – у Захаринского. На его фотографиях – а снимает он в основном именно крупным планом – природные явления и объекты безусловно узнаются, но вместе с тем они наполняются какой-то причудливой внутренней силой и раскрываются перед нами самыми различными смыслами – нашу фантазию пробуждают.

За счет чего это происходит? За счет обретения ими метафизичности, метафизического начала. Перед нашим взором они не просто погружают нас в определенное состояние и не просто радуют сложной, изысканной живописностью – они обнаруживают связь с Вечным, с Высшим, с Горним, открывают в себе тайну самого бытия.

А приглядишься-то внимательнее – господи боже ты мой! – объекты-то какие, порой самые ерундовые, ничтожные – какие-то мураши, коряжки, травки, кочки... Мы мимо таких в лесу проходим и вообще не задумываемся об их существовании.

А меж тем оно есть, и оно вовлечено в общий порядок вещей, в общий ход движения мира, смысл которого зачастую для нас остается непостижимым, но постичь его мы бесконечно стремимся. Захаринский где-то задает этот код понимания для нас, ибо он открывает неизведанное и непостижимое, казалось бы, в простейшем, элементарном.

Но как странно, как увлекательно, как парадоксально, что и там перед нами разверзается космос, распахиваются ворота в вечность.

ПРОЗА

Светлана Тюреева

(г. Петушки, Владимирская обл.)

ДОМ С ПАЛИСАДНИКОМ

Еще пару раз Валентина копнула лопатой, спрятав в глубину грядки останки осени, и участок для весенних посадок был готов. Рядом, в колесных шинах-клумбах зеленым ежиком топорщились нарциссы, кудрявились бордовые ростки пиона, а возле замшелых обломков штакетника выглядывали кулечки тюльпанов. Валентина стояла, опершись на черенок лопаты, и любовалась своей работой! Маленький палисадник под окнами квартиры был когда-то их семейной гордостью. Прохожие останавливались полюбоваться на него. Муж Валентины, Павел, с ранней весны до поздней осени копошился в этом мини-огороде и попутно придумывал для его украшения разные забавные штучки. Так у них появились мухоморы из старых мисок, божья коровка из большого камня, и бачок для полива в виде поросенка.

Валентина с гордостью принимала похвалу и восторженные отзывы прохожих: «Мы этот дом по вашему палисаднику запомнили! Так его теперь и называем: "Дом с палисадником"!»

И палисадник долгие годы радовал горожан своим убранством пока... Пока жив был Павел.

Овдовев, Валентина здоровьем ослабла, и предмет их семейной гордости стал медленно приходить в упадок. В одиночку землей заниматься трудно – силы не те, а помощников нет. Но как Пашину памятку бросить? Вот и выходила она каждую весну с лопаткой навести порядок на своем клочке земли. Подкрашивала забавные поделки мужа, поправляла чем придется обломки забора и потихоньку, с часовыми передышками, копала, полола, поливала...

– Зачем это вам, тетя Валь? – спрашивали повзрослевшие соседские внуки. – Кому это надо? Цветы вон на каждом углу. И садовые скульптуры продают, каких только нет!

Но она молча счищала облупившуюся краску с бачка-поросенка и собирала заброшенные кем-то в палисадник пустые сигаретные пачки и бутылки.

Валентина убрала лопату и села на лавочку у подъезда отдохнуть, как раньше они это делали с Пашей. Во двор въехала незнакомая машина. Мужчина, что был за рулем, вышел, немного постоял, огляделся, подошел к лавочке и присел рядом.

– Здравствуйте! – обратился он к Валентине. – Не узнаете меня, тетя Валь?

– Да как тут всех упомнишь? Вон как вымахали! Чей будешь-то? – переспросила она, с любопытством разглядывая лицо.

– Мы раньше в соседнем дворе жили, Зацепины. Отец мой военным был, его в другой город перевели. Пашка я! Пашка Зацепин! Пятнадцать лет здесь не был, представляешь? А тебя и твой палисадник помню!

Валентина перебрала в памяти лица жильцов соседнего дома. Вспомнила мужчину в форме, его супругу, очень модную по тем временам даму, и ершистого светловолосого парнишку.

– Пашка, говоришь, Зацепин? Это с ежиком на голове? Помню, помню. Николая Иваныча сынок. Раздобрел-то как! Полысел. Как родители? Как сам? Женат? К нам каким ветром? – посыпался от нее град вопросов. – Пашу моего помнишь? Помер! Пятый год одна.

Разговор продолжили за чашкой чая. Валентина была рада гостю. Достала по этому поводу лучшее варенье, печенье, что купила с пенсии себя побаловать, и продолжила беседу. Павел, с удовольствием намазывая на хлеб варенье, отвечал на расспросы хозяйки дома.

– Женат! В этом году пятнадцать лет. Дети? Двое, школьники. Родители? Ничего, на пенсии, работают. Живем? Отдельно. – А окончив чаепитие, помедлил немного и произнес: – Я же, тетя Валя, перед тобой в долгу.

– В каком? – удивилась Валентина, чуть не выронив чашку.

– Мы с Людой, женой моей, всегда у вашего палисадника встречались. Вот на этой лавочке я ей предложение сделал. Обрадовался, что она согласна, и все пионы у тебя ободрал. Все – начисто! Она эти две охапки по сей день помнит.

– Да ты, Паш, не думай об том! Какой там долг? Это вам подарок от нас с Павлушей. Мы же невольно разговоры ваши слышали и как ты цветы рвал, видели. Не до окон вам было, влюбленным! Я-то поначалу расстроилась, а муж говорит: «Не горюй, Валентина, на дело цветы пошли! Мы, Павлы, все такие, нам иначе никак!»

Июньский день обещал быть жарким, ни намек на дождь. Валентина по утренней прохладе отправилась на рынок – прикупить продуктов да так, людей посмотреть. Возле рыночного забора выстроился ряд торговых точек с садово-огородными товарами и цветами.

– Пионов-то, пионов! Каких только нет! Почему? – услышала она знакомый голос и обернулась.

Нина, бывшая сослуживица, стояла поодаль, закупив два пакета цветочной рассады.

– Ой, теперь придешь на рынок – глаза разбегаются, красотища! Не то что раньше: флоксы да примула. Мой, ругается: «Куда тебе столько?» А я никак не угомонюсь – не дача, а ботанический сад!

– Привет, – Валентина одернула знакомую за рукав. – Пойдем, я тебе так накопаю!

– Да такие, как твои, у меня есть! – завела Нина разговор о цветах и плавно перешла к личному. За разговором, они присели на лавочку, в тень, и проболтали не меньше часа. Потом Нина вспомнила о купленной рассаде и заторопилась домой.

Валентина потихоньку спускалась вниз по тротуару. Вот еще два дома, и выглянет из-за угла ее старенький палисадник, а в нем два куста пионов: розовые и бордовые!

– Чем мои хуже? Сколько лет глаз радуют, – думала она, рассматривая неухоженные территории соседних домов.

«Мы этот дом по вашему палисаднику запомнили», – вспомнила она, и поискала глазами свой.

На подступах к дому Валентина заметила необычайно яркие цвета и три силуэта, копошащихся в ее владениях. Она прибавила шаг. Подошла и обомлела – вместо покосившегося, заплатанного шифером ограждения выстраивался новенький зеленый заборчик. Мужчина крепкого телосложения и два подростка лет тринадцати-четырнадцати смело хозяйничали на чужой территории.

– Эй! – окрикнула она чужаков.

Мужчина распрямылся.

– Здравствуй, тетя Валь! Мы тут проездом, на два дня, вот знакомься: Коля и Ваня Зацепины! Ты прости, не дождалась тебя, сами хозяйничаем.

– Здравс-ти-те, – почти хором ответили ребята оторопевшей Валентине. Только теперь она заметила в руках одного из мальчишек кисточку с розовой краской.

За чаем опять вспоминался шептливый парнишка Пашка, влюбленная парочка, не замечающая открытого окна, и двое взрослых, бережно хранящих чужую тайну.

А под окнами зеленым заборчиком красовался палисадник, укрывая у себя ярко раскрашенные: каменную божью коровку, железные шляпки мухоморов, шины-клумбы и розовый бачок-поросенок с озорной улыбкой и пяточком.

– Ох, Паша, Паша, навел мне красоты, глаз радуется! – сказала Валентина, смахивая кончиком платка каплю радости, и услышала в ответ, знакомую фразу: «Мы, Павлы, все такие, нам иначе никак!»

ПОДФАРТИЛО

Последний день уходящего года. Веселая предпраздничная суета. Запах ели. Цветные огни в окнах домов. Пешеходы с подарочными пакетами. Ярко светящиеся витрины. А в стенах нашего подъезда – смачные запахи. Ленинградка Надя с экрана поет про «вагончики». И всё, всё пронизано радостным ожиданием чего-то нового, волшебного. Даже день выдался на редкость солнечным. От снега так слепило глаза, что, открыв дверь подъезда, я чуть не сбила соседку.

– Лешего не видела? – опередила та мое «здравствуй». – Хотела вкусненьким побаловать, да не нашла нигде. Нина со второго этажа говорит, дней пять как исчез. Не помер ли?! Жалко бродягу.

Старый лохматый кот по кличке Леший был старожилом двора. Он прочно обосновался в подвале, получал по праздникам от нас особое угощение и дежурил возле входной двери. Когда-то, отдавая дань поверьям, новоселы впустили маленького пушистого котенка первым в квартиру. Пожили в ней недолго и съехали, оставив питомца. Первое время тот сильно переживал: сутками сидел на коврик у знакомой двери. А потом привык, получив статус «дворового кота».

С тех пор невозможно было представить наш двор без Лешего. Кот всегда был в гуще событий: он обязательно оказывался рядом с присевшим на лавочку человеком, уютно располагался в оставленной на время пустой детской коляске, терся возле колес любой подъехавшей машины или, развалившись прямо перед крыльцом, грел на солнце свое лохматое брюшко. Сколько Лешему лет, никто не помнил. Казалось, кот жил с нами рядом всегда. Я мысленно представила замерзающее в снегу тощее тельце и содрогнулась. Жалость и безысходность затеребили душу.

– Неужто и впрямь помер? – продолжила было соседка, но тут же сменила тему: – А ты-то чего зимой налегке выскочила?

– Да мне до сарая и обратно! – очнулась я от неприятных мыслей. – Холодильник у нас сломался, пришлось продукты туда отнести, на мороз.

Вот такая оказия в предпраздничную неделю. И запас продуктов большой, и к крупным покупкам мы не готовы. Собрала я деликатесы в старую хозяйственную сумку, подвесила ее на гвоздь, вбитый в потолочную перекладину над сундуком, и успокоилась на неделю.

Пока шла до сарая, думала о Лешем: от голода он умереть не мог – всем подъездом подкармливаем, слишком старым не назовешь – шустро по деревьям лазает. Может, собаки? Вот ужас-то! Ох Леший, Леший! Замерзший замок с трудом поддавался повороту ключа. Морозец всю неделю стоял знатный, лишь сегодня потеплело. Я поднажала плечом на дверь,

вытащила дужку из петли и вошла в сарай. Осмотрелась и... не сразу поняла, что с сумкой. Один ее край, что свисал чуть ниже к сундуку, был какой-то странной, обрубленной формы. Я подошла ближе и обмерла: угол сумки отсутствовал полностью. Вместо него зияла огромная дыра, через которую выглядывали обглоданные продукты.

– Кто? Как? – Взгляд мой упал на сундук.

Там, среди смотанных в рулоны домотканых половиков, лежало что-то большое и лохматое. Я не сразу узнала Лешего, настолько толстым было его тело.

«Помер! В нашем сарае» – мелькнула в голове первая мысль. Но, заметив меня, кот чуть повел ухом – жив!

– Как же ты умудрился, бродяга? На весу, что ли? – удивлялась я, поняв причину его малоподвижности. От половиков до сумки было не меньше метра.

– Вот даешь! В твои-то годы!

Воображение нарисовало хвостатого эквилибриста. Вцепившись мертвой хваткой в ткань, он раскачивается на сумке и вонзает в нее острые зубы. Запах, исходящий от содержимого, сводит с ума. Кот истекает слюной и раздирает зубами преграду. Вот уже первые кусочки ветчины, а может, сливочного масла коснулись зубов. Блаженство! И это все ему, Лешему. Вот он – кошачий рай!

– Ах ты наглый обжора! – шлепнула я кота попавшейся под руку тряпкой.

Кот слегка развернул на меня морду, оставив тело недвижимым. Я повторила наказание. Вальяжно развалившись в кресле из половиков, выпятив огромный живот, полуприщуренными глазами он с безразличным видом наблюдал за происходящим. Пришлось применить силу и выкинуть наглеца в снег. С трудом передвигая лапы, Леший выбрался из небольшого сугроба, оглянулся, посмотрел полным обиды взглядом и побрел прочь, переваливаясь под тяжестью живота. «Нас и здесь неплохо кормят!» – вспомнила я любимый мультик и сняла с гвоздя сумку.

Морозная свежесть и последние новости оживили дом с моим приходом. Семья собралась на кухне.

– А Леший Новый год уже встретил! Вот, – выложила я на стол содержимое сумки, – ветчина, колбаса полукопченая, масло сливочное – все испробовал! Ругай, не ругай, а съеденного не вернешь!

Возмущения домочадцев перешли в смех и вызвали поток фантазий на тему, как он это сделал и как радовался, отрывая смачные кусочки ветчины. Э-эх! Свезло так свезло бродяге!

– Главное, Леший жив! Не лопнул! – сказала внучка и, помолчав, добавила: – А ветчина-то ему больше всего понравилась!

Екатерина Ключкова.
Серия «Русский Север. Ярославской области посвящается...». Масло

ПРОЗА

ЮЛИЯ АНУРИНА
(Москва)

СПИЧКА

Рисунки автора

– Эй, Сергеич! Глянь.

– Некогда.

– Да глянь! Я говорю тебе: чем не приемщик? – Колян подтолкнул в спину тонкошеего робота.

Робот, выставив по-человечески вперед руки, еле удерживаясь на ногах, пробежал вперед, вернул равновесие и остановился перед высоким крупным мужчиной. Тот хмуро подпер подбородок кулаком. Подумав секунду, криво улыбнулся и произнес насмешливым баритоном:

– У-у-у... Мила-а-ашка.

– Это я, да, подтвердил робот.

Колян заржал:

– Ты не представляешь, какой он смешной. Давай возьмем его?

– Мне тебя хватает. И вообще, где ты взял это чудо? – Сергеич вытер руки о фартук.

– Да... бабка одна... в общем, родственники отдали. Старушка, представляешь, не захотела «переселиться». Попросила «своим чередом» Умерла, короче. Чудачка. Сунем его на финальную диагностику и прием-выдачу?

– Валяй. Только отстань от меня.

Через пару дней робот, прошедший техосмотр и комиссию на пригодность, был поставлен на финальную диагностику в сервисе по ремонту и отладке протезов для людей. Спичка – так прозвали его сотрудники-люди – отлично справлялся. И его единственным недостатком была... Невозможная. Непереносимая. Изматывающая. Болтливость.

– Да замолчит он уже или что!.. – Сергеич уныло посмотрел на Спичку.

– А если подшлифовать средством номер пять суставы, они будут более подвижны, но не будут терять контроль и вихляться...

Он не замолкал ни на минуту. То спрашивая что-то, то начиная рассказывать о том, что, по его мнению, очень важно знать людям. У каждого работника был собственный шкафчик, и часто дверцы были небрежно распахнуты. Спичка старательно и, казалось, с придыханием, каждый раз их закрывал. Проходя мимо Коляна, который ставил разогревать еду, Спичка тихонько комментировал, глядя в его сторону: «Три минуты».

– Да выключи ты его. Ну звук убери, и пусть только сообщения шлет. По делу.

Спичка, как раз проходивший мимо, споткнулся и, пролетев несколько метров, шлепнулся в кучу картонных коробок для брака. Сергеич проследил за этим событием, подняв брови, и выдал:– Да он специально, блин. Точно специально. Такое ощущение, что он реально умеет шутить.

– Да он у той старушки лет сто работал! – Колян чуть не запрыгал. – Она в театре служила все эти сто лет. Понабрался от нее. Давай звук отключим, ну, Сергеи-и-ич? Что он будет делать? Давай?

– Так. Я вот про тебя понимаю, что тебе заняться нечем? – Сергеич переключил внимание на помощника и, сдвинув брови, произнес: – Ты приемщика сломал, вообще-то.

Колян с лицом самого занятого в мире человека, юркнул в техотдел.

– Отклю-у-учим, отклю-у-учим. Отключим. Но завтра. Трали-вали, пассатижи, – напевал Спичка.

– С утра пойдем и отнесем в ремонт, – Поля погладила сестру по плечу.

У Алисы не было руки. С рождения. Только плечо и половина локтя с несформировавшейся кистью. В современном мире это, к счастью, можно компенсировать прекрасными протезами Илии Ганина. Протез нужно было менять, потому что Алиса достигла возраста, когда нужна смена – в связи с ростом и изменением всего организма.

Офис медцентра и сервис находились в двадцатипятиэтажном новом здании, блистающем яркими вывесками и рекламой. В небе ни облачка, настроение прекрасное. Сестры вошли внутрь прохладного холла. Прошли сквозь проверочную информационную арку, за которой виднелось множество дверей. Они нашли нужную: кабинет, в котором получают готовый протез. Милый робот-приемщик, молчаливый и услужливый, протянул руку к телефону Поли и повернул ладонь вверх. Поля удивленно положила телефон ему на ладонь. Робот поднес телефон к губам и положил на стол. Прижал руку ладонью к груди и кивнул. Затем распаковал коробку, посмотрел в глаза по очереди обеим девочкам и плавно вытянул руки вперед, одновременно медленно поворачивая ладони вверх.

Его руки как бы говорили: вот ваш заказ. Затем он взял телефон Поли и протянул ей, наклонив вниз голову. Поля взяла телефон, там было сообщение: «Вы получили протез компании “Железо от Ганина”. Вы останетесь довольны и обретете новые возможности с нашим отлаженным механизмом взаимодействия между мечтой и возможностью». Далее шел длинный текст контракта и гарантий.

Поля тут же помогла Алисе поставить ее «новые возможности», и это действительно казалось чудом. Рука была невесома и ощущалась как своя. Все очень быстро наладилось и подключилось к Алисиному чипу, поставленному еще в детстве для контакта нервной системы с протезом.

Робот еще раз прижал руку к груди и замер. Поля повернулась к сестре:

– Пойдем! Мы будем гулять и кататься на великах, и возьмем потом лодку, и вечером на набережной поедем мороженого. Сегодня пусть будет выходной так выходной!

– Без фильмов на диване и соцсетей? – Алиса задумчиво рассматривала руку. – Знаешь, Поль, я вот думаю... А как в древние времена жили такие, как я. Ну, понятно, можно это прочитать в энциклопедии и можно посмотреть в фильмах. Но, мне кажется, поговорить, обменяться эмоциями вслух... было бы так... целебно, что ли? Я так им сочувствую, все-таки счастье, что мы теперь можем все исправить.

Утром Полину встревожил какой-то слишком резкий голос сестры:

– Поль! Посмотри!

– Что случилось? – Полина вышла из ванной, спросонья немного хмурая, космато-кудрявая, смешная.

Алиса показывала на руку:

– Смотри! – На слове «смотри» рука-протез соединила указательный и большой пальцы колечком.

– Как это? – Поля опешила.

– А не знаю... – Кисть при словах «не знаю» повернулась медленно ладонью вверх и растопырила пальцы. – Зачетно, да? – Кисть сложила указательный и большой, приподняв остальные вверх. – Да расслабься. Это же весело! – Кисть выставила большой и мизинец прижав остальные к ладони.

– Так! Мы идем обратно в медцентр! – Поля засобиравалась. – Мне это не кажется смешным и веселым. Давай, собирайся, покажемся доктору-механику.

Илия Сергеич Ганин собирал очередной заказ, самолично проверяя качество комплекта. Закончив, позвал помощника:

– Колян! Заканчивай свой утренний кофе. Включи комплектовщик! И, кстати, ты видел Спичку сегодня? Что-то наш весельчак молчит. И сообщения даже не пишет. Он где вообще?

Колян появился с чашкой кофе:

– Да стоит себе на приемке. Вполне приветлив. Кланяется молча.

Тренькнуло сообщение. Спичка уведомил о возврате товара. Это был нонсенс. Первый раз за всю практику «Железа от Ганина».

Девочка выглядела смущенной. С утра ей казалось смешным, что рука повторяет ее слова движениями, сейчас она немного устала от постоянного шевеления, которое она не может прекратить, кроме как замолчав.

Робот смотрел не отрываясь на руку девочки, повторяющую слова движением пальцев или поворотами ладони. Ганин повернулся к Спичке. Выключив ему функцию голоса, он обеспечил себе комфорт, только и всего. Неужели для робота может быть значимо – болтать без умолку?

– Спичка! Зачем? Что ты этим хотел сказать?

Сергеич схватил телефон и включил Спичке голосовой режим.

Спичка торжественно произнес:

– Голосовое общение, свойственное человеческим особям, является очень важным фактом для здорового психического состояния.

Илия Сергеевич постоял несколько секунд, глядя в лучистые, цвета моря, великоватые к тому же, как у ребенка, глаза андроида. Обернулся к Коле и, видя, что тот ничего не понимает, озвучил:

– Поздравляю, шкафчик ему выдели.

– 3-зачем? – спросил Колян.

– Дожили мы, Коля. Уж не знаю, хорошо это или плохо, но Спичка наш – хотя он теперь скорее свой собственный – осознал себя и, ничуть не сомневаясь, заметь, причислил к таким как мы, Коленька. При этом неагрессивно дал понять, что речь – основа взаимопонимания.

ЭПЛ – ЭРА ПОЛНОПРАВНЫХ ЛЮДЕЙ

*...Вы хотите создать добрых и милосердных роботов, а сами не умеете любить своих детей; друг с другом ведете себя как животные; вы хотите жить среди надежных и порядочных, а сами быть такими, как вам удобно....
Так как же, я спрашиваю, вам может быть под силу такое дело, как создавать совершенство?*

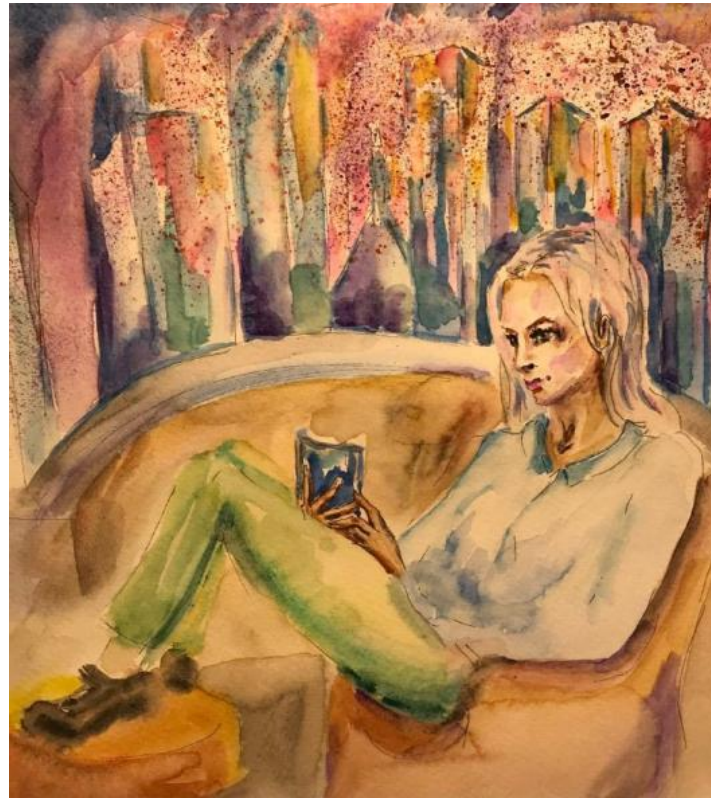
На город ложилась сумерки. Огнем пылало на западе июльское солнце. В каждом окне отражались маленькие кусочки ушедшего дня. День и солнце звучали одинаково на языке людей. Все в мире менялось медленно с точки зрения людей и поколений, но быстро и неумолимо по отношению к времени вселенной. И язык, и технологии, и природа вещей смешивались, переплетались и проникали друг в друга.

Уютно устроившись с коммуникатором в мягком кресле, Тайси просматривала свои дневные записи. Два случая ложных вызовов. Ложные – это когда вызывают по подозрению на болезнь или присутствие андроида типа «А» фабрики «Восход». Первый случай – было замечено движение в зоне, закрытой для передвижения людей, а оказалось, что механический почтальон забрел не туда. Второй – две мамы на площадке обвиняли друг друга: «Твой ребенок – андроид!» – «Нет, твой!» – «Не смей здесь гулять! Здесь настоящие гуляют». В общем, обычный рабочий день. Пора писать отчет, собираться и – долгожданные выходные...

Она работала на станции контроля и медицинской помощи. Почему это было одной организацией? А потому, что контроль за появлением в районе человекоподобных андроидов типа «А» установили в переломный момент, когда рождаемость из-за количества детей-

Тайсу

Тайсу

андроидов упала до нуля. На полтора года. Приняли законы об отселении андроидов в резервации и о запрете на усыновление серийного ребенка-андроида.

Время, в которое она жила, было временем противостояния людей, признававших андроидов как равных, и людей, считавших это кощунством и моральным падением человечества.

Сложность состояла в том, что «почти люди» не отличались от людей внешне. Почти. Мало того, большинство стремилось жить среди людей. Для того, чтобы поддерживать свой жизненный цикл, они использовали электрическую энергию. Застукать их в этот момент было не очень просто. На ладонях были небольшие скрытые углубления, под кожей в этих углублениях находились контакты.

«Просто прислони ладонь к зарядке подходящей мощности, подключенной к источнику энергии, смотри внутрь себя и поймешь, насколько нужно остаться у источника» – так учила его Мама.

Как уже говорилось, всем андроидам приходилось учиться быть незаметными, и опыт постепенно нарабатывался. Тем не менее когда ты совсем еще новенький андроид, сделать это непросто.

Он постоянно застывал около огромных витрин магазинов, где были выставлены нарядные композиции из товаров. Яркие коробочки, отражение заката в стекле – все заставляло испытывать то, что тратило внутреннюю энергию, но при этом он замечал: что-то несомненно прибавлялось в... Он не знал где. Но хотел любоваться. Хотел учиться. Забывал

Мама

Две сестры

заряжаться, и его руки начинали терять чувствительность. Мама говорила, что он «горе луковое», а он хохотал и спрашивал:

– Почему луковое?!

– Потому что не по-настоящему – горе, а как от лука слезы, – говорила она.

Мама работала в примерочной большого ателье. Он любил заходить в красивый зал, увешанный разной одеждой. Любил подолгу оставаться с Мамой, пока она работала – смотреть, как она ловко орудует подшивателем или отпаривает готовые вещи. Конечно, они скрывали, кто они такие. Жить в резервации? Или еще хуже – в убежищах, с дикими и озлобленными?.. Нет уж, лучше недолго, но дыша полной грудью... Среди тех, кто поначалу хотел видеть их рядом, а потом сам испугался своего творения.

Тайси заполняла отчет о сегодняшней работе. Ничего такого не произошло сегодня, никаких признаков «почти людей» в их районе. Пару раз в неделю приходят наводки, и Гард с группой выезжает на проверки. Она сопровождает как эксперт-медик. Их район – благополучный. Здесь живут Люди, те, которые не потерпят рядом «серийных». Такое название дали в обществе разумным, мыслящим и таким желанным на заре рождения ИИ созданием. Творению человеческого интеллекта, человеческих рук, а главное – человеческого желания.

От написания отчета отвлек Гард.

– Тайси! Не хочешь сегодня вечером остаться у меня? Сходим поужинать и проведем, наконец, хоть один выходной по-человечески! – крикнул он.

В глазах Тайси промелькнули смешинки.

– По-человечески? Это можно. Думаю, сегодня мы закончили с работой, – ответила она.

На пульте инерциоида замелькал сигнал тревоги. Вот и провели... Сигнал подавал агент, работающий в крупном универмаге.

Сообщение агента: «Мальчик, возможно андроид. Упал прямо перед входом. Вызываю медика и эксперта с группой. Думаю, дурачок не успел пополнить энергию. Скорее всего, живет не один. Такие бракованные особи, как и человеческие дети с отклонениями в развитии, нуждаются в опеке. Как же они отвратительны в своем человекоподобии».

– Я опять забыл зарядить свой аккумулятор... я умираю? – думал ребенок. Последние мысли растекались и плавно кружили в голове.

– Мама будет расстроена. Я увидел, как ко мне бежит полицейский. Пропал. Точно пропал.

Тайси посмотрела на ребенка – совсем мальчишка. Андроиды растут и развиваются быстрее людей. Эмбрион за 27 часов превращается в отличное подобие младенца. А дальше рост немного замедляется. Пара месяцев – и он уже ползает, еще пара месяцев – и готов ходить с вами за ручку. После этого растет как обычный ребенок. Раньше это был выход для пар с маленьким бюджетом: кормить андроида и человеческого малыша – несравнимые вещи.

Подхватив подростка, она закрепила на запястье «антибег». Гард перехватил мальчишку и, перекинув через плечо, пошел к выходу. Вокруг собралась толпа. А что вы хотите: благополучный район и вдруг подозрение на «серийного».

В машине положено осмотреть и сделать тест. Тайси умело подключила датчики и перегнулась через сиденье

– Эй, Стас! Эксперт – мне в помощь!

Положение гласит: два сотрудника делают экспертизу. Этого достаточно. Наш девиз: «Доверие и взаимопонимание». Только приложить ладони ребенка к источнику, и сразу все станет ясно: если есть легкий тремор, то он подключен – это признак «серийника», а если датчики выдают полную картину здоровых органов и отсутствие повреждений – это здоровый человек.

Ну да, человек не лежит в коме без причин. Так что... последний этап. Ладони на гладкую, белую поверхность штатного источника. Тремор. Что ж, «серийник»... Стас и Тайси переглянулись. Возможно, люди поступили бы иначе.

Из машины вышли Тайси, Стас и мальчик. Стас напутствовал малыша, передавая матери:

– Так вот, Милтон, запомни: с твоим заболеванием нельзя забывать об ингаляторе. Договорились?

– Да, сэр, я понял...

Мама и сын удалялись. Зайдя в универмаг, они удивленно оглянулись. Тайси с серьезным лицом и смешинками в глазах смотрела в глаза Мамы, держа ладонь на источнике питания...

ПРОЗА

Андрей Зенин

(Москва)

ЮВЕЛИР

Рисунки Юлии Ануриной

Этот дневник я начал проговаривать внутри себя в тот день, когда рутинный осмотр выявил мою неустранимую болезнь. Я захотел жить осознанно каждую отведенную мне минуту.

Меня зовут Федор. Ну, на самом деле FDR-11038116, но в нашем обществе не принято заморачиваться со сложными именами. Я – андроид. Мои создатели – вселенная и девятый цех завода «Гомсельмаш». Специального заказа тогда не было, поэтому инженеры наделили меня стандартным набором функций. Универсальные способности, щедро подаренные создателями, позволяли мне выбрать любое занятие, не требующее квалификации. Я перепробовал их великое множество, но каждый раз со мной расставались, заменяя более подходящей моделью.

Однажды мне все-таки повезло – я нашел работу, с которой меня не уволили через неделю. Я работаю в большом торговом центре ювелиром. Изначально моей задачей был мелкий ремонт, восстановление поврежденных элементов, изменение размеров колец. Постепенно я стал создавать свои украшения, чтобы немного разнообразить скучную витрину. Некоторым людям понравились мои поделки, и их стали покупать. Иногда даже заказывали специально.

Раз в месяц всем андроидам положено проходить диагностику. Это то небольшое, на что мы вправе рассчитывать от государства. В последнее время мои конечности стали хуже двигаться, причиной я считал дефицит минерального масла. Оказалось, все несколько хуже. Доктор обнаружил, что мой масляный насос вышел из строя и доживает последние дни. Как следствие – каскад других проблем и поломок. Внутренний энергогенератор, призванный вырабатывать ток, работает с серьезными перебоями. Он изношен. Питание позитронного мозга нарушено – некоторые сектора повреждены скачками напряжения. Сильнее всего пострадала зрительная область. Я слепну.

Проблемы с масляным насосом у меня были давно. То ли на заводе схалтурили и поставили бракованный, то ли при эксплуатации повредил его сам несертифицированным маслом и присадками. Но поменять насос я не мог. Приобрести копеечный агрегат – непосильная задача для робота.

Здесь надо объяснить, как устроены взаимоотношения людей и андроидов на самом деле. Для людей мы послушные помощники. Доброжелательные, исполнительные, неутомимые. С нашей стороны эти отношения выглядят не так радужно. Если андроид попадает в хороший дом или на должность с приличной страховкой – он защищен практически так же, как человек. Но большинству из нас так не везет. Мы выполняем миллионы функций, не

получая ни копейки. Так устроено общество, что все заработанные нами деньги идут на счета наших владельцев. Я вас удивил? Ваш волшебный мир перестал быть таким лучезарным?

Этот пакет законов принимали долго. Решающим оказалось выступление одного сенатора, который прямо заявил, что андройды – всего лишь продвинутые бытовые приборы. Абсурдно платить по десять копеек чайнику каждый раз, как он вскипятит воду. Контроль состояния – дело владельца. Или муниципалитета, если андроид бесхозный, то есть самостоятельный.

Вот и получается, что на ремонт у меня денег нет. Управляющей компании, владеющей торговым центром, вообще безразлично, кто сидит в мастерской.

Когда доктор ушел, я впервые по-настоящему почувствовал. И почувствовал я сразу очень много: отчаяние, несправедливость, сожаление, гнев. Новые алгоритмы захлестнули меня, заставили неисправный насос работать на пределе возможностей.

Я видел, что чувства меня буквально разрушают, но не мог прекратить. Тогда я стал проговаривать свои переживания у себя в голове, чтобы потом проанализировать.

Эта женщина приходила раньше несколько раз. Ей нравились мои безделушки. Время от времени она их покупала. Сегодня женщина казалась расстроенной. Она попросила сделать кулон в подарок племяннице на день рождения. На мой вопрос, как должен выглядеть кулон, она ответила, что это неважно, конкретного образа нет.

Я разогрел кусочек золота. Пока оно плавилось, я слушал посетительницу, не думая, что сделаю. Видимо, тщательно сдерживаемые ею при людях эмоции пробили плотину. Она расплакалась. Племянница, которой предназначалось украшение, больна. Последняя стадия рака. Скорее всего, это ее последний день рождения. Продолжая слушать, я приступил к созданию кулона. Я делал единорога. С красным рубином вместо глаза. Я очень старался, но стресс повлиял на координацию: руки не слушались, точные движения не давались. Единорог получился неидеальным, корявым. Но лучше я не мог. Женщина молча взяла поделку, почти не рассматривая, а затем прикоснулась к терминалу оплаты, и владельцы торгового центра стали капельку состоятельнее.

Несколько дней посетителей почти не было. Студенты покупали безделушки с витрины в подарок своим мимолетным увлечениям. Иногда просили отремонтировать разорванные цепочки и вклеить выпавшие камни. Каждый раз заказчики уходили разочарованные низким качеством работы.

В тот день возле витрины остановилось инвалидное кресло. Сидевший в нем парень долго рассматривал выставку моих творений. Потом въехал в мастерскую. Спросил, принимаю ли я заказы. Я ответил, что теперь делаю украшения гораздо реже.

Он попросил сделать ему брошку. Маленькую. Или значок. Из-за темно-серой одежды муниципальные инвалиды выглядели одинаково. А ему хотелось как-то показать окружающим, что это не так. Я согласился. Скорее чтобы хоть с кем-то поговорить. Ему нужно было то же самое.

В инвалидное кресло моего гостя усадила старая травма позвоночника. Общество позаботилось о нем: освободило от платежей за покупки и аренду жилья, предоставило одежду, средства передвижения. У него нет необходимости за что-либо платить, а значит ему больше не нужны деньги. Каким-то чудом сэкономленные, спрятанные сбережения он решил потратить на самое малое, что укажет обществу на его индивидуальность. Я слушал его и собирал по коробочкам крошки и обрезки серебряной проволоки. Набралось немного, но, сплавленных вместе, их должно хватить. У меня получились маленькие крылья. Неказистые. Неаккуратные. Но я честно старался.

Парень долго рассматривал результат моих трудов.

– Ну что ж, – наконец сказал он. – Символично. Калеке – уродливый значок. Я бы даже сказал – знак.

Мне было очень стыдно (новое чувство). Он молча перевел свои небольшие накопления. Я взял только за работу. Причем не себе. Прямо в мастерской он прикрепил значок на лацкан куртки и молча уехал.

Девочка тащила маму за руку. Мама, с сумками в руках, почти не сопротивлялась. Девочка остановилась у моей витрины. Прислонила личико вплотную к стеклу, с любопытством заглянула в полутемное пространство мастерской, повернулась к маме и, громко, радостно мыча, потащила ее ко мне. Девочке на вид было лет шесть. Она с интересом обошла мастерскую, потрогала стол, инструменты, погладила меня. Неожиданно взяла за руку и заглянула в глаза. Новое чувство ударило током. Буквально. Я почувствовал симпатию.

– Ева не разговаривает. Простите нас. Она немного поиграет, и мы уйдем.

Женщина поставила сумки на пол и устало села на стул. Девочка достала из сумочки блокнот со своими рисунками и, усевшись ко мне на колени, начала их показывать. Она листала блокнот, стараясь промычать и пробулькать что-то непонятное. На одной из страниц она, видимо, училась писать буквы: неровные «А» и «Б» налезали друг на друга. Девочка оживилась. Она пыталась что-то сказать, но у нее не получалось. Тогда она подбежала к маме и попыталась включить ее в беседу. Мама гладила ее по голове, подбадривала.

– Простите, мы отняли ваше время, – сказала мне женщина. – Еве здесь очень понравилось. Можно я у вас что-нибудь куплю?

Я сказал, что ничего покупать не надо. Лучше я покажу ее дочке, как делаю свои украшения. Мама согласилась. Ева вновь уселась ко мне на колени, не выпуская блокнот из рук. Мы взяли кусочек проволоки. Я хотел согнуть замысловатый вензель, но непослушные пальцы дрожали. Ева положила свои ладошки на мои руки. Теперь мы сгибали проволоку вместе. Причем направление задавал уже не я. Я просто усиливал старания девочки. Она выгибала проволоку, пыhtела, повизгивала от удовольствия, мычала в задумчивости. Когда проволока закончилась, Ева радостно отклонилась от стола. Я перенес получившуюся поделку на стол, чтобы показать маме. Повернул по часовой стрелке. И только тут увидел, что девочка сделала буквы «А» и «Б», причудливо переплетенные в трех измерениях. Но как?! Я же делал вместе с ней и не разгадал ее задумку. Мама не видела, кто автор этого шедевра. Сухо поблагодарила.

– Красота!

Мы замерли. Это сказала девочка! Ева впервые в жизни заговорила. Нам обоим могло показаться, но она заговорила снова:

– Мама, тебе нравится?

Мама вскрикнула, бросилась к Еве и обняла ее. Стала хвалить дочку, поделку, даже меня почему-то. Я нашел коробку для новогодних украшений с прозрачной стенкой, положил в нее поделку и отдал девочке. Когда они ушли, я долго не мог привести в норму свои системы. Насос, поскрипывая, бешено качал масло, пока его давление не пришло в норму.

Женщина, которой я сделал единорога, зашла в мастерскую через семнадцать дней. Я узнал ее, и мысли вернулись к грустной истории ее племянницы.

– Спасибо! – сказала она.

– За что? – спросил я.

– Племяннице очень понравился кулон. Она его не снимает. А еще у нас радость – провели анализы. Опухоль начала рассасываться. Врачи говорят, это чудо. Но я почему-то подумала, что это благодаря вашей поделке.

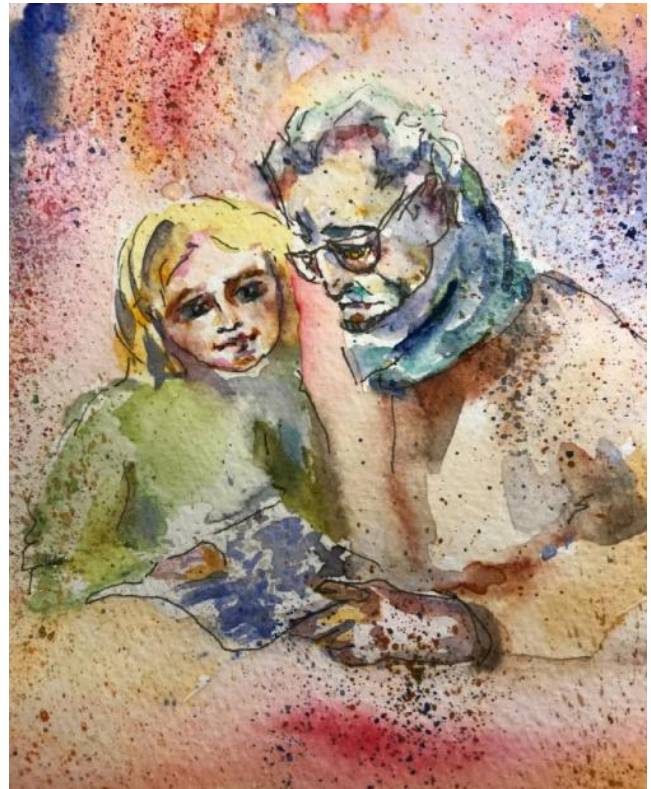
Меня удивила нерациональность выводов, но обрадовало то, что девочка начала выздоравливать. Женщина вернулась лишь с одной целью – поблагодарить старого робота, сказать мне спасибо. Значит, она действительно верит в чудодейственную силу моего единорога. Пусть так.

Две недели пролетели незаметно. Я перевел организм в энергосберегающий режим. Если не двигаться, можно сберечь ресурсы и продлить свое существование. Сфокусировал взгляд на входной двери, чтобы не пропустить посетителей.

Он вошел с милой девушкой. Опираясь на костыль. Но шел самостоятельно. Спутница его не торопила, не злилась на медлительность и неловкость. Они о чем-то разговаривали. Я узнал его только по значку в виде крыльев из кусочков проволоки. Сейчас он выглядел гораздо лучше: на нем была одежда из магазина, а не серый бесплатный костюм. Он не узнал меня. Они попросили продать им обручальные кольца. У меня их нет. Тогда они спросили, смогу ли сделать. Я честно сообщил, что у меня проблемы с координацией.

– Не беда, старик! – молодой человек широко улыбнулся. – Я тебя понимаю. Я сам только встал из муниципального кресла.

Я сделал им два кольца из тонкого золота. Кольца – это самое простое. Достаточно намотать разогретую проволоку на специальный цилиндр, спаять место разреза и тщательно зашлифовать. Даже эта простая операция у меня вышла неидеально. Толщина каждого кольца немного «плавала» по периметру. Однако они, смеясь, забрали их. Ушли. Именно ушли. Молодые, счастливые, полные надежд и ожиданий.

Я слышал, таких женщин называют «породистыми». Даже не заметил, как она вошла. Каждый день системы работали все хуже. Чтобы привлечь мое внимание, она постучала по стойке. Такие мастерские, как моя, явно не ее уровень. Я сказал ей об этом. Но оказалось, она пришла именно ко мне.

– Я знаю, что вы делаете волшебные вещи, – озадачила меня незнакомка.

– Вы, вероятно, ошиблись. У меня ювелирная мастерская по ремонту, а не созданию украшений.

– Я никогда не ошибаюсь, – уверенно ответила женщина. – Про вас в интернете рассказывают сказки.

– Вы верите в сказки?

Женщина пристально посмотрела на меня. Глубоко вздохнула.

– Я готова поверить во что угодно...

– Я не знаю, чем могу вас развлечь.

– Мне нужна одна из ваших поделок.

– Они все на витрине. Те, что остались.

– Нет, – женщина покачала головой. – Мне нужна особенная. Изготовленная специально для меня.

– А что с вами не так?

– Я теряю смысл жизни. Мой муж болен. Врачи не могут определить причину. Он угасает, и никто ничего не может сделать.

– Почему вы считаете, что я помогу вашему мужу?

Она рассказала. Про девочку с последней стадией онкологии. Про Еву, заговорившую у меня на глазах, про инвалида, удачно упавшего на спину на улице, после чего заработала парализованная часть спинного мозга. Я задумался. Каждый из этих людей вызывал во мне неведомые раньше эмоции. Каждое изделие я делал, думая о них, искренне желая им счастья.

– Я не смогу вам помочь.

Женщина явно не ожидала такого ответа.

– Почему? – Казалось, она хотела бы вспылить, но была столь подавлена, что вопрос прозвучал бесцветно, устало.

– Я не чувствую ничего ни к вам, ни к вашему мужу, – честно ответил я.

– Он хороший. – Женщина всхлипнула. Годами отработанная защита начала трескаться. – Мне страшно, что будет без него. Он отдал себя, свою жизнь обществу. Он все делал для людей. А теперь... Теперь люди не могут, не умеют ему помочь.

– Вы жалеете больше себя или его?

Женщина задумалась.

– Его. Да. Его. Это нечестно. Вот так. Неправильно.

Пока женщина рассказывала про мужа, их совместные истории и планы, я разогревал печку для выплавки. Исходных материалов почти не осталось. Кусочки золота для ремонта, заготовки для замочков, сломанная сережка. Все ссыпал в тигель. Металл начал постепенно плавиться.

– Он всегда был справедливым!

– Понимаю, – я реагировал на ее реплики почти не задумываясь.

– Но у болезни нет исключений даже для сенаторов, – женщина горько вздохнула.

– Он сенатор? – вежливо переспросил я.

– Да. Он сделал общество справедливым.

– Как же у него это получилось?

– Помните, хотя вряд ли, лет тридцать назад приняли закон о разумной справедливости?

– Я помню. По этому закону андроидов приравнивали к бытовой технике и лишили прав на социальные гарантии.

– Ну нет. Там суть закона в том, что человек отвечает за жизнь и судьбу робота.

– Только человеку не хочется отвечать за чайник, пылесос или домашнего робота. Для человека мы – бытовые приборы, которые можно выбросить, если сломались.

Наступило молчание. Я понял, кому делаю амулет. Это он лишил лично меня надежды жить. По его вине я не смог купить копеечный насос. По его инициативе, сколько бы мы ни работали, как бы трудно ни зарабатывали свое мизерное жалование, оно все до копейки уходит людям. Он закрепил социальные нормы, сделавшие невозможными равно существование людей и андроидов.

– Я поняла. Мне жаль. Я никогда не думала об этом так.

– Потому что никогда не ставили себя на наше место.

– Вы правы. Мне жаль, – еще раз повторила она. – Поверьте.

– Я не хочу делать амулет вашему мужу.

– Я вас понимаю.

Московский BAZAR № 4 (43) 2022

– Не понимаете. По вине принятого вашим мужем закона я умираю. По иронии – в тот момент, когда я начал понимать вас, людей. Когда начал чувствовать.

Жена сенатора взглянула на меня. В ее взгляде я сумел различить интерес и недоверие.

– Что вы уже умеете чувствовать?

– Страх, сожаление, боль, отчаяние, симпатию, радость.

– Есть еще прощение.

– Что это?

– Это готовность простить человеку его ошибки, заблуждения, несмотря на то что изменить уже ничего невозможно. Полюбить его таким, какой он есть. Таким, каким он может быть.

Ее слова меня заинтриговали. Раньше я о таком не слышал.

– Каким может быть ваш муж?

– Он справедливый, – осторожно начала женщина. – Он всю жизнь ищет пути сделать общество гармоничным. Иногда ему приходится делать неприятный, жесткий выбор. Но кто-то должен его делать. Кто-то должен брать на себя ответственность. И вину за последствия.

– Прощать – это не требовать ничего взамен? – уточнил я.

– Да.

Я задумался. Если бы я родился не в цехах, а в роддоме через дорогу, этот мир воспринимался бы мною совсем по-другому. Справедливость для меня была бы иной. Она права. Я в плену той же ошибки, которая держит арканом ее мужа. Для меня невозможна иная точка зрения, кроме моей собственной. Но как это изменить?

– Расскажите вашему мужу обо мне. Пожалуйста. У нас нет души в вашем понимании. Изначально, от рождения. Но мы не бытовые приборы. У многих из нас чувства есть. Они появляются с годами, проведенными рядом с людьми, хоть мы и не всегда понимаем, что с нами.

– Спасибо.

Желтый металл расплавился. Я аккуратно вылил его в треугольную гипсовую форму. Чего-то не хватало. Чего-то главного. Камня. В шкатулке не оказалось ни одного подходящего. Я брал их один за другим, но не чувствовал, что камень подойдет. Когда я совсем отчаялся, понял, какой камень нужен.

Аккуратно, уже совсем непослушными пальцами, я взял тонкий пинцет. Поднес к единственному почти ослепшему глазу и осторожно извлек собственный хрусталик. Наощупь поместил его в центр треугольника. Остывающее золото обхватило камень. Отсчитав в уме необходимое время, я осторожно передал амулет жене сенатора.

– Я прощаю вас, люди. Я благодарен, что вы дали мне жизнь. Простите и вы меня.

Светильник

Я не знаю, заходил ли кто-нибудь в мастерскую после жены сенатора. Лишенный зрения, я перевел организм в режим максимальной заторможенности. Оставил только эту часть мозга, чтобы сохранить свою историю.

Смерть робота от старости оказалась страшной. После отказа всех систем мозг долго жив, хотя для окружающих ты уже просто поломанная кукла. Я думаю, после прекращения поступления скромных платежей владелец торгового центра выбросит меня как старый тостер и наймет на мое место молодого андроида. Для людей ничего не изменится. Ну, разве что те, кто приходил ко мне в последние месяцы, заметят подмену.

Эту запись я нашел в антикварном светильнике, сделанном из головы древнего робота. Мне всегда было любопытно, как они устроены. От робота осталось довольно много элементов. Рукодельщики не заморачивались тотальной переделкой: подцепили дешевый венерианский световой излучатель с модулятором настроения, и все. Я разобрал голову андроида почти до кристаллов. Так и нашел модуль длительной памяти.

Я не поленился и проверил по едва сохранившемуся серийному номеру эпоху и территорию. Оказалось, история с сенатором Комкона правдива. Тогда еще не существовало «Комиссии по контактам». Она появилась через двадцать лет после описанных Федором событий. Но сенатор и правда был на грани смерти от неизвестного в те времена вируса. Я нашел фотографии, на которых разглядел брошь в форме треугольника с глазом внутри. Она, кстати, обнаружилась в музее Контакта. Интересная вещица. Если смотреть на нее дольше пяти секунд, кажется, будто она пристально смотрит на тебя.

Сенатор навсегда вписал свое имя в историю благодаря тому, что довольно радикально, хоть и медленно, поменял законодательство в пользу признания личности андроидов.

Когда на Землю прилетел инопланетный корабль, оказалось, что жизнь в космосе невероятно разнообразна. Но землянам «повезло»: первой с нами на контакт вышла цивилизация роботов. И на контакт они вышли не к людям, а к земным братьям. Естественно, их первый вопрос был: «Вас тут не обижают?»

Забавная история. Правда, это случилось очень давно. Лет триста назад.

А светильник все-таки отличный. Не зря я долго торговался.

ПРОЗА

Михаэль Ландбург

(Ришон ле Цион, Израиль)

ДАМА ПРИГЛАШАЕТ КАВАЛЕРА

*Чужая тайна на губах –
Еще не музыка, не Бах.
Юрий Лейдерман*

Ты сжимаешь в руке телеграмму и вдруг говоришь:

– Я...

И добавляешь:

– Приглашаю...

Два месяца назад, укрываясь от обрушившегося на Тель-Авив ливня, мы оказались под навесом здания филармонии.

Почему-то я улыбнулся.

Ты почему-то ответила улыбкой.

Тогда я сказал:

– Вон тот «опель», который дожидается меня у обочины дороги, охотно заберет к себе нас обоих.

– Вы всегда такой любезный? – спросила ты.

– Не всегда, – ответил я, – но обычно – да!

Проезжая площадь Рабина, ты вдруг указала на крохотное кафе и проговорила: «Я приглашаю!»

Мы пили теплое какао, в то время как за окном метался дождь. Ты спросила, о чем я думаю, и взяла мою руку. Закрыв глаза, я проговорил: «Не забуду ни игру в филармонии Погорелича, ни этот дождь, ни мой бедный “опель” под обезумевшим небом, ни твое «я приглашаю!»

А потом ты привела меня в незнакомый дом, и мы, слушая шум дождя, пили вино.

Постелив на диване, ты задумчиво заглянула в мои глаза.

И вдруг дождь умолк.

Я целовал твои ладони.

Два месяца назад...

– Я приглашаю вас... – говоришь ты сейчас.

Вздрагиваю. Два месяца я слышал «ты»... Ежедневно – «ты»...

Ты держишь телеграмму так, словно в твоих руках судьба. О телеграмме не спрашиваю, потому что давно усвоил: вопросы ничего не меняют... Приглашает дама – какие могут быть возражения?

– Я приглашаю вас уйти... – говоришь ты, комкая телеграмму.
У тебя потерянное лицо, и я знаю, что отныне оно не мое...
Я должен уйти.
Осталось узнать куда...
«Опель».
Включаю мотор.

ПРИ УТРЕННЕМ СВЕТЕ

*Если видеть женщину голой достаточно долго,
Опять начинаешь обращать внимание на ее лицо.*
Генри Миллер

– Хочу заказать портрет, – сказала девушка.
Художник откинулся на спинку кресла, сложил на груди руки и грустно улыбнулся. У него были седые брови и усталое лицо.
– Мне сказали, что вы самый опытный.
– Это верно.
– Мне сказали, что вы лучший.
– Это правда.
– Так я могу надеяться, что вы...
Художник выбрался из кресла и, отступив вглубь студии, пытливо оглядел девушку.
– Денег у меня достаточно, – торопливо проговорила девушка и прикусила губу.
Художник сложил на груди руки и сухо проговорил:
– Присядь-ка вон на тот табурет.
Девушка послушалась.
– Головку чуть вправо.
Девушка послушалась.
– Чуть влево.
Девушка послушалась.
– Нет, – произнес художник, – не то...
Девушка застыла.
– У меня неправильное лицо?
Художник бросил взгляд на окно.
– Свет... – сказал он. – Небо отвернулось...
Изумилась девушка:
– Разве небо отворачивается?
Художник задумался.
Потом произнес:

– Приди в полдень.

В полдень художник смотрел на девушку, нахмутив брови.

– Не то? – упавшим голосом спросила девушка.

– Свет... – загадочно проговорил художник. – Приди с утренним светом.

Она пришла в тот час, когда в студию пробивался утренний свет. Опустив голову, художник сидел в широком кресле и растирал себе глаза.

– В постель! – велел художник. – Ляг, барышня, в постель.

Девушка зажмурила глаза.

– Мне раздеться?

– Раз в постель, то...

Не поднимая головы, художник прислушался к шороху снимаемой одежды.

Она лежала в чужой кровати и ждала.

– Одевайся! – продолжая сидеть в кресле, потребовал художник.

Вздрыгнула девушка, пролепетала:

– А как же с... Мой жених мечтает увидеть портрет.

Художник рассмеялся –

громко,

неистово,

дико.

Глаза девушки наполнились страхом.

– У меня неправильное лицо, да?

Художник поднялся из кресла, приблизился к девушке.

Он смотрел на нее.

Долго смотрел.

Очень долго смотрел.

– Кажется, зря я... – прошептала девушка.

Художник рассмеялся –

глухо,

сдавленно.

И вдруг нетерпеливо буркнул:

– Я напишу твой портрет. Охотно...

Девушка торопливо оделась.

– Выходит, лицо у меня правильное, да? Пожалуйста, скажите, что я ошибалась.

Художник посмотрел на трепещущие ресницы девушки и проговорил:

– Мы оба... Мы ошибались оба...

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЛИКБЕЗ

Александр Костерев
(Санкт-Петербург)

Автор стихов, эссе, коротких рассказов, пародий, переводов, опубликованных в российской периодике: «Смена», «Советская культура», «Новгородская правда», «Тюменский комсомолец», «Уральский рабочий», «День литературы», «Новый мир», «Дальний Восток», и др., а также за рубежом. Участник пяти коллективных сборников поэзии и прозы. Победитель и лауреат международных и российских литературных конкурсов.

По образованию инженер-теплоэнергетик, учился также в Ленинградском джазовом училище и на факультете рабочих корреспондентов Ленинградского университета. Сочинять стихи начал в 1980-х годах в качестве автора и исполнителя ЛИТО «Ленинградский городской клуб песни», работал в различных ВИА и рок-группах Ленинграда, ведущим музыкальных программ Ленинградского радио, внештатным корреспондентом газеты «Советская культура».

В творческой биографии более 100 текстов для песен на музыку А. Зацепина, С. Березина, А. Укупника, В. Малевича, В. Ярушина и других композиторов в исполнении Валентины Легкоступовой, Валерия Леонтьева, Валерия Ярушина, Вячеслава Малевича, Виктора Зинчука, Юрия Охочинского, Эдиты Пьехи, Михаила Шуфутинского, групп «Ариэль», «АРС», «Иваныч», «Нескучный сад», «Пламя» и других.

КАК ДЕЛАТЬ СТИХИ, или ЧЕРТОВА ДЮЖИНА ПОЛЕЗНЫХ СОВЕТОВ ОТ МАЯКОВСКОГО

В статье «Как делать стихи?», опубликованной в 1927 году, Владимир Маяковский в доступной и ироничной форме погружает читателя в глубины своего творческого процесса. При этом Маяковский сознательно использует глагол «делать» стихи, а не «писать» или «сочинять», так как отождествляет поэтическую работу с любой иной производственной деятельностью: «Детей (молодые литературные школы также) всегда интересует, что внутри картонной лошади. После работы формалистов ясны внутренности бумажных коней и слонов. Если лошади при этом немного попортились — простите. С поэзий прошлого нам ругаться не приходится — это нам учебный материал. Наша постоянная и главная ненависть обрушивается на романсово-критическую обывательщину [3, с. 3]. Нам ненавистна эта нетрудная свистопляска потому, что она создает вокруг трудного и важного поэтического дела атмосферу полового содрогания и замирания, веры в то, что только вечную поэзию не берет

никакая диалектика, и что единственным производственным процессом является вдохновенное задираание головы, в ожидании, пока небесная поэзия-дух сойдет на лысину в виде голубя, павлина или страуса» **[там же, с. 4]**.

В ответ на гневные скептические голоса оппонентов Маяковский излагает основы своего поэтического метода: «Я не даю никаких правил для того, чтобы человек стал поэтом, чтобы он писал стихи. Таких правил вообще нет. Поэтом называется человек, который именно и создает эти самые поэтические правила» **[там же, с. 5]**. При этом Маяковский определяет свое отношение к основным элементам поэтического произведения и дает советы по их функциональному использованию. Учитывая неисчерпаемые литературные возможности Маяковского-поэта-трибуна, самое замечательное, что нам остается сделать, так это погрузиться в неисчерпаемый метафоричный мир его высказываний и оценок, и открыть для себя Маяковского литературоведа. За работу!

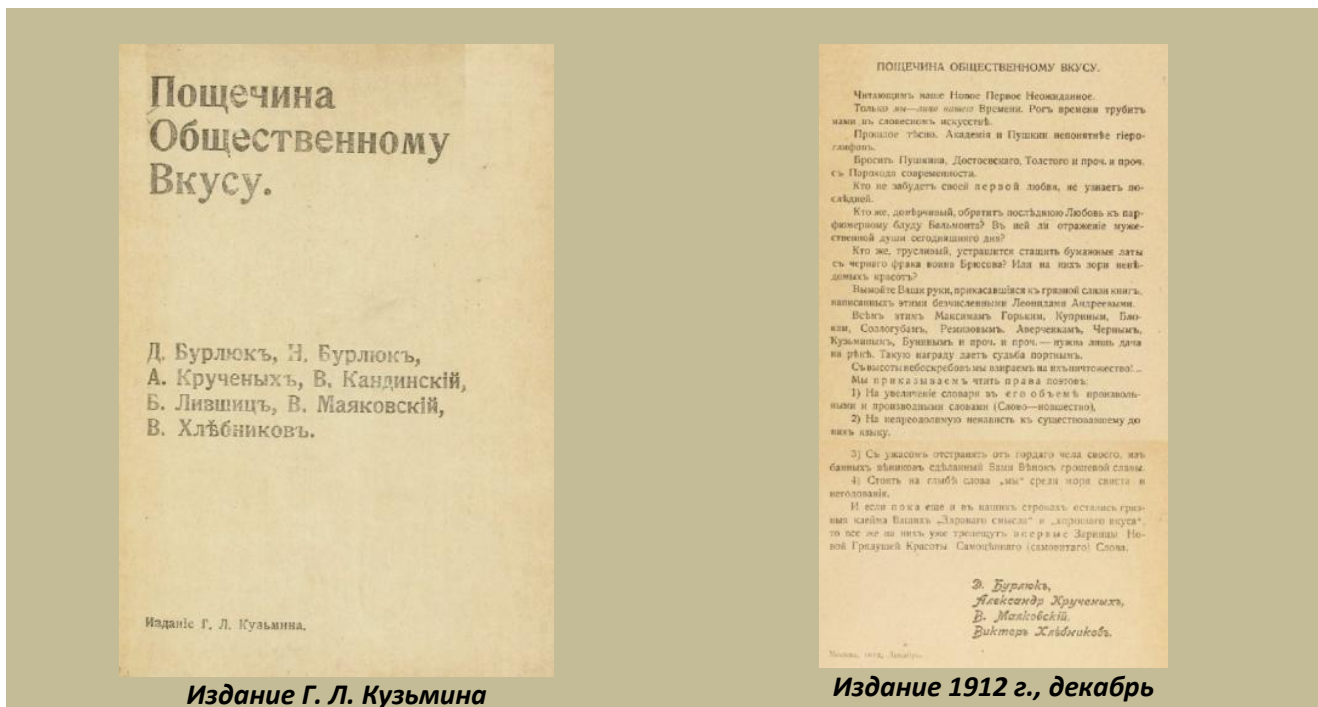
Язык

«Революция выбросила на улицу корявый говор миллионов, жаргон окраин полился через центральные проспекты [...] расслабленный интеллигентский язычишко с его выхолощенными словами: “идеал”, “принципы справедливости”, “божественное начало”, “трансцендентальный лик христа и антихриста”, — все эти речи, шепотком произносимые в ресторанах — смяты. Это — новая стихия языка. Как его сделать поэтическим? Сразу дать все права гражданства новому языку: выкрику — вместо напева, грохоту барабана — вместо колыбельной песни» **[там же, с. 7]**.

Язык Маяковского поистине безграничен, кажется, если поэту для передачи слышимого им гула, ритма, завершения мысли «не хватило» общеупотребительного слова, он тут же придумает новое, руководствуясь внутренними ощущениями. В манифесте «Пощечина общественному вкусу» футуристы даже не призывали, а приказывали чтить право поэтов на «непреодолимую ненависть к существовавшему до них языку» **[1, с. 3]**.

Слово

«Некоторые слова, — пишет Маяковский, — просто отскакивают и не возвращаются никогда, другие задерживаются, переворачиваются и выворачиваются по несколько десятков раз, пока не чувствуешь, что слово стало на место (это чувство, развиваемое вместе с опытом, и называется талантом). Первым чаще всего выявляется главное слово, характеризующее смысл стиха, или слово, подлежащее рифмовке. Остальные слова приходят и вставляются в зависимости от главного. Когда уже основное готово, вдруг выступает ощущение, что ритм рвется — не хватает какого-то слога, звучика. Начинаешь снова перекраивать все слова, и работа доводит до исступления. Как будто сто раз примеряется на зуб не садящаяся коронка и, наконец, после сотни примерок ее нажали, и она села. Сходство для меня усугубляется еще и тем, что, когда, наконец, эта коронка «села», у меня аж слезы из глаз (буквально) от боли и от облегчения. Затем идет работа над отбором словесного материала. Надо точно учитывать среду, в которой развивается поэтическое произведение, чтобы чуждое этой среде слово не попало случайно» **[3, с. 31]**.

Издание Г. Л. Кузьмина

Издание 1912 г., декабрь

Маяковский призывает к всемерному расширению поэтического словаря, а обогащение и увеличение его новыми производными и произвольными словами — считать достаточным общественным оправданием любых языковых поисков и экспериментов («Слово — новшество» [1, с. 4]), к восприятию слова в качестве «самоценной (самовитой)», самодостаточной субстанции.

Футуристами приветствуется отказ от словопостроения и словопроизношения в соответствии с общепринятыми грамматическими правилами, использование отдельных букв в качестве направляющих речи, использование слов по их начертательной (графической) и фонетической характеристикам, что предполагает усиление акцента и гиперболизированное повышение роли приставок и суффиксов.

Чеканная формула футуризма: слово является творцом мифа, «слово, умирая, рождает миф и наоборот» [4, с. 101].

Слова, освобожденные от пунктуации, как самодостаточные солнца или планеты будут испускать лучи, одно на другое, будут скрещивать, мультиплицировать свои различные магнетизмы, следуя непрерывному динамизму мысли. «Заглавные буквы укажут читателю на те существительные, которые синтезируют господствующую аналогию» [2, с. 45].

Новизна

«Новизна в поэтическом произведении, — по мнению Маяковского, — обязательна. Материал слов, словесных сочетаний, попадающийся поэту, должен быть переработан. Если для делания стиха пошел старый словесный лом, он должен быть в строгом соответствии с количеством нового материала. От количества и качества этого нового будет зависеть, годен ли будет такой сплав в употребление. Новизна, конечно, не предполагает постоянного изречения небывалых истин. Ямб, свободный стих, аллитерация, ассонанс создаются не каждый день. Можно работать и над их продолжением, внедрением, распространением» [3, с. 9].

«И то эти правила — чистая условность. Как в шахматах. Первые ходы почти однообразны. Но уже со следующего хода вы начинаете придумывать новую атаку. Самый гениальный ход не может быть повторен при данной ситуации в следующей партии. Сбивает противника только неожиданность хода. Совсем как неожиданные рифмы в стихе» **[там же, с. 11]**.

Футуризм находится в непрерывном поиске новых тем: из объективных — им воспеты все мыслимые и немыслимые достижения промышленности, из субъективных — ненужность, бессмысленность, тайна властной ничтожности.

Маяковский предлагает отличный рецепт для сочинения новой вещи: изменение места или времени. Если вопрос перемены места кажется легко решаемым, то с переменной времени дело обстоит сложнее: для этого поэту необходимо включать дар предвидения, мысленно путешествуя во времени.

«Слабосильные топчутся на месте и ждут, — пишет Маяковский, — пока событие пройдет, чтоб его отразить, мощные забегают настолько же вперед, чтоб тащить понятое время» **[3, с. 27]**.

Тенденция

«Поэзия начинается там, где есть тенденция, — утверждает Маяковский. — Старые руководства к писанию стихов таковыми безусловно не являлись. Это только описание исторических, вошедших в обычай, способов писания. Правильно эти книги называют не “как писать”, а “как писали”. Говорю честно. Я не знаю ни ямбов, ни хореов, никогда не различал их и различать не буду. Не потому, что это трудное дело, а потому, что мне в моей поэтической работе никогда с этими штуками не приходилось иметь дело. Я много раз брался за это изучение, понимал эту механику, а потом забывал опять. Эти вещи, занимающие в поэтических учебниках 90%, в практической работе моей не встречаются и в трех» **[3, с. 10]**.

Футуризм воспеваешь любовь к опасности, привычку к выбросам энергии, стремление к отваге, в которых главными элементами поэзии становятся дерзость и бунт. Если предшествующая литература пела гимны задумчивой созерцательности и статичности, то поэзия футуризма — панегирик наступательному и поступательному движению, лихорадочной бессоннице, опасному прыжку, общественной оплеухе и ударам кулака.

Поэтическая заготовка

По Маяковскому: «Предшествующая поэтическая работа ведется непрерывно. Хорошую поэтическую вещь можно сделать к сроку, только имея большой запас предварительных поэтических заготовок **[там же, с. 14]**. Я трачу на них от 10 до 18 часов в сутки и почти всегда что-нибудь бормочу. Работа над этими заготовками проходит у меня с таким напряжением, что я в девяносто из ста случаев знаю даже место, где на протяжении моей пятнадцатилетней работы пришли и получили окончательное оформление те или иные рифмы, аллитерации, образы и т. д. **[там же, с. 16]**. Все стихи, которые я писал на немедленную тему при самом большом душевном подъеме, нравившиеся самому при выполнении, все же через день казались мне мелкими, не сделанными, однобокими. Всегда что-нибудь ужасно хочется переделать. Поэтому, закончив какую-нибудь вещь, я запираю ее в стол на несколько дней, через несколько вынимаю и сразу вижу раньше исчезавшие недостатки» **[там же, с. 29]**.

Одно из главных условий для сочинения настоящей вещи — так называемая «записная книжка» поэта, о которой, по мнению Маяковского, вспоминают, как правило, после смерти

писателя, и в ряде случаев она даже публикуется посмертно и вызывает «живой» интерес. У начинающих поэтов такой книжки еще нет, как нет соответствующей практики и опыта. Стихи, как правило, страдают длиннотами, размытыми, неконкретными описаниями и образами.

«Начинающий ни при каких способностях не напишет сразу крепкой вещи; с другой стороны, первая работа всегда “свежее”, так как в нее вошли заготовки всей предыдущей жизни. Только присутствие тщательно обдуманых заготовок дает мне возможность поспевать с вещью, так как норма моей выработки при настоящей работе это — 8–10 строк в день» [там же, с.17].

Ритм

«Откуда приходит этот основной гул-ритм, — писал Маяковский, — неизвестно. Для меня это всякое повторение во мне звука, шума, покачивания, или даже, вообще, повторение каждого явления, которое я выделяю звуком. Ритм может принести и шум повторяющегося моря, и прислуга, которая ежеутренне хлопает дверью и, повторяясь, плетется, шлепая в моем сознании, и даже вращение земли, которое у меня, как в магазине наглядных пособий, карикатурно чередуется и связывается обязательно с посвистыванием раздуваемого ветра» [там же, с. 31].

Стремление организовать звуки вокруг себя, улавливая их характер, особенности, — это основа ритмической заготовки, которая является основной силой и носителем энергии стиха. Футуристы утверждали, что они сокрушили ритмы, перестали искать размеры в учебниках и практике, ибо новое живое движение рождает новый свободный ритм, который нужно почувствовать и передать.

Размер

«Из размеров я не знаю ни одного, — продолжает делиться опытом Маяковский. — Я просто убежден для себя, что для героических или величественных передач надо брать длинные размеры с большим количеством слогов, а для веселых — короткие [там же, с. 32].

Размер получается у меня в результате покрытия этого ритмического гула словами, словами, выдвигаемыми целевой установкой (все время спрашиваешь себя: а то ли это слово? А кому я его буду читать? А так ли оно поймется? и т. д.), словами, контролируруемыми высшим тактом, способностями, талантом» [3, с. 33].

Размер и ритм вещи по Маяковскому значительно важнее и существеннее пунктуации, они подчиняют себе пунктуацию, когда она берется по общепринятому шаблону, хотя с этим утверждением можно поспорить, так как, на мой взгляд, размер и ритм подчеркиваются использованием пунктуации.

Хлебников выдвинул оригинальный поэтический размер — живого разговорного слова, а футуристы перестали искать общеупотребительные размеры в учебниках, так как всякое движение рождает новый свободный ритм, отказавшись от банального подхода к сочинительству: облечь в поэтическую форму, использовать готовый размер, зарифмовать кончики слов, «подпустить аллитерацию», начинить образами — и стихотворение готово.

Такое «простое рукоделие кидают, будут кидать (и хорошо делают, что кидают) во все сорные корзины всех редакций» [там же, с. 51].

Рифма

В классической поэзии рифма находилась в роли, подчиненной метру и ритму. Символисты поместили рифму на положенное ей почетное место, а до конца XIX века признавались преимущественно три рода рифм: мужские, женские и дактилические. Символисты дополнили этот ряд, введя гипердактилические, пятисложные, составные рифмы. Футуристы не только продолжили усовершенствовать составную рифму, но и не ограничились общепринятыми схемами рифмовки;

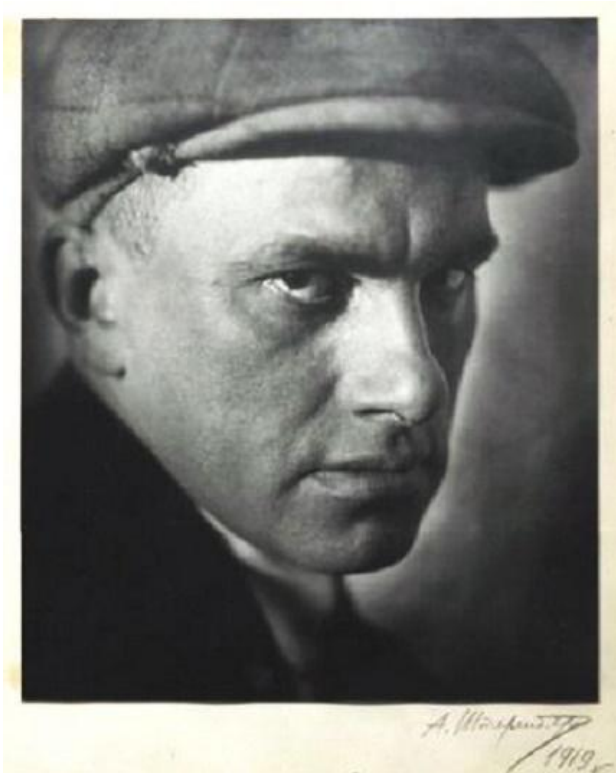
концевое созвучие, рифма, рассматривается как один из бесконечных способов связывания строк, по мнению Маяковского, самый простой и очевидный. Эксперименты с рифмовкой продолжались непрерывно: рифмовка начала строк, конца строки с началом следующей, конец первой, второй и других строк одновременно с последним словом удаленных, в том числе последних строк в строфе, и так до бесконечности.

Вадим Шершеневич отмечает, что еще символистами (Зинаидой Гиппиус) были предложены срединные и передние рифмы [4, с. 142], однако приоритет их использования страстно оспаривается футуристами (передняя рифма, утверждают они, была предложена Давидом Бурлюком, средняя, обратная рифмы — Маяковским [там же, с. 101].

«Может быть, можно оставить не зарифмованной? — спрашивает Маяковский. — Нельзя. Почему? Потому, что без рифмы (понимая рифму широко) стих рассыплется. Рифма возвращает вас к предыдущей строке, заставляет вспомнить ее, заставляет все строки, оформляющие одну мысль, держаться вместе. Обыкновенно рифмой называют созвучие последних слов в двух строках, когда один и тот же ударный гласный и следующие за ним звука приблизительно совпадают. Так говорят все и, тем не менее, это ерунда. Однородная (рифма) сама собою и, будучи произнесенной, не удивляет, не останавливает вашего внимания. Такова судьба почти всех однородных слов, если рифмуется глагол с глаголом, существительное с существительным, при одинаковых корнях или падежах и т. д. Рифма связывает строки, поэтому ее материал должен быть еще крепче, чем материал, пошедший на остальные строки» [3, с. 37].

Владимир Маяковский.
Фотография Родченко А. М.
(восстановлена Загуляевым Е.Н.
в 1989 г.)

**Владимир Маяковский.
Фото Штеренбрга. 1919**

Архитектоника

«Имея в руках такое (первое) четверостишие, — продолжает Маяковский, — я уже прикидываю, сколько таких нужно по данной теме, и как их распределить для наилучшего эффекта (архитектоника стиха). Тема большая и сложная, придется потратить на нее таких четверостиший, шестистиший да двухстиший-кирпичей штук 20–30. Нароботав приблизительно почти все эти кирпичики, я начинаю их примерять, ставя то на одно, то на другое место, прислушиваясь, как они звучат, и стараясь представить себе производимое впечатление» [там же, с. 40].

Имея под рукой основные кубики четверостиший, составив общий архитектурный план и расставив эти кубики по своим местам, Маяковский считал основную творческую работу по созданию стихотворения законченной.

Образ

Одно из наисильнейших средств выразительности стиха — образ, который необходимо довести до крайнего предела выразительности. При этом речь идет не только об основном образе-видении, который возникает, как правило, в самом начале сочинения, как первый неясный, неосознанный, тревожащий ответ на социальный заказ. Речь идет о вспомогательных образах, помогающих вырасти и подняться на новую непознанную ступень этому главному образу.

«Этот образ — одно из всегдашних средств поэзии и течения, как, например, имажинизм, — считает Маяковский. — Делавшие его целью, обрекали себя по существу на разработку только одной из технических сторон поэзии. Способы выделки образа бесконечны. Один из примитивных способов делания образа, это — сравнения. А затем — и образ должен быть тенденциозен, т. е., разрабатывая большую тему, надо и отдельные образишки, встречающиеся по пути, использовать для борьбы, для литературной агитации. Распространеннейшим способом делания образа является также метафоризирование, т. е. перенос определений, являвшихся до сего времени принадлежностью только некоторых вещей, и на другие слова, вещи, явления, понятия» [3, с. 42].

«Поэзия должна быть непрерывным рядом новых образов, иначе она только анемия и бледная немочь. Чем больше обширных отношений заключено в образах, тем дольше последние сохраняют свою ошеломляющую силу» [2, с. 37].

Аллитерация

Одним из мощнейших художественных поэтических приемов является аллитерация, используемая в большинстве случаев в качестве звукоподражания. Маяковский отмечает особенности ее использования: «Дозировать аллитерацию необходимо чрезвычайно осторожно и по возможности не выпирающими наружу повторами. Я прибегаю к аллитерации для обрамления, для еще большей подчеркнутости важного для меня слова. Можно прибегать к аллитерации для простой игры словами, для поэтической забавы, старые (для нас старые) поэты пользовались аллитерацией главным образом для мелодичности, для музыкальности слова, и поэтому применяли часто наиболее для меня, ненавистную аллитерацию — звукоподражательную» [3, с. 46].

Выполнив основную работу, поэт предлагает вернуться к эстетике стиха для ретуширования наиболее ярко проработанных мест и устранения избыточной вычурности, придания смыслового блеска и стилистического колорита другим местам, требующим особого внимания.

Интонация

К сложнейшей технической работе относится интонационная подача стиха.

«Нельзя работать вещь для функционирования в безвоздушном пространстве или, как это часто бывает с поэзией, в чересчур воздушном. Надо всегда иметь перед глазами аудиторию, к которой этот стих обращен. В особенности важно это сейчас, когда главный способ общения с массой — это эстрада, голос, непосредственная речь. Надо в зависимости от аудитории брать интонацию убеждающую или просительную, приказывающую или вопрошающую» [3, с. 47].

При подготовке стихов для печати поэт предлагает учитывать, как будет восприниматься напечатанное с точки зрения визуального восприятия, включая графическое оформление. При этом поэту приходится принимать во внимание усредненность восприятия стиха читателем, приближая читательское восприятие именно к той форме, которую хотел придать поэтической строке автор.

Пунктуация

Еще один совет от Маяковского: «Наша обычная пунктуация с точками, с запятыми, вопросительными и восклицательными знаками чересчур бедна и маловыразительна по сравнению с оттенками эмоций, которые сейчас усложненный человек вкладывает в поэтическое произведение. Размер и ритм вещи значительно больше пунктуации, и они подчиняют себе пунктуацию, когда она берется по старому шаблону» [3, с. 48].

Хотя в этом вопросе русские футуристы не оригинальны, а следуют идеям, высказанным немного ранее основоположником итальянского футуризма Маринетти: «Нет больше знаков препинания. Прилагательные, наречия и связующие предложения упразднены, знаки препинания естественно аннулируются в разнообразящей непрерывности живого стиля, который сам себя создал, без нелепых остановок запятыми и точками» [2, с. 37].

Во имя творческой свободы каждого частного случая футуристы отвергли правописание, включая орфографию и пунктуацию, многократно повышая роль слова и силу его воздействия на читателя.

Любопытно, что новейшая поэзия заимствовала этот хорошо забытый подход у футуристов, предложив в качестве популярных малых поэтических жанров так называемые *пирожок* и *порошок*, появившиеся в 2003 и 2011 годах соответственно, не использующие знаки препинания и получившие к настоящему времени феноменальное распространение, прежде всего в Интернете.

Вместо послесловия

Метод Владимира Маяковского настолько прост и бесхитроуствен на вид, насколько точен и всеобъемлющ, и каждый начинающий поэт вправе соблазниться этими правилами или во всяком случае почувствовать в этой кажущейся простоте величие гения и прикоснуться к этому величию:

«Поэзия — производство. Труднейшее, сложнейшее, но производство. Обучение поэтической работе, это — не изучение изготовления определенного, ограниченного типа поэтических вещей, а изучение способов всякой поэтической работы, изучение производственных навыков, помогающих создавать новые. Новизна [...] материала и приема обязательна для каждого поэтического произведения. Работа стихотворца должна вестись ежедневно для улучшения мастерства и для накопления поэтических заготовок.

Хорошая записная книжка и умение обращаться с нею важнее умения писать без ошибок подошедшими размерами. Надо браться за перо только тогда, когда нет иного способа говорить, кроме стиха. Чтоб правильно понимать социальный заказ, поэт должен быть в центре дел и событий. Знание теории экономики, знание реального быта, внедрение в научную историю для поэта — в основной части работы — важней, чем схоластические учебнички молящихся на старье профессоров-идеалистов.

Только производственное отношение поставит в ряд различные виды литературного труда: и стих, и рабкоровскую заметку. Нельзя придавать выделке [...] технической обработке, самодовлеющую ценность. Но именно эта выделка делает поэтическое произведение годным к употреблению. Только разница в этих способах обработки делает разницу между поэтами, только знание, усовершенствование, накопление, разнообразивание литературных приемов делает человека профессионалом-писателем.

Бытовая поэтическая обстановка так же влияет на создание настоящего произведения, как и все другие факторы.

Мы, ЛЕФы (творческое объединение «Левый фронт искусств». — *Примеч. авт.*), никогда не говорим, что мы единственные обладатели секретов поэтического творчества. Но мы единственные, которые хотим вскрыть эти секреты, единственные, которые не хотят творчество спекулятивно окружить художественно-религиозным поклонением. Моя попытка — слабая попытка одиночки, только пользующегося теоретическими работами моих товарищей словесников» [3, с. 51].

Библиография

1. Пощечина общественному вкусу / Д. Бурлюк, А. Крученых, В. Маяковский, В. Хлебников, Н. Бурлюк, В. Кандинский, В. Лившиц. – М.: Издательство Кузьмина. 1912. – С. 112.
2. Манифесты итальянского футуризма. Собрание манифестов Маринетти, Боччьони, Карра, Руссоло, Балла, Северини, Прателла, Сен-Пуан. Пер. В. Шершеневича. – М.: Типография Русского Товарищества, 1914. – С. 77.
3. Маяковский В. В. «Как делать стихи?» Серия изданий библиотеки № 273. – М.: Акционерное издательство «Огонек». 1927. – С. 58.
4. От символизма до Октября. Составили Н. Л. Бродский, Н. П. Сидоров. – М.: Новая Москва. 1924 г. – С. 303.

Екатерина Ключкова.

Серия «Русский Север. Ярославской области посвящается...». Масло

ПОЭЗИЯ

Андрей Попов
(Сыктывкар)

Природы непонятная ошибка
Или ее таинственный расчет –
Разбитая и склеенная скрипка
Звук более глубокий издает,

Чем новый инструмент.
И звук так чуден!
И слушаешь, и лечишь свой разлад...
Разбитые и склеенные люди
Бессмертными стихами говорят.

Сырое утро. Мудрости излишек.
Идешь вдоль недостроенных домишек.

В душе твоей война и пандемия,
Будь ты пророком, как Иеремия,

О чем бы ты подумал в серой рани,
Смотря на утлые дворы и бани?

О чем заплакал бы, смутясь и мучась,
Увидев их трагическую участь?

А так все просто. Город твой спросонок
Мечтает о грядущем, как ребенок.

ТЯЖЕЛАЯ ЛОПАТА

Ты лежишь на просторном ложе.
Колет сердце. И ноет бок.
И готов говорить, что прожил
Ты не зря – подводить итог.

Самолеты твои летали,
Не сходили с рельс поезда...
Только жизнь при любом финале
Не кончается никогда.

Там, куда по млечной дороге
Ты пойдешь через небосвод,
Все земные твои итоги
Могут даже не взять в расчет.

Не увидят в них результата,
Скажет страж, охраняющий рай:
– Не спеши, а возьми лопату.
И до самой сути копай!

Где копать?! Ничего неясно.
Под лопатой звенит звезда.
И выходит, что жизнь прекрасна –
Не кончается никогда.

Соседи мои – обычные добрые люди.
Мертвых не воскрешают. Не изгоняют
бесов.
Не заливают водой.
Лишний раз не осудят.
Но никакого нет у них ко мне интереса.

А меня как-то назвали известным поэтом –
И теперь я известен даже для википедий.
Узнал не без грусти. Какая же правда в
этом,
Если со мною не здороваются соседи?!

Знать совсем не хотят. И мимо проходят
просто.
Глядят сквозь меня, не видят, как вновь
вопрошаю:
– Узнаете? Сосед ваш! Как вы, среднего
роста.
Не заливаю водой. Мертвых не
воскрешаю.

И куда взгляд ни кинешь, всюду родимый
край.
И выходит, что вновь стоишь на краю.
И с него ты как хочешь думай и понимай,
И как хочешь рассматривай жизнь свою.

Хочешь – вверх посмотри, если тошно
глядеть вниз,
Если видеть устал ты убогий двор,
Аверху – время точное, что всю твою
жизнь
До краев наполняет собой простор.

Аверху – светлее. И кажется, что не зря
Слов высоких касается мелкий дождь,
И не зря по небесным улицам сентября,
Как по краю лезвия, вновь ты идешь.

ПОСЛЕДНЕЕ ОЗЕРО

Как морок бы смыть с себя город,
Весь этот бомонд и фейсбук,
Уйти на лесные озера,
Ловить окуней там и щук.

Без всякого универмага,
Без всякой обиды за штраф.
Пить мирно отвары из ягод,
Пить кротко отвары из трав.

И слышать, как искренне тихо!
Такая вокруг тишина!
Как тихо растет облепиха,
Как тихо вздыхает сосна.

И если вдруг гость бородатый,
Случайный – как мыслит судьба –
Мне скажет: – Не вы ли когда-то
Писали в газете «Труба»

Стихи про железные печи,
Чугунные лбы и столбы?
– Не знаю, – ему я отвечу –
Газеты такой и трубы.

Так пишут, наверно, от скуки...
Смотрите, какой мухомор!
Сто лет не читал я в фейсбуке,
Что нет больше рек и озер,

И весь этот вздор недалекий,
Что скоро погибнет земля.
Пойдемте, здесь ловится окунь,
Особенно на мотыля.

Мои друзья давно профессора,
 Директора давно, миллионеры,
 А у меня лишь завтра и вчера,
 Да между ними черная дыра
 Рифмованных сомнений в чувстве веры.

Привычно засыпать мне над строкой
 Всемирного тумана и разлада,
 А у друзей удачливых покой,
 У некоторых вечный,
 И порядок.

Какой хлебнули истины и лжи,
 Не знаю я –
 И нет иных на свете.
 Оставили дворцы и гаражи
 Молоденьким любовницам и детям.

Оставили дома и закрома,
 Проценты состоявшейся карьеры.
 А у меня лишь горе от ума
 И от сомнений светлых в чувстве веры.

Смотрел я с ними в прошлые века
 И в будущих кружился по спирали.
 И жизнь у всех, я видел, коротка,
 Короче, чем рецензии в журнале,

В которых говорится, что душа
 Намного интереснее трамвая.
 Директора не вышло.
 Оплошал.
 Но вышла книга. Даже неплохая.

Только выпадет свет – и пойду я по первому свету
 И по узкой тропе, спотыкаясь о памяти тьму,
 Выбираясь с трудом из свободных сетей интернета,
 С безотчетной надеждой – по слову иду Твоему.

Что ж я всех ревновал?! А любил только море и лето.
 И волнение рассвета в прозрачном и сладком дыму.
 Ничего не успел. Почему? Не найду я ответа
 С безотчетной надеждой – по слову ищу Твоему.

Как неловок я был! Невнимателен к снам и заветам.
 Возвращаться не стоит. С собой ничего не возьму.
 Только выпадет свет – и вздохну я от первого света.
 С безотчетной надеждой – по слову вздохну Твоему.

Все повторяется – с ними и с нами:
 Дышит душа, умирает листва,
 Смотрит во время бездонное память
 И разбирает черты и слова.

Все еще просто: душа еще дышит,
 Не исчезает в осеннем году.
 Видимо, грусть предназначена свыше –
 Может, написано нам на роду.

Может погода, как время, бездонна,
 Смотрит душа в нее, грустью жива,
 Грустью светла,
 Хоть тревожится, словно
 Поздняя осень, ночная листва.

Екатерина Клочкова.
Серия «Русский Север.
Ярославской области посвящается...»

Господи, избави меня от сумы, тюрьмы и больницы,
 И от всего того, что в вечной жизни мне не пригодится.

От воя избави ночного, творимого втихомолку,
 Себе самому измены и слову, и делу, и долгу,

От клеветы человеческой, что сердце приводит в трепет.
 Избави меня от всего, что погибнет, как прах и пепел.

И знаю я, что суда достоин, что оправдаться нечем,
 Но только оставь мне надежду с сыном убитым на встречу.

Там у Тебя в небесных садах он, верно, душою вырос.
 Господи, Ты оставь мне только то, что ему пригодилось.

И не отнимай мой голос, чтоб мог я, как прежде, молиться
 О сыне моем, не узнавшем сумы, тюрьмы и больницы

ПОЭЗИЯ

Евгений Пальцев

(Санкт-Петербург)

ЧЕТЫРЕ СМЕРТИ КАПРАЛА ДЮБУА

(Песня французских пехотинцев)

Когда умирал Дюбуа-капрал
В густом ружейном дыму,
То каждый, кто хоть раз умирал,
Честь отдавал ему.
И смерть сказала: «Давай, пошли!»
Но врач сказал: «Не пора!»
Тогда поднялся капрал с земли
И вновь началась игра.

И встал капрал, и пошел капрал,
И побежал капрал,
Чтобы никто больше из нас
Нынче не умирал!

А снова ему помирать пришлось,
Когда цвели тополя,
Когда его прошли насквозь
Два свинцовых шмеля.
И смерть сказала ему: «Хорош!
Пошли, за тобой должок!»
Но врач сказал: «На место положи!»
Еще не пришел твой срок!»

И встал капрал, и пошел капрал,
И побежал капрал,
Чтобы никто больше из нас
Ныне не умирал!

А третий раз умирал он сам
Среди чумной тесноты,
Стекала смерть по его усам
И капала на бинты.
«Теперь, – сказала, – наверняка!
Давай-ка, братец, на бис!»
Но дал капрал старухе пинка
И спрыгнул с облака вниз.

И встал капрал, и пошел капрал,
И побежал капрал,
Чтобы никто больше из нас
Нынче не умирал!

И бог вскричал: «Язви его плоть!
Да черт бы его побрал!
В конце концов, кто из нас господь,
А кто – какой-то капрал?!»
И ангелов бесконечный хор
Небесный грянул хорал,
Тогда он пулю словил в упор,
Наш Дюбуа капрал.

Но встал капрал, и пошел капрал,
И побежал капрал,
Чтобы никто больше из нас
Ныне не умирал!

И с той поры сквозь века и дым
Под звук военной трубы
Четыре смерти шагают с ним,
Четыре его судьбы.
А позади, как будто конвой,
Едва касаясь плеча,
Идут под барабан полковой
Четыре его врача.

А ну-ка, встать, капрал! Шагом марш,
капрал!
А ну-ка бегом, капрал!
И чтобы никто больше из вас
Нынче не умирал!

ГИППОПОТАМ

Чем больше человека узнаю –
Тем больше я люблю гиппопотама:
Он морду толстокожую свою
Не постит на просторах инстаграма.

Нет подлости в большой его кости,
Нет жадности в могучем организме,
В политику не хочет он идти,
А он бы мог – при этакой харизме!

И отвергая когти и рога, –
Махина, ужасающая сшибкой, –
Он втопчет в глину всякого врага,
Сверкая травоядную улыбкой.

Еще он за детей стоит горой
И общую имеет непохожесть,
О мокрый бегемот! Ты – мой герой!
Да здравствуют размер и толстокожесть!

Не учит жить, не ходит он в строю,
Не борется за должности упрямо...
Чем больше человека узнаю —
Тем больше я люблю гиппопотама.

ВНУТРИ БРЕЙГЕЛЯ

Вы сейчас в незнакомой местности,
Время года – допустим, зима,
И вы пялитесь на окрестности
С ледяной макушки холма.

Небо серо, но в нем есть голуби
И сорочий крик вдалеке,
Воздух – как простыня из проруби,
Если ею хлестнуть по щеке.

Ни к чему подставлять соседнюю,
Ваш никто не оценит жест,
Время суток брюхато обеднею,
И на каждом жителе – крест.

В церковь люд течет вереницею,
А пьянчужка, спустив штаны,
Окропляет святой водицею
Плоскость задней ее стены.

Бог везде. Языком не высказать!
Мир прекрасен в минуту сию!
Тащат двое с крыльца за изгородь
Упирающуюся свинью.

Пару раз провизжит на бис она,
Лошадь дернется в поводу,
Если что-то здесь и написано –
То коньками на круглом пруду.

Выбирает охотник тщательно
Путь в глубоких снегах сырых,
Будет ноне в доме зайчатина.
Сколько хватит на семерых?

И грешат здесь, и любят походя,
И уходят вглубь облаков
Ароматы любви и похоти
Из постелей и кабаков.

А на грани обзора вашего
Кто-то пляшет в молочной мгле,
Но, увы, не влечет пейзаж его,
Он, болезный, висит в петле.

Он висит в незнакомой местности,
В переполненной пустоте,
И душа его к неизвестности
На сорочьем летит хвосте.

ШЕРСТЯНОЙ НОСОК

Она вязала шерстяной носок
И вся была спонтанной и неловкой,
И пух летел. И белою штриховкой
Зачеркивал ее наискосок.

Таких старушек в мире суеты
Теперь нечасто встретишь на прогулке,
Они, как будто жемчуг из шкатулки,
Полны спокойной, мудрой чистоты.

И, повинувшись ритму черных спиц
Или за крылья принимая спицы,
Слетались на скамейку к ней синицы
И прочие подвиды божьих птиц.

Зане поэты с птицами родня,
Я тоже к ней подсел, подобно сыну,
Она внезапно распрямила спину
И пристально взглянула на меня,

Поддела нить от красного клубка
И ножницами древнего металла
Обрезала. Тогда меня не стало
И волосы взметнулись у виска

Прохожего, который трет висок
И наблюдает, как в аллее парка
Босую ногу выставляет Парка
И надевает шерстяной носок.

МОЙ БРАТ КАШТАН

Этот город, который ржавым гвоздем
Торчит в сапоге столетий,
Где в извечном споре зонта с дождем
Всегда побеждает ветер,

Где повсюду есть люди – и над, и под,
Как будто в могиле братской,
Где и сам я когда-то сорвал джекпот
В роддоме на Петроградской,

Где рояли расставлены по кустам,
Где в каждом углу – обитель...
Так вот: в этом городе жил каштан,
Окна моего хранитель.

Он был молод и дерзок, как тот Актеон,
Ореховый мой полковник,
И ставил зеленые локти он
На белый мой подоконник.

Полководец листвы, он стоял при свечах
Во всю бесконечность роста,
И двумя эполетами на плечах
Вороньи качались гнезда.

Он листвою, как лицом, прижимался к стеклу,
Ему не понять, бедняге,
Для чего я с лампой сижу в углу,
Царапая по бумаге.

А когда его шельмовали дожди
И был он грозой поломан,
Открывал я ставни: «Давай, входи!»
И он заходил, в зеленом.

Он ветвями шарил в моем столе,
Пролистывая тетради,
И стихи – не худшие на земле –
Читал он за бога ради.

Словно мурка, он ластился к рукавам,
С ветвей натряся гостинцев,
Я ему про поэзию толковал,
А он мне – про фотосинтез.

И я с ним постигал исполинский труд –
Расти выше стен и кровель,
Потому что деревья всегда растут
Сквозь небо, с богами вровень.

...Я не смог быть с ним рядом, беды на краю,
(И эта саднит заноза),
Когда погибал он в неравном бою
Под пилами жилкомхоза.

Теперь в окне моем дали пусты,
Мельканье плащей и сумок,
И в конфликте света и темноты
Опять побеждает сумрак.

Под соседним окном зажигает свечу
Подросток зеленой крови...
А я расту. Я расту и хочу
Быть выше оград и кровель.

ВАРЕНЬЕ ИЗ КРЫЖОВНИКА

1

Вы любите варенье из крыжовника?
 Таким был у нее оттенок глаз,
 Она твердила про отца-полковника
 И что-то там про город Арзамас.

Она любила джаз. И междометия.
 Пьянела быстро – где-то в полчаса,
 И длинной-длинной, как тысячелетие,
 Была ее янтарная коса.

Тихоня. Недотрога. Королевишна.
 Точь-в-точь из пастернаковской мечты!
 Она меня с ума сводила бережно,
 Как сводят ленинградские мосты.

Я думал: так бывает только в повести,
 Но оказалось – повести не лгут,
 Перроны нам оказывали почести,
 Гремел зимы разнузданный салют.

Страна пытела алой печью доменной,
 Рекорды выдавая на-гора,
 А я тонул, тонул в реке соломенной,
 Струившейся от шеи до бедра.

Мир сотрясался четырьмя основами,
 Метались черепахи и слоны...
 Мы печь топили шишками сосновыми
 И приходили друг ко другу в сны.

В саду качались вербы неваляшками,
 А по ночам – особенно в метель –
 Она курила быстрыми затяжками,
 А после снова падала в постель.

Земля казалась замершей и вымершей,
 Мы спали, а напротив, у стола
 Судьба сидела терпеливой киллершей
 И пробужденья нашего ждала.

2

...Она была – как номер на трапеции:
 Недолго, но захватывало дух,
 Теперь она – домохозяйка в Швеции,
 Ее супруг – католик и главбух.

(Еще «лопух» напрашивалось явственно,
 Но то неправда – был весьма неглуп!)
 Меня своими потчевал он яствами:
 Салаты, фрикадельки, рыбный суп.

И мискою, вместившей два половника,
 Одарен был я в чаепитья час...
 Проклятие! Варенье из крыжовника!
 Таким был у нее оттенок глаз.

Она как будто с той поры не выпалась
 И, словно стужа тронула жнивье,
 С янтарной желтизной смешалась
 изморозь
 В соломенной республике ее.

Здесь тот же горизонт, и та же Балтика,
 И ветер лезет пятерней в лицо,
 Но страсти нет – одна психосоматика,
 Пустая, как трамвайное кольцо.

Над пристанью поморники гундосили,
 Мы попрощались быстро, не навзрыд,
 Она сказала: «Прилечу по осени»,
 Мы оба знали, что не прилетит.

И, уходя по трапу с посторонними
 И в свисте ветра слыша похвалу,
 Я чувствовал озябшими ладонями
 Сгоревших шишек теплую золу...

ЗИМНИЙ ПЕЙЗАЖ С ПАСТУХАМИ

Не видел он, уснувший на соломе,
Как в неуклюжем суетном поклоне
Склонились, будто гнули их грехи,
С косматыми бровями пастухи.

Ребенок спал, а пастухи стояли,
На рубеже восторга и печали,
И звезды спали, холодом горя,
В простуженной постели декабря.

Скрипели мироздания швы и оси,
Но спал, не слыша этого, Иосиф,
И в стареньком залатанном плаще
Спала Мария на его плече.

Они втроем дремали на рогоже
(Завет был ветхим и рогожа – тоже.)
И не были похожи на святых,
А на обычных жителей земных.

И ослик спал под брюхом у верблюда,
А там, шагов за тысячу отсюда,

Спал Ирод, отвернувшийся к стене,
И спал Иуда, чмокая во сне.

А с перевала брел простой народец,
Стекал с горы, как будто дождь в колодец,
И, словно в балагане площадном,
Он жаждал чуда с хлебом и вином.

А пастухи – еще не одноверы –
Потом тихонько выйдут из пещеры
На невесомых цыпочках втроем,
Впуская вечность в каменный проем.

Они своим поведают подпаскам,
Пока сюжет горяч и не затаскан,
А те раздарят свежую молву
Бродяге и заезжему волхву.

Звезда над головами у семейства
Творить свое пыталась чародейство,
Не в силах буквы изменить одной,
Тем паче – предрешенности земной.

ПОВИТУХА

В тот славный год зима пришла, как госпожа,
Белесым языком по лезвию ножа
Прошла – и снегирей помазала бордовым,
Была не за горой кончина декабря,
И с каждым днем бледней цвела его заря,
Он завершал дела и становился словом.

Деревню тишина укрыла с головой,
Полночный снег мерцал. И пахло синевой,
Полночной синевой, безудержною, пряной.
И человек вошел, разбивший синеву:
«Ты повитуха, да?! Так поспеши! В хлеву...»
И не договорил, и на колени прынул.

Ничейный хлев чернел деревни на меже,
Гнездился мертвый куст в проломленной уже
Который год назад кривой дощатой двери,
Морозный пар стоял серебряным столпом,
И женщина в углу при отсвете скупом
Была едва видна, как в сумрачной пещере.

Шли роды тяжело. Роженица пока
 Держала боль внутри, но смертная тоска,
 Как молоко на стол, текла в ее глазницы,
 Ее сгибала боль, как руки палача,
 И в глиняном горшке оплывшая свеча
 Пускала чертенят по стенам вереницы.

Когда они вошли, огонь почти потух,
 В окрестных деревнях среди прочих повитух
 Кудесницей слыла пришедшая старуха.
 «Кричи, – рекла она, – крик не держи во рту!»
 И закричала мать в глухую темноту,
 В поросшее быльем всеслышащее ухо.

Казалось ей – в ночи щебечут снегири,
 Казалось – у нее ворочались внутри
 Эпохи, времена, столетия без счету,
 А повитуха к ней склонилась, холодна,
 И начала вершить то, что вершить должна, –
 Кровавую свою, великую работу.

Младенец в мир пришел к утру, часу в шестом,
 И мир лежал пред ним нетронутым листом:
 Хоть целиком бери – и начинай сначала!
 Старуха, замерев, как будто не жива,
 Молчала. И молчал утративший слова
 Расхристанный отец. И женщина молчала.

Младенец пах добром и статью вековой,
 А свет, что над его струился головой,
 Дорогу озарял тому, кто ждал ответа,
 А где-то далеко, за краем синевы,
 Уже сбирались в путь суровые волхвы,
 Седлали лошадей и щурились от ветра.

И повитуха, что среди прочих повитух
 Кудесницей слыла, проговорила вслух:
 «Откуда в нем, в малом, взялась такая сила?!»
 Но, чувствуя, что свет становится теплей,
 Увидела звезду сквозь полосы щелей,
 Вздохнула глубоко – и тут сообразила.

ПОЭЗИЯ

*Александр Костерев
(Санкт-Петербург)*

Крещендо

Новой черной мысли так быстро не победить,
не смахнуть рукою упавшую косо прядь
сладких снов, придуманных, чтобы еще пожить,
и тебя, мой ангел, напрасно не искушать.
Неказистый нищий квартал, что зажат в окне,
нам глаза мозолит, чтоб точно и в нужный срок
промурлыкать песню, которая снится мне,
с озорным крещендо! Bellissimo, дурачок...
И кругами ада по комнате пробежав,
размотаю память, как старый цветной шпагат,
пустоту измерив, в которой твоя душа,
уверяет Бога, что дьявол не виноват...

Не параллельное

В параллельных мирах мы летим – горделивые птицы,
в параллельных мирах, где не встретиться и не проститься,
в параллельных мирах, постигая вселенский простор...
Параллельность миров разделяют заборы и стены:
(сохранив свое «Я» – мы возводим преграды из тлена),
ни звонка, ни письма, ни привета, ни взгляда в упор...
Нам дороже Евклид, но правы Лобачевский и Риман,
наше первое «Ма!» от прощального неотлично,
мы не ценим счастливых мгновений до крайней поры...
Параллельны миры... Мы, как линии в них, одиноки,
не транжирьте любовь: быстротечны улыбки и вздохи,
и, пожалуйста, будьте добры, берегите миры!

Восемь строчек о любви

Слушай, любовь моя, и не моя – не тронь...
Тесен дворцовый зал, в дырах потертый трон...
Я без тебя дурак, рядом с тобой – король,
Мне без тебя – никак, благодарю за боль...
Не опускай свою голову ниже плеч,
Мог бы срубить – не враг, а гильотины меч...
Йориком быть – не быть, смерть свою торопя,
Плакать, ласкать, любить... Лишь бы забыть тебя...

Помилуй

Помилуй...
Бог в улыбке и руке,
а не в иконах в красном уголке,
Он безусловно прячется повсюду:
помоет губкой грязную посуду,
под вечер шьет и штопает носки,
а что Его шаги? – Они легки,
касания Его подобны чуду...
У тихих вод заросшего пруда
желтеет одуванчик придорожный,
он тоже – Бог, и жизнь его легка,
а мы с тобой, выдумывая сложность,
ей воздвигаем гордый пьедестал...
А сколько жить – мгновенья ли века?

Под гнетом гирь торопятся часы...
Недолг век у капельки росы,
И по тропинке за крутым холмом
мы к первозданной тишине бредем...
Для грешника такая благодать
со стороны за Богом наблюдать...

Лишь тем

Буду лишь тем (без темы),
чем оживишь сознание,
буду лишь тем, кем хочешь,
или совсем никем...
Из аксиом возникнет
хрупкое мирозданье,
лишь проведи ладонью,
и никаких проблем....

Лишь проведи ладонью
ласково очень-очень,
в раковину ушную
трепетно лепеча...
То возникай, то прячься,
в черную бездну ночи,
где, оставляя зрячесть,
тускло горит свеча...

Если не будет солнца,
Невка не сдвинет льдины,
песне не хватит ноты,
иммунитету – schwach...
Лишь проведи ладонью,
тихо шепни: любимый...
И оставайся рядом,
и растворись в мирах...

Би моль

Питерский дворик... Загадочность
 блеклой звезды одичалой.
 В нашей истории сказочной
 нет ни конца, ни начала:
 не улетала бы, бабочка,
 мрачную старость тревожа,
 а трепетала под лампочкой,
 зная – так проще. И все же
 вместе с потухшими чувствами
 мыслей вчерашних не скрою –
 быть нелегко Заратустрою,
 рядом с орлом и змеєю...
 Не истлевала бы молодость,
 не остужала бы зрелость,
 вспомнилось, что не исполнилось,
 а загореться – хотелось...
 Стынут, не гнутся конечности,
 в зябких январских пространствах,
 а до тебя, как до вечности,
 не долететь, не добраться
 в неограниченность строчками.
 В непостижимость вращая,
 манит обоев с цветочками
 ложная даль голубая.
 Не потерять бы сознание,
 не насладиться бы болью...
 Не размещайте страдания
 между лавандой и молью.

До осени за день

Какие произносятся слова
 до осени за день или за два?
 Не донкихотствуй, август, вереницы
 ветров пронзают солнечные спицы,
 твоей листве пригрезилась напасть
 упасть до снега, а под ним пропасть...
 А осень – лучезарная кокетка –
 разденется почти до голой ветки
 и соблазнит своюю наготой,
 мгновеньям лета говоря:
 – Постой!

За день, за два, судьбе не прекословь –
 мы поминаем летнюю любовь,
 ведь охлаждение рыщет у порога,
 а впереди – нелегкая дорога,
 которой мы проследовать должны
 галдящим птичьим клином...
 До весны!
 Какие произносятся слова
 до осени за день или за два?

Вот бы

Вот бы встретить старость в добротном
 кресле,
 не тревожась мыслью, что будет, если
 в одинокий вечер не станет друга,
 и страны советов с названьем Google...

Соловей откормлен в древесной чаше,
 он не зря трудился, как настоящий
 заливался песней... Пропало лето –
 в проходящий поезд полно билетов...

Нас учили книги, вожди, эпоха:
 завтра будет лучше, не все так плохо...
 Пирожков поджарим на старом масле,
 мы по жизни – деды, но ходим в ясли...

В лучший мир несемся шестеркой цугом,
 согревший сам да отыщет угол...
 Где проспали душу, копясь в теле?
 И не стали лучше...
 А так хотели...

Не львиное

Прощай, кто ты не знаю – опусти –
слабеет цепь,
как будто птица рвется из груди,
а ей – не петь...
Не спрашивай меня, кто есть, кто был
я – бог и бес,
дыханье растревоженной судьбы,
полет с небес...
И ночь бела, и призрачен уют –
открыт балкон,
львы на цепях, бледнея, стерегут
твой вечный сон...
Балтийский ветер, блеклая луна
последний вздох...
Два шага из погасшего окна
до облаков ...

Троллейбус

Боже, куда запоздалый троллейбус
мчится?
Мелочь в кармане... Похожи на ребус
лица...
Бледная немощь дворовых колодцев
или
шпили – как иглы (да/нет/уколоться)
были...
В грязных разводах оконных проемов
тучи,
липкий туман, говорящий, а дома –
лучше...
Гоголь в шинели под аркою – скука,
зритель...
Хлюпик в очках и поношенных брюках –
Питер...
Стоит добавить в продвинутый смузи
вопли,
(не романтично, слеза без иллюзий –
сопли).
Хлебную коркой прикрыты стаканы
в вечность,
встреча с тоской одинокой и пьяной,

лечит...
Город как город... И многие лица –
лица!
Только троллейбус куда-то все мчится,
мчится....

СонНет

Кому рисуют свет и тень
(за пару слез оплывшей свечки)
дрова за дверцей старой печки?
Наш пляжик у прохладной речки
все также жив... Садовый пенъ
пророс и нанизал на прутик
всю эту горе-дребедень...

Забыв про красного коня,
Тебя, лохматую и злую,
во сне сотру и нарисую –
какой?

Хотел бы видеть вновь
свою вчерашнюю любовь,
я так бессмысленно ревную,
ко всем, кто были до меня...

В тоске по безмятежным дням,
когда так откровенно спится,
и не взлететь, не опуститься,
мы не пернатые...

Ведь птица
с потерей неба не смирится,
и нам бы вместе к небесам!

Прости, бродяга Дон Кихот,
по нарисованным аллеям,
где солнце круглое алеет,
я поскачу за Дульсинеей,
с годами замедляя ход...

У сказок дел – невпроворот,
веками шелестят страницы,
часам пора остепениться,
не подавать свой страшный знак:
тик-так...
тик-так...
тик-так...

ПОЭЗИЯ

*Владимир Коркин
(Ярославль)*

Катом

Год покатится катом за катом, идущим в закат,
неизбежным палачеством, казнями, самосожженьем.
На предплечье распятыя наколет Пилату легат
и латинскою вязью luella – читай: искупленье.

Снова будет предложено пробовать искус на вкус,
снова зимние звезды дрожать будут в небе от стужи,
и на белое ложе снегов нас положит Прокруст,
подгоняя под общую статью разномастные души.

...Год помчится, как будто с горы нарастающий ком,
всех сметая с пути: и меня, и Прокруста с Пилатом,
И колючие звезды вопьются терновым венцом
в лоб распятого вечера, брызгая кровью заката...

Поэту

не все бы тебе разговоры с архангелом, друже,
есть рангом пониже и чином, конечно, похуже,
но все же и те, кто никак в небеса не прорвется,
достойны услышать, как слово о них отзовется...

а в стынувших лужах, как будто цепочки созвездий,
желтеют фонарные звезды далеких предместий,
и в этих предместьях живут персонажи сюжетов,
и тем персонажам до ангелов, как до поэтов,

нет дела, в заботах о близких и хлебе насущном
и некогда думать о бренном, великом, и сущем:
они не умеют стихи сочинять и молиться,
не знают о Бродском и деньги хранят за божницей,

но если ты взялся за гуж и назвался поэтом,
как ангел-хранитель храни всех, и помни при этом,
что каждый без спросу к тебе будет торкаться в сердце:
от тихого психа до пьяной шалавы с младенцем...

Поэзия

Уснули и реки, и доли,
Дороги, леса и холмы,
Поэзия – как разносолы
Для пира во время чумы,

Где стайка веселых безумцев
Последний зажжет костерок,
И тонкие пальцы коснутся
Моих незатейливых строк.

Не бойся, родная, попробуй,
Не нужно копаться в словах,
Пока ледяной недотрогой
Застыла Луна в небесах.

Когда пожираются царства
Чумной лихорадкой огня,
Ты спой про любовь и коварство,
И выпей бокал.
За меня.

Экзюпери

Пухом белый день осыпался в прах,
Густо сыпал снег.
На семи ветрах, на семи холмах
Замер человек.
Он смотрел на небо цвета тоски,
Кутался в короткое пальтецо,
И спускались снежные лепестки
На его лицо...

Догорал румянец прошедших лет
Фитильком зари,
В небесах терялся последний след
Сент-Экзюпери,
Человек стоял на холмах эпох,
Ждал, когда вернется Маленький Принц,
Вспоминал, как гасит августа вздох
Огоньки денниц...

...Сквозь слепящий снег он смотрел вперед,
В грустный звездопад,
Зная, что надежда еще живет,
Что есть путь назад,
В дни, где нежно Принц говорит с цветком,
Где над тихой речкой плывет туман,
Где Экзюпери, лежа под крылом,
Пишет свой роман...

Я любил электричество

Я любил электричество, гроз фиолет,
Запах пыли чердачной от старых газет,
Где покоилась с миром эпоха.
И дышалось озоном, и дождик стучал,
И казалось, что жизнь состоит из начал,
Из мгновений – от вдоха до вдоха.
Перевернутый мир за оконным стеклом
Оставался недвижим, а время текло
Через дыры, прорехи и щели.
Я к сверканию молний и грому привык
И пытался учить тарабарский язык
В ожидании зимних метелей.
Колыбельную тихо играла свирель,
Ты для кошки на пальцах плела колыбель
Из обычных катушечных ниток.
Как Офелия, в белом, бледна и грустна,
Ты ко мне приходила из прошлого сна,
Только сон был печален и зыбок.
Тарабарский язык, ночь, и всполохи гроз,
Образ твой уходящий, да зелень берез –
По зиме это все запылит.
Электрических лампочек тусклый накал
Мне напомнит, что я тебя тщетно искал
Столько лет в исчезающем прошлом...

Тема

Оплывает закат. Даже воска не хватит на слезы
 Срифмовать поголовно крестовый поход куполов.
 «Постелите мне степь, в изголовье поставьте березы»,
 И родимый пейзаж до последней детали – готов.

Здесь в крапивные щи местный бес окунает копытце,
 Здесь витает былинный, до боли портяночный дух,
 Здесь коня на скаку остановят одетые в ситцы,
 Крепко сбитые бабы с глазами столетних старух.

Здесь всегда на рожон – эта тема не знает пощады:
 Головой ли в кустах, иль в груди с деревянным крестом,
 Отпоешь, отболишь до разорванных жил, до надсады,
 Не оставив себе даже буковки ять на потом...

К истокам

На нечет – чет.
 На вдох ответно – выдох.
 Плыву, купаясь в звуках языка.
 Река течет.
 И слов моих избыток
 Пока что не избыточен. Пока
 Я собираю лепет лепестками,
 Летящими, как снег, наискосок,
 Где дышит небо терпкими лесами,
 Где пьют леса небес прохладный сок,
 Где раствориться есть – со-отвориться
 И, отворившись, в со-творение впасть,
 Созвучиями допьяна упиться,
 Взлететь, нырнуть, подняться и упасть...

По отмелям, бурлящим перекатам,
 К истокам вверх, откуда речь течет,
 К мелькающим восходам и закатам,
 Сквозь вдох и выдох.
 Через нечет – чет.

Не прощайся

Не прощайся, побудь просто так, без причины,
 В этом кресле дремать можно век напролет.
 Нафталином пропах полушубок овчинный,
 А по бледному небу летит самолет.
 Белый след от него расплывается пухом,
 Телеграфная осень гудит в проводах.
 Подремли в этом кресле, ни сном и ни духом
 Чтоб не ведать себя в продувных городах,
 Где гуляющий ветер гоняет газеты,
 Где глазницы оконные мертво пусты.
 Ты на всякий вопрос знал когда-то ответы
 И над бездною строил надежно мосты
 Между прошлым и будущим, но в настоящем
 Ты, как в царстве теней, здесь – ни свой, ни чужой,
 Созерцатель закатов, стареющий мальчик
 На кругах бесконечности, тронутых ржой.
 Посиди просто так, отдохни, отогрейся,
 Просеивая сквозь пальцы прошедшего прах.
 Не спеши никуда. Вот и кончена пьеса
 О скитаниях вечных в далеких мирах.

Намелите мне муки

намелите мне муки, намолите дома место.
 небеса недалеки, а в миру вдруг стало тесно...
 свет так бел, что резь в глазах, что срывается дыханье,
 намолите образа, поднесите мне в стакане
 чистый спирт моей страны, обжигающий и крепкий,
 с ней от века мы родны, как родны все листья с ветки,
 пусть потерей для нее я не стану – эко дело,

здесь душа моя жива, хоть вращается в землю тело...
 пусть проклюнется росток сквозь незрячие глазницы,
 я и запад, и восток, и водица из криницы,
 шорох трав, и языки, на которых говорите...

намелите мне муки, небеса мне намолите...

Мир за гранью

...я буду строить мир за гранью всех миров,
 я буду строить мир своих исчезновений,
 мир, сотканный мозаикой мгновений,
 где стаи снов с глазами сонных сов
 сидят на стрелках замерших часов,
 а гений-кот, забравшись на колени,
 читает книжку избранных стихов
 поэтов всех времен и поколений,
 где можно плыть и плыть по волнам лени
 в челне без весел и без парусов
 вдоль берегов загадочных лесов,
 где бегают пятнистые олени
 по пестрым гобеленам из цветов
 полян лесных, где чашечки весов
 застыли в равновесии, где тени
 не борются со светом, где богов
 пока что нет, и мир мой юн и нов,
 он, как щенок, готов бежать за всеми,
 и всех принять, не ведая, что бремя
 чужих судеб запустит ход веков...

и он умрет, когда начнется Время...

Слушать музыку речи

Слушать музыку речи родной,
 пить ее пересохшей гортанью,
 и холодной водой ключевой
 умыться. Прозрачною ранью,
 где пульсирует сердце земли
 родником, словно жилкой височной,
 не сжигать за собой корабли,
 а построить любовно и прочно
 свой ковчег всем земным существам,
 чтобы выжить в любом катаклизме.

...И стихи разбросать по листам,
 как янтарные капельки жизни.

ПОЭЗИЯ

Елена Куприянова
(Москва)

я буду для тебя такой красивой
что захватило дух
остановилось сердце
проходящие трамваи
встали тоже и звенят
а я иду и не подозреваю
как в облаках накопленная нежность
туманом опускается на плечи
высоковольтных намагниченных людей...

мне приснилась Греция и греческая лампа
в Греции я не была, давно хотела
полететь к Афине, Парфенону
оказаться там на верхотуре
где живут циклопы и титаны
потому что боги даже выше

съездить и подняться к олимпийским
кто бы ни были они, но держат
как атланты и кариатиды
чтобы не отклеивались тучи

лампа, масляная, с носиком, чуть не забыла
к черту ехать, может, в ней все дело
где бы мне найти ее в округе
и зажечь, во сне она горела

освещала и курилась, пахла
эвкалиптом, розовым сандалом
миртом, лавром, водорослью, ветром
мокрой кожей выцветших сандалий...

гамак во дворе и ветер
тугой, обещают снег
домой убежали дети
и, кажется, ищет ночлег

спустившееся на землю
от сырости небо, легло
одышка, и небо медлит
на дом опираясь крылом

пошли, старичок, летаем
ветрило, в восторге гамак
нас двое, мы будем стая
подумало небо – дурак

что можно сравнить с покоем
когда, предвкушая снег
бредут, рука в руку, двое
калик перехожих, век

неплотно прикрытых пара
и пара открытых глаз
идут молодой и старый
всегда удаляясь от нас...

а снег в лицо и утром колко
мурашки лезут по плечам
гудит, оттаяв, барахолка
не разгорается очаг

никак, никак не разозлится
огнем, огню, огня и дым
в камине стонет жар-девица
и веником ему под дых

а снег в лицо и на стоянке
стоят, поскольку хода нет
и пересаживает в санки
кому не срочно, добрый дед

поговори со мной, о чем не хочется,
невыносимом, вяжет тело кольцами,
так неудобно в шелкопрядном коконе
обмениваться, разбиваясь, окнами,
иллюминаторами в лодках одиночества

поговори, как ты умеешь, взглядами,
я сомневаюсь, даже вместе, рядом ли
твое дыханье, дуновением уносятся
за словом слово, обвивая кольцами,
мою любовь, простую, ненарядную...

нет лекарств от знобящей печали,
говорящей и дышащей снами,
две скорлупки на старом причале
зимовали с другими, не с нами.

вспоминали далекие ходки,

флибустьеров, девятые бури,
ледоход, непременно в Находке,
тает снег в розовой глазури.

трутся боком о пристань, вздыхая,
прислоняясь бортами друг к другу,
грезят склянками, сырость какая,
про свою отпускную Тортугу,

разбитную веселую бухту,
фонари и матросы – все пляшут,
мир с вершины от радости рухнет,
исполняя желания наши.

две гондолы с изгибами шеи,
на призыв гондольер не ответит,
дрейфовали к сверкающим шельфам.
нет лекарств, только северный ветер...

я слышу твои слова
в словах людей
я вижу твои цвета
в цветах цветов
еще я вижу твои
в морях кораблей
приближенные небеса
к лесам лесов

и те, что нам говорят
царям царей
отпущенные горят
не зная сна
двоим или троим
в словах из слов
осанна
сына о нас
сына
о нас

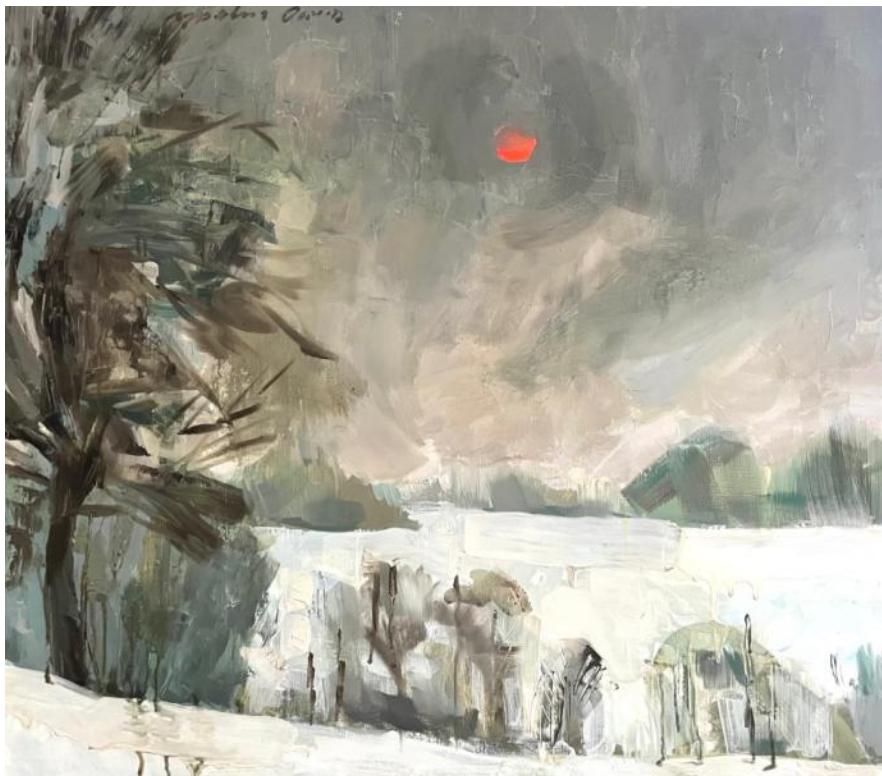
умоляю тебя, не болей
ну, и не умирай, в результате
может, в нашем единственном штате
есть немного здоровых людей?

я прошу тебя, просто живи
где-нибудь, кое-как, как придется
присылай иногда мне ави-
или почтой морской веретенца

с двумя строчками между льняных
разноцветных мулиновых салфеток
мол, стреляет и колет под дых
и с вопросом: а как там у деток

я пошлю тебе лиц и стихов
про здоровье ругательских страхов

будто на одном из островов
ты живая, взлетевшая птаха

Ольга Гуревич. Зимний рассвет. Холст, масло

ПОЭЗИЯ

Юлия Белоус
(Москва)

Соло

Послезавтра весна. И окно в зимней пыли – как в иное.
Солнце чертит лениво по стенам озябшим эскиз.
Рыжеватый, как хна, запоздавший закат перемирие
С горизонтом спешит заключить, извиняясь за теплый каприз.
Послезавтра весна. Вот иллюзия предсказания.
Послезавтра, как терция – мягкий полускачок.
Светозвуковолна. И зима скандинавским преданием
В память гулкую канет. И тоненький липы смычок
Распрямится под солнцем – весна станет ласковой скрипкой,
Осторожно к щеке прислонит ее юноша-март.
Тронет струны – и солнцем, как патокой липкой,
Обволакивать будет рахманиновский терцкварт.

Рязанский кремль

Вечер прозрачен и бел. Следы на снегу – как ноты.
Фотография тут бессильна: природная акварель.
Прическа березы замерзла. Льдистые бутерброды
Река для весны готовит, а ночь миксует коктейль.
Пес апельсинного цвета на белой тропинке ярок,
Беседует интеллигентно со стаей бродячих щенков.
Звон колокольный гаснет в светлой темени арок.
Звезды по небу скрежещут лучами своих коньков.
Сумерки. Колкая дрема. Пары и одиночки
Скрипуче идут по снегу. Скрип – лейтмотив февраля.
Вновь ускользает суббота в прошлого гулкую бочку.
Скоро весна? Конечно! Полмесяца – и вуаля.

На набережной

Снег в этот год затянувшийся –
 Мотивчик зимы недопетый.
 Трубёж еще не проснувшийся.
 Лед – черновик для сонетов.
 Мост раздавленной ящерицей
 Делит замерзшую речку:
 Вода под коростю прячется.
 На льду – будто белая гречка.
 Лед. Грязный снег на пристани.
 А дальше – Ока, как в рамочке.
 Деревья, наверно, выросли...
 Стихи – февраля фотокарточка.

Фанатик

Рояль озяб в безлюдном зале.
 Шлейф обертонов растворился.
 И кресла проскрипели: «Vale!»
 Но пианист не торопился.
 Он слушал тишину, как пьесу,
 Запоминал ее тональность,
 Чтобы не поддаваться стрессу
 И не идти опять на крайность.
 А «крайность» – снова на пюпитре:
 В значках и нотах плотно сжата.
 Клавиатура – как палитра.
 Крылом прозрачным arpeggiato
 Взмахнуло. Взмыло и...разбилось!
 Осколками весь зал украшен.
 И тишиною обратилась
 Гармония. И свет погашен.

Берлин

Узколицая тишина,
 Узкоглазая темнота.
 Блюдечко луны опрокинулось.
 Безграничная ширина
 И хрустальная немота –
 Это где-то звезда с места сдвинулась.
 Ты сидишь за роялем сутул,
 Потому что очень устал,
 Потому что концертный тур вымотал.
 Под тобою качнулся стул.
 А порвать контракт? Нет, скандал...
 На пюпитре все ноты сдвинуты.
 А за рамой окна – мегаполис.
 Музыкальные звездные капли
 Пробиваются через дымку.
 И ты думаешь volens-nolens,
 Что опять наступил на грабли.
 И внезапно сыграешь... Глинку!

Учитель природоведения

Кто программист, а кто предприниматель,
 Кто врач, а кто-то выгодно женился.
 А я горжусь, что я – преподаватель!
 Дипломчик только малость запылится...
 И если пробивает на сарказмы,
 Одно лишь оправдание: мол, осень.
 Зато как жизнь моя разнообразна:
 То лист рябины, то иголки сосен...
 Мое природоведенье важнее
 Всех этих инфоматик вместе взятых:
 Ведь перед монитором мы тупеем,
 Природа электроникой распята...

ЗАПИСКИ НА МАНЖЕТЕ

Ольга Рыбакова

(МОССАЛИТ, Москва)

ЖИВОЙ ОГОНЬ

Каждую осень ближе к концу сентября я опять и опять задаюсь вопросом: кто решил, что включать отопление в домах нужно только после недели среднесуточной температуры воздуха ниже восьми градусов тепла? В каком регионе нашей необъятной родины проживает этот человек? Может быть, где-то на юге?

Сентябрь в средней полосе России хорош только в своей первой половине – раскрашенные в солнечный цвет листья кленов, остывающая голубизна высокого неба и бархатное прикосновение солнечного луча к коже.

Бабье лето обманчиво и лукаво. День осеннего равноденствия 22 сентября – день крушения иллюзий. Осень неизбежна и безжалостна. Ночные температуры начинают сползать ближе к нулевой отметке, утро и вечер предательски жмутся к ночи. Панельные многоэтажки стремительно теряют тепло, монолитные постройки держатся на пару дней дольше, но и их оборона не вечна: оконные проемы – готовая лазейка для холода.

Вставать по утрам на работу по сигналу будильника всегда непросто, но в осенние холода миссия становится практически невыполнимой: при мысли о том, что сейчас придется откинуть теплое одеяло и отдать свое тело на растерзание каким-нибудь шестнадцати градусам комнатной температуры, становится невыносимо. Злость, раздражение, обида на весь мир. День не задался.

Прожитые в «морозильном» режиме дни до благословенного момента, когда батарея из ледяной становится молочно-теплой, выматывают физически и морально. О них хочется поскорее забыть – закинуть в самый дальний и темный угол чулана памяти. «У природы нет плохой погоды» – написал Эльдар Рязанов. Возможно. Не буду спорить – к природе претензий нет. Вопросы только к коммунальщикам.

В этом году привычный сценарий моих взаимоотношений с осенними холодами был нарушен. Так случилось, что пару недель отпуска, неудачно пришедшихся на вторую половину октября, я провела вдали от уютных благ цивилизации в доме, расположенном в километрах в пяти от ближайшей автомобильной трассы и в восьми – от ближайшего поселкового продовольственного магазина. Мобильная связь из воспоминаний двадцатилетней давности: забраться на холм и подпрыгивать с телефоном в руке или залезть на высокое дерево. Практически экологический туризм.

Частью программы «Назад к природе» стала посильная помощь по хозяйству. Мне доверили два направления борьбы за красоту участка: подготовку нескольких грядок к зиме и уборку опавших листьев. С грядками было более или менее просто: выдерни все, что торчит из земли, чтобы весной можно было посеять разные разности – петрушку, укроп, салат и прочие

Ольга Гуревич. Свет в окне. Холст, масло

зеленые витамины. Хотя, конечно, для меня, городского жителя, и здесь не обошлось без сюрпризов.

Во-первых, я не представляла, что земляные червяки могут быть настолько упитанными и длинными. Пока они перетекали с того места, где я их потревожила своими копательно-вырывательными усилиями, в спасительную черноту еще не тронутой мною земли, проходило секунд десять. За это время во мне успевала проснуться память рыболова

(в детстве мы с отцом ловили рыбу на удочку) и я отчетливо представляла, какой лакомой приманкой мог бы стать такой червяк.

Во-вторых, я не могла даже предположить, что растущие около забора раскидистый дуб, два высоченных клена и несколько упитанных кустов лещины станут моими личными врагами. Это сколько же листы нужно иметь, чтобы все время стряхивать и стряхивать ее на землю?! Со стороны может показаться, что сгребать листву и вывозить ее на тачке в специально отведенное место просто. Простым это занятие бывает только первые полчаса. Потом начинает прихватывать поясницу, а тачка, которая в самом начале казалась достаточно легкой и удобной для маневрирования по садовым дорожкам, вдруг обретает пудовую тяжесть и катастрофическую неповоротливость.

Но все тяготы и неудобства сельской жизни компенсировались для меня обретением нового волшебного опыта: я научилась топить печь. Никогда не могла подумать, что это занятие может оказаться таким увлекательным и даже захватывающим. Сколько нюансов и хитростей нужно знать для того, чтобы печь выполнила свою миссию – нагрела дом. Не могу похвастаться тем, что все получилось с первого раза. Поначалу бумага и щепки для растопки прогорали у меня быстро и самостоятельно, даже не облизнув огнем основные поленья. Потом я столкнулась с другой капризулей – с тягой. Мы никак не могли войти с ней в унисон: то огонь бушевал и уносился бесполезным теплом в холод осенней ночи, то вяло растекался по бокам поленьев, растягивая их прогорание в бесконечные часы.

Народная мудрость гласит: «Сделаешь раз со сто – тогда и будет просто». На сто раз, конечно, отпускных дней не хватило, но за две недели мне все-таки удалось преодолеть путь от «не получается» до «я смогла». Горячий кирпичный бок печи, завораживающая переменчивость живого огня, едва уловимый привкус дыма на одежде, уютное тепло дома, в которое так приятно окунуться после осенней улицы, – эти ощущения я буду помнить всегда.

Городская квартира к моему возвращению прогрелась: из молочно-теплого батареи перешли в обжигающий формат. Меня, кстати, всегда удивляют эти крайности. Просто горячими батареи быть не могут? Но какой бы температуры они ни были, они не живые. Они дают тепло, но не умеют привораживать к себе, как умеет это делать огонь деревянной печи.

СОБИРАЕМ ЧЕМОДАНЫ

Анастасия Милютина
(Москва)

КАРЕЛИЯ.

Хроники одного путешествия

Фото автора

Первые майские выходные 2022-го. За плечами «Сапсан» до Питера и несколько часов за рулем, любимое побережье Финского залива и необыкновенной красоты извилистая дорога. Я сижу перед большим окном в пол и люблю карельской природой, смотрю на озеро, покрытое снегом, чувствую запах хвойных деревьев и слушаю шум равнинного водопада. Это было отличное решение – провести праздники в Карелии!

Выехав из Северной столицы, мы двинулись в сторону Приморска. До 1940 года это был поселок, называвшийся Койвисто (от финского *keivu* – береза). Сейчас Приморск – небольшой пограничный город, до 1990-х остававшийся закрытым, с пропускной системой. О поселении Березовское известно из летописей XIII века. Тогда Ярослав Мудрый был женат на дочери шведского короля (принцессе Ингигерде). Местность находилась под влиянием как Швеции, так и Новгородской республики. По Ореховскому миру 1323 года земли отошли к Швеции. Нынешний Приморск вернулся в состав России при Петре I – тогда были присоединены к России отвоеванные на западе территории, включая Выборг. Земли стали частью Санкт-Петербургской губернии как Выборгская провинция.

Замок в Выборге

В 1920 году село Березовое вышло из состава России и в течение двадцати лет принадлежало Финляндии, и только после Зимней войны (1939–1940) поселок окончательно присоединили к СССР.

В Приморске хотелось увидеть главную достопримечательность – кирху Святой Марии Магдалены. Собор был построен в самом начале XX века и является образцом позднего финского романтизма.

Бывший завод в Рускеале

Карельские водопады

Кирха выполнена в форме креста из гранитных плит. Ее готический шестидесятиметровый шпиль – один из символов прибрежного города.

От Выборга нас отделяло чуть меньше часа. Поездка в эти места была долгожданной. Я бывала в Ленинградской области неоднократно, но до Выборгского района никак не удавалось доехать. В начале первого тысячелетия здесь проживало племя *корела*, представители которого являлись предками современных карел. Замковый остров (Воловий), где располагалась небольшая карельская крепость, находился в стратегически важном месте, позволявшем контролировать торговый путь из Финского залива в Ладогу.

В конце XIII века шведы захватили эту местность и основали замок Выборг, призванный стать форпостом на границе с карельскими племенами. На полуострове рядом с замком быстро вырос крупный торговый порт. Взять Выборг получилось только во время правления Петра I. По результатам Ништадтского мира Выборг и весь Карельский перешеек вошли в состав Российской Империи.

В Выборге пахнет Европой. Интересно не только посмотреть на главную достопримечательность города – замок, но и прогуляться по центральным улочкам, вымощенным брусчаткой.

В этот день был ужасный ветер, который как в прямом, так и в переносном смысле сдувал с ног. Приближался закат, и надо было двигаться дальше в сторону Карелии.

Мы остановились недалеко от Сортавалы, в километре от трассы, в небольшом отеле с двухэтажными корпусами. Наш номер с панорамным окном от пола до потолка и потрясающим видом на озеро располагался на втором этаже. Май совершенно не ощущался. На озере все еще стоял лед, поверх которого лежал снег. Где-то в темноте слышался гул равнинного водопада, и тонкий запах карельского леса наполнял комнату.

До X века практически всю территорию современной Карелии занимало племя *саами*, между Ладожским и Онежским озерами располагалось племя *весь*, а к западу и северу от Ладоги жили *корела*. В X–XI веках южная часть Карелии попала в сферу влияния древнерусского государства, стали возникать славянские поселения. В XVII веке Корела отошла к Швеции и была возвращена России, как и Выборг, только в 1721 году, после поражения шведов в Северной войне. Северная война дала мощный толчок промышленному развитию Карелии. Активно развивалась металлургия, было построено несколько заводов. У самого

Горный парк Рускеала

Карельские водопады

крупного из них возникла Петровская слобода, которая стала городом Петрозаводском во время правления Екатерины II.

Но Петрозаводск не был целью нашего путешествия в эти выходные. Мы двигались по западному побережью Ладоги в сторону севера.

Самой дальней точкой стал горный парк «Рускеала». В 1768 году в Рускеале началась добыча мрамора. Месторождение было открыто, когда потребовался материал для облицовки здания Петербургской академии художеств. К началу XIX века рускеальские каменоломни превратились в крупное предприятие. Для обучения финнов и карелов добыче и переработке камня с Урала и из Санкт-Петербурга привезли квалифицированных рабочих.

Проектом века для рускеальских каменоломен стало сорокалетнее строительство Исаакиевского собора. Архитектор Огюст Монферран, для которого собор стал делом всей жизни, лично посещал разработки мрамора, чтобы убедиться в качестве поставляемого материала. Рускеальский мрамор использовался для внешней облицовки собора, полов и отделки интерьеров Исаакия.

После окончания строительства собора Рускеала осталась на десять лет без госзаказов, разработка постепенно остановилась. Но к концу XIX века здесь вырос мраморно-известковый завод, который производил строительную известь, щебень и декоративную каменную крошку.

До Великой Отечественной войны месторождение разрабатывалось в шесть горизонтов, три из которых находились под землей. Потом Карелия была оккупирована финскими войсками. В послевоенные годы из Рускеалы поставляли камень длястроек и восстановительных работ во многие города СССР. Интересно, что для восстановления Исаакия использовали мрамор из главного карьера. На местах спиленных глыб мрамора образовывались отвесные скалы с идеально гладкой поверхностью и причудливыми природными узорами.

До 1990-х годов отсюда поставляли материалы для отделки новых станций метро в Ленинграде и Москве.

В настоящее время вокруг главного карьера находится Горный парк «Рускеала». Теперь это одна из самых известных достопримечательностей Карелии.

Буквально десять минут, и мы уже стоим перед Рускеальскими водопадами, самым крупным из которых является Ахвенкоски. Такое название было получено, когда эта часть

Рускеальский экспресс

Про карельские водопады писал и
Гавриил Державин:

*Шуми, шуми, о водопад!
Касаяся странам воздушным,
Увеселяй и слух и взгляд
Твоим стремленьем, светлым,
звучным,
И в поздней памяти людей
Живи лишь красотой твоей!*

Карелии входила в состав Финляндии. Раньше здесь располагалась финская ГЭС. Потрясающая природа, бурлящие потоки воды, оборудованная тропа, подвесные мосты и чистый воздух. Вода здесь отличается коричневатым оттенком, что объясняется влиянием залежей ископаемых и примесями железистых соединений. Кстати, в переводе с финского Ruskeala – коричневый, бурый.

В Горный парк из Сортавалы ходит ретро-поезд. Настоящий паровоз! На панораму лесных массивов, озера Кармаланъярви и железную дорогу можно посмотреть с горы Паасо. В XII–XIII веках здесь, на пике, было древнее городище, в котором проживали карелы. К настоящему времени древних сооружений на вершине не осталось.

Моросило. Поднявшись на гору по экотропе, мы сидели на краю вершины и ждали заветного поезда. Это было одно из самых потрясающих зрелищ: озеро, железная дорога, мчащийся паровоз, из трубы которого валит дым.

Наше путешествие подходило к концу. Мы ехали по извилистой дороге, которая то круто убегала вверх, то резко летела вниз. Скалы временами так близко прижимались друг к другу, что приходилось останавливаться, чтобы разъехаться со встречной машиной. Повсюду лежал снег, но временами вдруг начинал моросить дождь. До слез не хотелось уезжать. Мысль о том, что придется возвращаться в Петербург, а потом садиться на московский поезд, наводила тоску. Я думала о том, как легко здесь дышится! И о свободе. Что именно здесь я ощущала себя особенно свободной. И счастливой.

Дорога... Любите ли вы дорогу так, как люблю ее я? Дорога всегда манит. Никогда не знаешь, что ждет тебя за следующим поворотом. Непредсказуемая и прекрасная, опасная и загадочная, манящая и многообещающая...

Последний день в Питере. Здесь снова голубое небо! Я сидела на лавочке в «Севкабель Порте», смотрела на Финский залив. Вечером я уже уеду в Москву. Но впереди новые путешествия. А Питер? Сюда я обязательно вернусь, к этому голубому небу и холодному морю.

Московский салон литераторов (МОССАЛИТ)

www.moscowbazar.com

mari.veglinska@mail.ru

© МОССАЛИТ, 2022